

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2020 Том 20

ISSN 1817-7115 (Print)

ISSN 2541-898X (Online)

Издается с 2005 года

Серия Филология. Журналистика, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

- Хижняк С. П.** Проприальные номены в англоязычной юридической терминологии 4
- Данилина Н. И.** Латинское наследие в русской морфемике: прилагательные на *-альный* 9
- Поварницына Е. Д.** О лексической вариативности в переводах с мёртвого языка (флора и фауна в «Слове о полку Игореве» и его переводах на французский язык) 15
- Загребельный А. В.** Авторская паремия *Не хвались в Россию едучи, а хвались за границу удираючи* в русском языке 1905–1907 годов 21
- Лиминь Пэй.** Плеоназм как стилистический прием в прозе И. А. Бунина (на примере рассказа «Натали») 25
- Баландина Е. С.** Исследование концепта «Пионер» в языковой картине мира носителей русской культуры 30
- Замальдинов В. Е.** Аббревиатуры как ключевые элементы социокультурного пространства в современных медиатекстах 35
- Rodionova T. V., Privalova I. V.** Peculiarities of Medical Discourse in Professional and Non-Professional Settings [Родионова Т. В., Привалова И. В. Особенности профессионального и обыденного медицинского дискурсов] 39
- Шуплецова Ю. А., Ястремская Ю. А.** Лексические особенности функционирования языка социальных сетей в среде провинциальной молодежи 44

Литературоведение

- Рапацевич Е. В.** Два Филарета: о специфике изображения святых в произведениях Н. С. Лескова 49
- Альбрехт О. В.** Образ сада в романе Э. Золя «Проступок аббата Муре» 54
- Мокина Н. В.** Дантовские мотивы в рассказе А. П. Чехова «Студент» 59
- Кабанова И. В.** Образ России в «Рыцаре без доспехов» Джеймса Хилтона 65
- Демина Л. И.** Особенности жанра портрета в русской литературе XX века: «Маленькие портреты» В. П. Некрасова 71
- Кривонос В. Ш.** Реальность зла в «Одном дне Ивана Денисовича» А. И. Солженицына 75
- Алтынбаева Г. М.** Комментарий в скобках как способ проявления авторской личности в мемуарной книге А. И. Солженицына «Бодался телёнок с дубом» 81
- Муратова Я. Ю.** Проблема «гибридности» в произведениях А. С. Байетт «Ангелы и насекомые» и «Свистящая женщина» 85
- Кириченко В. В.** Проблема еврейской идентичности в произведениях Жоржа Перека 91
- Сафрон Е. А.** Специфика хронотопа романа С. Лукьяненко «Черновик» 96
- Короткова Н. С.** Притчевое начало в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» 101
- Трубецкова Е. Г.** Борьба с амнезией: набокковские «знаки и символы» в романе Е. Водолазкина «Авиатор» 104
- Гусакова О. Я.** Социокультурный смысл чтения как предмет эмпирического изучения: реальность и возможности 109

Критика и библиография

Представляем книгу

- Елина Е. Г.** Художественный текст как диагноз 114
- Павлова С. Ю.** Необыкновенные приключения французского популярного романа 116

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76639 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01 – русская литература; 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (английская, американская, французская); 10.01.10 – журналистика; 10.02.01 – русский язык; 10.02.04 – германские языки; 10.02.05 – романские языки; 10.02.19 – теория языка)

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36011, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 25.02.20.

Подписано в свет 02.03.20.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 13,71 (15,0).

Тираж 500 экз. Заказ 14-Т.

Цена договорная

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2020

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям: Лингвистика, Литературоведение, Журналистика, а также материалы в разделы Представляем книгу и Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – 8–10 страниц.

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), ORCID, адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. С правилами рецензирования можно ознакомиться по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: iyu@mail.ru, телефон для справок (8452) 21-06-48. Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Khizhnyak S. P.** Nomenclature Signs in Legal Terminology of the English Language 4
Danilina N. I. Latin Heritage in Russian Morphemics: Adjectives with Final *-alny* 9
Povarnitsyna E. D. On Lexical Variability in Translations from the Dead Language (Flora and Fauna in *The Tale of Igor's Campaign* and its French Translations) 15
Zagrebelnyy A. V. The Author's Proverb 'Don't Boast While Coming to Russia, but Boast While Scuttling Away Across the Border' in the Russian Language of 1905–1907 21
Limin' Pej. Pleonasm as a Stylistic Reception in I. A. Bunin's Prose (On the Example of the Story *Natalie*) 25
Balandina E. S. The Concept 'Pioneer' in the Russian Linguistic Picture of the World 30
Zamaldinov V. E. Abbreviations as Key Elements of Social and Cultural Space in Contemporary Media Texts 35
Rodionova T. V., Privalova I. V. Peculiarities of Medical Discourse in Professional and Non-Professional Settings 39
Shupletsova Yu. A., Yastremskaya Yu. A. Lexical Features of the Functioning of the Social Networking Language in the Community of Provincial Youth 44

Literary Criticism

- Rapatsevich E. V.** Two Philarets: On the Special Features of the Saints' Images in the Works by N. S. Leskov 49
Albrecht O. V. The Image of the Garden in the Novel *La Faute de l'Abbé Mouret* by Emile Zola 54
Mokina N. V. Dante's Motives in A. P. Chekhov's Story *Student* 59
Kabanova I. V. Russia in James Hilton's *Knight Without Armour* 65
Demina L. I. Special Features of the Portrait Genre in the Russian Literature of the 20th Century: V. P. Nekrasov's *Little Portraits* 71
Krivosos V. Sh. The Reality of Evil in *One Day in the Life of Ivan Denisovich* by A. I. Solzhenitsyn 75
Altyubaeva G. M. A Commentary in Parentheses as a Means of Manifesting the Author's Personality in the Memoir Book by A. I. Solzhenitsyn *The Oak and the Calf* 81
Muratova Ya. Yu. The Problem of 'Hybridity' in the Novels *Angels and Insects* and *A Whistling Woman* by A. S. Byatt 85
Kirichenko V. V. Problem of Jewish Identity in Georges Perec's Works 91
Safron E. A. The Specifics of Chronotope of the Novel by S. Lukyanenko *Rough Draft* 96
Korotkova N. S. Parable Elements in the Novel by L. Ulitskaya *Jacob's Ladder* 101
Trubetskova E. G. The Fight against Amnesia: Nabokov's 'Signs and Symbols' in the Novel by E. Vodolazkin *The Aviator* 104
Gusakova O. Ya. Social and Cultural Significance of Reading as the Subject of Empirical Study: Reality and Possibilities 109

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Elina E. G.** Literary Text as a Diagnosis 114
Pavlova S. Yu. Remarkable Adventures of a Popular French Novel 116

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Павлова Светлана Юрьевна, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аликаев Рашид Султанович, доктор филол. наук, профессор (Нальчик, Россия)
Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Седльце, Польша)
Борисов Юрий Николаевич, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Вартанова Елена Леонидовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Викторова Елена Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Горбунов Юрий Иванович, доктор филол. наук, доцент (Тольятти, Россия)
Горошко Елена Игоревна, доктор филол. наук, доктор социол. наук, профессор (Харьков, Украина)
Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Долинин Александр Алексеевич, PhD (Мэдисон, штат Висконсин, США)
Егоров Борис Федорович, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Клоков Василий Тихонович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Крысин Леонид Петрович, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия)
Лённгрен Тамара Павловна, PhD (Тромсё, Норвегия)
Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)
Никитина Серафима Евгеньевна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Норман Борис Юстинович, доктор филол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Панова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Разумова Лина Васильевна, доктор филол. наук, доцент (Чита, Россия)
Ратмайр Ренате Фелисите, PhD (Вена, Австрия)
Свитич Луиза Григорьевна, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, КНР)
Чекалов Кирилл Александрович, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Шамне Николай Леонидович, доктор филол. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филол. наук, доцент (Самара, Россия)
Шраер Максим Давидович, PhD (Бруклин, штат Массачусетс, США),
Щепилова Галина Германовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM»**

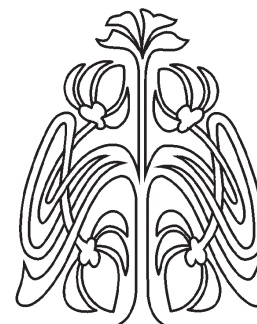
Editor-in-Chief – Valeriy V. Prozorov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Irina Yu. Ivanyushina (Saratov, Russia)

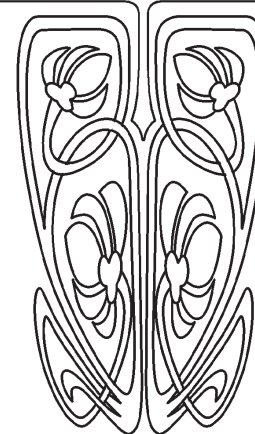
Executive Secretary – Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Rashid S. Alikaeov (Nalchik, Russia)	Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus)
Veronika D. Altashina (St. Petersburg, Russia)	Serafima E. Nikitina (Moscow, Russia)
Olga Yu. Anzyferova (Siedlce, Poland)	Boris Yu. Norman (Minsk, Belarus)
Yuri N. Borisov (Saratov, Russia)	Olga Yu. Panova (Moscow, Russia)
Elena L. Vartanova (Moscow, Russia)	Natalia T. Pakhsaryan (Moscow, Russia)
Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia)	Lina V. Razumova (Chita, Russia)
Yuri I. Gorbunov (Togliatti, Russia)	Renate F. Rathmayr (Vienna, Austria)
Elena I. Goroshko (Kharkiv, Ukraine)	Luisa G. Svitich (Moscow, Russia)
Vadim V. Dementiev (Saratov, Russia)	Olga B. Sirotinina (Saratov, Russia)
Alexandr A. Dolinin (Madison, Wisconsin, USA)	Huan May (Beijing, People's Republic of China)
Boris F. Egorov (St. Petersburg, Russia)	Kirill A. Chekalov (Moscow, Russia)
Elena G. Elina (Saratov, Russia)	Nikolay L. Shamne (Volgograd, Russia)
Irina V. Kabanova (Saratov, Russia)	Vyacheslav D. Shevchenko (Samara, Russia)
Vasily T. Klovov (Saratov, Russia)	Maksim D. Shrayer (Brookline, Massachusetts, USA)
Leonid P. Krysin (Moscow, Russia)	Galina G. Schepilova (Moscow, Russia)
Tamara P. Lönngren (Tromsø, Norway)	

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.111'367.622.12:34

Проприальные номены в англоязычной юридической терминологии

С. П. Хижняк

Хижняк Сергей Петрович, доктор филологических наук, заведующий кафедрой английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, khizhnyaksp@inbox.ru

В статье рассматривается один из сложных вопросов терминоведения – проблема структурных и семантических особенностей проприальных номенов в терминологии на материале терминосистем англо-американского, международного публичного, европейского права и Организации американских государств. На основе анализа номенклатурных единиц, представленных именами юридических прецедентов, и с учетом существующих классификаций имен собственных выявлены структурно-семантические особенности юридических проприальных номенов, предложено выделять особый тип периферийных онимов – пройгоуменонимы.

Ключевые слова: юридическая терминология, имена собственные, пройгоуменонимы, семантика, терминологический фон.

Nomenclature Signs in Legal Terminology of the English Language

S. P. Khizhnyak

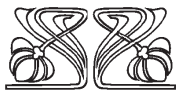
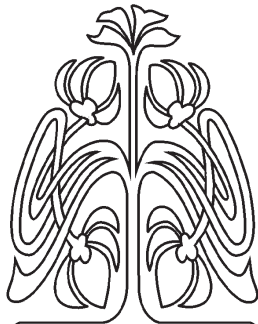
Sergey P. Khizhnyak, <https://orcid.org/0000-0001-6456-6175>, Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia, khizhnyaksp@inbox.ru

The article deals with one of the complex issues of terminology – the problem of structural and semantic features of nomenclature signs coined with the help of proper names on the material of the terminological systems of the Anglo-American, international public, European law and the Organization of American States. On the basis of the analysis of the nomenclature units represented by the names of legal precedents, and taking into account the existing classifications of proper names, characteristic features of legal nomenclature signs were revealed. It is also proposed to identify a special type of peripheral nomenclature signs – proigoumenonyms.

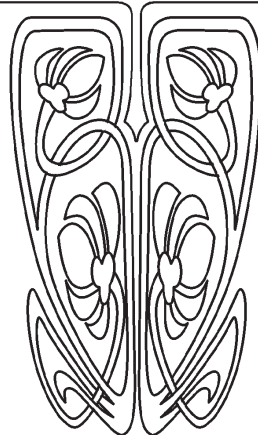
Keywords: legal terminology, proper names, proigoumenonyms, semantics, terminological background.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-4-8>

Проблема имени собственного как особого средства терминологической номинации постоянно находилась в центре внимания на всем протяжении развития общей теории термина (см., например, работы А. А. Реформатского¹, В. П. Даниленко², Т. Н. Шараповой³ и др.). В истории развития терминоведения в отношении оценки роли и целесообразности использования имен собственных для терминологической номинации имеются различные точки зрения. Так, А. А. Реформатский рассматривал эпонимические термины как нежелательные, поскольку они «приучают к бессмысленным кличкам, которые представляют собой ... фирменные и патентованные названия, требующие сложной расшивки и исторического комментария», называя составные единицы с определяющим компонентом, выраженным эпонимом, «термином-схемой»⁴. А. В. Суперанская указывает, что «семиотичность ономастических систем замкнутых коллективов связывает имена как слова с очень широким кругом ... явлений, воспринимаемых лишь членами данных коллективов и не всегда понятных лицам непосвященным. В этом отношении имена собственные сбли-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

жаются с терминами, а ономастика как наука – с терминологией (терминоведением)⁵.

Проблема использования имен собственных для терминологической номинации осложняется тем, что они выступают как структурные компоненты разных единиц – терминов и номенов. Еще Г. О. Винокур⁶ и А. А. Реформатский⁷ стремились разграничить эти единицы. Наиболее популярной основой для их различия стало положение А. А. Реформатского о том, что номены сопряжены с понятиями, но неисчислимы и отличаются усиленной номинативностью, а термины связаны с понятиями науки и исчислимы⁸. Исследователи отмечают, что для термина доминирует связь «имя ↔ понятие», а номены имеют ослабленную связь с понятием, которая опосредована предметом⁹. Большое разнообразие терминосистем обуславливает наличие в них некоторых специфических разновидностей терминов и номенов, а также особенности связи номена и понятия. В английской юридической терминологии широко используются проприальные единицы (термины и номены), однако если проприальные термины составляют незначительный по объему корпус единиц, проприальные номены неисчислимы. Кроме того, типы проприальных номенклатурных знаков, используемых в англоязычной юридической терминологии, специфичны и не отмечаются в других терминосистемах.

Онимический терминологический элемент в каждом термине и номене обусловлен определенными условиями формирования социолингвистической прецедентности онима. И. Э. Ратникова отмечает, что предпосылкой «становления онима как факта культуры является вхождение его в прецедентное высказывание»¹⁰. Социолингвистическая прецедентность онима в юридической терминологии английского языка подкрепляется юридической прецедентностью, которая обусловлена характером правовой семьи общего права, одной из важнейших особенностей которой является правило прецедента, означающее, что при рассмотрении дел и вынесении постановлений судьи обязаны придерживаться решений, принятых их предшественниками по сходным делам и представляющих собой пространное изложение сути дела¹¹. Прецеденты являются источниками системы общего права, т. е. способом закрепления (внешнего выражения) правовой нормы. Прежде чем вынести решения, судьи изучают ранее рассмотренные дела аналогичного характера в своем собственном или в вышестоящем суде. Из конкретных дел они выводят общие правила и применяют их к делам, находящимся у них на рассмотрении, а затем принимают собственное решение¹². Каждый прецедент получает свое название, представленное номеном. Форма наименования прецедента обусловлена состязательным характером судебного процесса, протекающего в форме спора между сторонами, принимающими в нем участие. Прецеденты пу-

бликуются в сборниках судебной практики и озаглавлены с использованием имен истцов и ответчиков. Например, в названии прецедента *Read v. Lyons Read* – имя истца, *Lyons* – имя ответчика, *v.* – сокращение от лат. *versus* (против). Следовательно, юридическая и лингвистическая прецедентность – сходные по своей сути явления.

Поскольку в англо-саксонском праве в роли истцов и ответчиков могут выступать физические и юридические лица, а также административно-территориальные единицы и государство в целом, в левой и правой частях конструкции могут быть представлены проприальные единицы разного типа:

1) только эпонимы (*Allhusen v. Whittel, Rylands v. Fletcher*);

2) эргонимы и эпонимы (*Chain Store Construction, Inc. v. Doris Swader, Brown v. Board of Education*);

3) только эргонимы (*Eickhoff Corporation v. Warrior Met Coal, LLC*);

4) эпонимы и хоронимы (*Lochner v. New York, District of Columbia v. Heller, United States v. Nixon*);

5) хоронимы и эргонимы (*Santa Clara County v. Southern Pacific Railroad, Heart of Atlanta Motel, Inc. v. United States*).

С развитием международного права и возникновением международных судов и трибуналов судебные прецеденты также стали источниками этого права. Лингвистическое обозначение прецедентов международных судов идентично тому, которое сформировалось в системе общего права. Следует также отметить, что английский язык стал одним из официальных языков международных организаций.

В связи со спецификой дел, рассматриваемых различными международными судами, состав имен собственных в наименованиях прецедентов может быть различным. Так, согласно ст. 34 Статута Международного Суда ООН, «только государства могут быть сторонами по делам, разбираемым Судом»¹³, поэтому структурные элементы номенов этой юридической подсистемы представлены только хоронимами (*Costa Rica v. Nicaragua, Bolivia v. Chile, Malaysia v. Singapore*). Такова же структура номенклатурных обозначений прецедентов Международного трибунала по морскому праву *Ukraine v. Russian Federation, Argentina v. Ghana*, так как в соответствии с п. 1 ст. 20 Статута этого суда «трибунал открыт для государств-участников»¹⁴.

Наименования прецедентов Международного уголовного суда обладают собственной спецификой в силу того, что правом возбуждения расследования в соответствии с п. 1 ст. 15 Римского Статута Международного уголовного суда наделен прокурор, а в соответствии с п. 1 ст. 25 Статута «суд обладает юрисдикцией в отношении физических лиц»¹⁵. Проприальные номены, образующиеся в практической деятельности дан-

ного суда, включают в себя апеллятив *Prosecutor* (прокурор – лицо, возбуждающее дело) и эпонимы (*The Prosecutor v. Abdallah Banda Abakaer Nourain*, *The Prosecutor v. Dominic Ongwen*).

Суды региональных международных организаций, например Евросоюза и Организации американских государств, также восприняли традицию формирования источников права на основе судебных прецедентов.

Юрисдикция Европейского суда по правам человека распространяется на государства-члены Совета Европы (ЕСПЧ). В соответствии со ст. 46 и 47 Регламента Суда жалобы в ЕСПЧ могут быть как коллективными (групп лиц), так и индивидуальными, подаваемыми физическими лицами. Жалобы могут также подаваться неправительственными организациями, одним или несколькими государствами¹⁶. В соответствии с данным экстралингвистическим фактором номены европейского права могут быть представлены:

1) двумя хоронимами (*Ireland v. the United Kingdom*);

2) эпонимом (двумя эпонимами) и хоронимом (*Findlay v. the United Kingdom*, *Romenskiy v. Russia*, *Huseyn and Others v. Azerbaijan*, *Henryk Urban and Ryszard Urban v. Poland*); если истцов больше двух, в левой части номена представлен только один эпоним, остальные истцы обозначены местоимением *others* (*Kasparov and Others v. Russia*), как и в следующем примере;

3) эргонимом и хоронимом (*Air Canada v. the United Kingdom*, *Kloiber Schlachthof GmbH and Others v. Austria*).

В Межамериканский суд по правам человека (МАСПЧ), в отличие от ЕСПЧ, физические лица могут обращаться только при посредничестве Межамериканской комиссии по правам человека и государств, подписавших Американскую конвенцию о правах человека (п. 1 ст. 61)¹⁷, тем не менее, имя истца указывается в наименовании. Структура номенов, формируемых в делах, рассмотренных данным судом, имеет как сходство с единицами, приведенными выше, так и некоторую специфику. Они могут быть представлены номенами, включающими в себя:

1) эпонимы и хоронимы (*Martínez Coronado v. Guatemala*, *Zegarra Marín v. Peru*);

2) эпонимы в сочетании с латинском сокращением местоимения *al.* (*others* – другие) (*López Soto et al. v. Venezuela*, *Cuscul Pivaral et al. v. Guatemala*);

3) сочетание эпонимов и различных по семантике апеллятивов (*García and family members v. Guatemala*, *Case of Atala Riffo and daughters v. Chile*, *the Massacres of El Mozote and surrounding areas v. El Salvador*, *Kichwa Indigenous People of Sarayaku v. Ecuador*);

4) эргонимы и хоронимы (*Women Victims of Sexual Torture in Atenco v. Mexico*).

Таким образом, состав имен собственных в структуре юридических номенов международ-

ного и европейского права обусловлен экстралингвистическим фактором – характером юрисдикции суда, ограниченным кругом физических, юридических лиц и государств, имеющих право быть сторонами в деле.

В теории ономастики известны различные классификации онимов А. Гардинера¹⁸, А. В. Суперанской¹⁹, В. Д. Бондалетова²⁰, а также классификация Международного совета по ономастике (ICOS)²¹. Развитие ономастики сопровождается совершенствованием ее терминологии, что во многом обусловлено полевым подходом к изучению имен собственных, основанным на выделении его различных зон. Так, В. И. Супрун предлагает рассматривать совокупность имен собственных в языке в качестве ономастического поля, которое имеет иерархическую структуру, обладает ядерным и околядерным пространством, а также периферией²². Ядро ономастического поля, по его мнению, составляют антропонимы, к околядерному пространству относятся антрономиподобные единицы (например теонимы, мифонимы и др.), а периферия представлена онимами, обозначающими часто не четко отграниченные друг от друга предметы или серии объектов, например, фалеронимами, документонимами и др.²³

В связи с тем что рассматриваемые номенклатурные наименования имеют исключительно онимическую основу, их можно охарактеризовать как особую разновидность периферийных онимов – *пройгоуменонимы* > греч. *προηγούμενο* – прецедент.

Е. А. Нахимова отмечает, что проприальные элементы единиц терминосистемы представлены широко известными именами, используемыми в качестве особых культурных знаков, символов «определенных качеств, событий, судеб»²⁴, при этом имена собственные приобретают определенную степень интеллектуальной информации, насыщение которой, по мнению А. В. Суперанской, приводит к их постепенной апеллятивации²⁵. Что касается юридических проприальных номенов, вряд ли можно утверждать, что их появление связано с их постепенным информационным насыщением и с использованием широко известных имен. Отличия прецедентности имени собственного в праве от прецедентности в общем языке, иных терминосистемах и сферах функционирования языка обусловлены, прежде всего, волевым характером права, предопределяющим обязательность юридической прецедентности имени собственного, а не степень известности или научной репутации имени собственного.

Их «насыщение интеллектуальной информацией» обусловлено правовой ситуацией, правовой позицией по делу и вынесенным решением в соответствии со спецификой дела. Это не означает, что физические и юридические лица становятся «широко известными». Для того чтобы отыскать соответствующий прецедент, кото-

рому должны следовать судьи при последующем рассмотрении сходных дел, правоприменитель должен обратиться к справочникам (дайджестам), содержащим упорядоченные по тематике цитаты из судебных решений, обозначенных индексами²⁶.

Рассмотрение специфики проприальных единиц в разных сферах функционирования языка невозможно без обращения к проблеме значения онимов. У данной проблемы нет однозначного решения в теории ономастики. Не имея возможности обсудить детально различные точки зрения, приведем лишь одну, которая, на наш взгляд, является более убедительной. Согласно ей семантическая структура онимов, как и семантическая структура апеллятивов, включает в себя три компонента: референтный, денотативный и сигнификативный²⁷. Вместе с тем, с учетом полевого характера онимического пространства, В. И. Супрун отмечает, что периферийные онимы, к которым относятся и названия прецедентов, по своему значению и употреблению близки к именам нарицательным только функционально²⁸.

Рассматривая значение проприального номена, необходимо обратиться к значению термина, которое рассматривают как сущность, равную выражаемому термином понятию, включающему в себя существенные признаки предмета или явления. Такие существенные признаки закрепляются в дефиниции термина. Следовательно, если проприальная единица в терминологии имеет дефиницию, то можно говорить о том, что она обладает терминологическим значением. Поскольку при оформлении прецедента формулируется языковое выражение нормы права, можно говорить о том, что оно и является значением номена. Ср. описательную дефиницию номена *Miranda v. Arizona*: «Under the Fourth Amendment, any statements that a defendant in custody makes during an interrogation are admissible as evidence at a criminal trial only if law enforcement told the defendant of the right to remain silent and the right to speak with an attorney before the interrogation started, and the rights were either exercised or waived in a knowing, voluntary, and intelligent manner»²⁹. У таких номенов семантические доли терминологического значения не принадлежат конкретным элементам наименования.

В приведенном примере норма права указывает на неприемлемость в качестве доказательства в суде признаний обвиняемого, если он не предупрежден о своих правах хранить молчание, проконсультироваться с адвокатом перед допросом, а также о необходимости осознания добровольности признаний, которые могут повлечь за собой неблагоприятные для него последствия. Имя собственное в структуре таких номенов к тому же служит средством их связи с концептосферой – с тем лексическим (терминологическим) фоном³⁰, который обусловил возникновение такой номинации. Так, суть дела *Miranda v. Arizona*

состояла в том, что в 1963 г. Э. Миранда был арестован полицейскими в г. Феникс (штат Аризона) на основании косвенных доказательств о похищении и изнасиловании восемнадцатилетней женщины. На допросе задержанный подписал выраженное сначала в устной форме признание в изнасиловании. В письменном признании он указал на добровольность своих процессуальных действий, отсутствие принуждения, выразил понимание того, что признание может быть использовано против него. Поскольку он не был предупрежден о праве на помощь адвоката, у которого возникли обоснованные претензии в нарушении процессуальных правил допроса, дело дошло до Верховного Суда, постановившего, что заявления ответчика властям неприемлемы в суде, если он не был проинформирован о праве на присутствие адвоката во время допроса и необходимости четкого понимания того, что все произносимое им может быть использовано против него. Непонятные семы терминологического фона (место совершения действия, реальный правонарушитель, характер преступления, правовая позиция по делу и др.) обусловлены соотносительностью со структурными элементами наименования. Следовательно, и непонятные семы лишь частично связаны с онимическими элементами наименования.

Подводя итог, можно отметить, что проприальные номены характерны в основном для системы общего права, а также международного и европейского права. В русской юридической терминологии подобных единиц не существует, т. е. можно утверждать, что системы номенов в соотносимых терминосистемах разных языков обладают национально-культурной спецификой.

Сравнение номенов, в том числе и проприальных, функционирующих в терминосистемах разноструктурных языков (информационных технологий³¹, химии³², спорта³³, фитопатологии³⁴ и др.), свидетельствует о том, что в каждой из них номены обладают структурными и семантическими особенностями, поэтому с точки зрения семантики возведение наблюдаемых характеристик значений номенов в каждой конкретной терминосистеме в правило общей теории термина не может считаться плодотворным, поскольку по своей структуре, а также по характеру связи номенов с понятиями и непонятными семами разные терминосистемы как одного языка, так и разноструктурных языков обнаруживают значительное разнообразие.

Рассмотрение проприальных номенов позволяет выделить их новый периферийный тип, который предлагается, следуя лингвистической традиции, обозначить термином *пройгоуменонимы*.

Примечания

¹ См.: Реформатский А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии : сб. ст. /

- АН СССР, Ин-т рус. яз. ; отв. ред. В. П. Даниленко. М., 1986. С. 165–198.
- 2 См.: Даниленко В. Имена собственные как производящие основы современного словообразования // Развитие грамматики и лексики современного русского языка : сб. М., 1964. С. 77–93.
- 3 См.: Шарпова Т. Особенности эпонимных терминов в немецкой терминологии бионики // *Lingua mobilis*. 2013. № 1 (40). С. 159–165.
- 4 Реформатский А. Мысли о терминологии. С. 189.
- 5 Суперанская А. Общая теория имени собственного. М., 1973. С. 12.
- 6 См.: Винокур Г. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ. 1939. Т. 5. С. 7.
- 7 См.: Реформатский А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии : материалы Всесоюзного терминологического совещания. М., 1961. С. 49.
- 8 Там же.
- 9 См.: Суперанская А., Подольская Н., Васильева Н. Общая терминология : Вопросы теории. М., 2012. С. 34.
- 10 Ратникова И. Имя собственное : от культурной семантики к языковой. Минск, 2003. С. 42.
- 11 См.: Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 319–320.
- 12 См.: Gurnani N. Precedents as a source of law. URL: <https://www.lawctopus.com/academike/precedents-as-a-source-of-law/> (дата обращения: 20.07.2019).
- 13 Статут Международного Суда ООН. URL: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (дата обращения: 20.07.2019).
- 14 Статут Международного трибунала по морскому праву. URL: <https://zakonbase.ru/content/part/85485> (дата обращения: 20.07.2019).
- 15 Римский Статут Международного уголовного суда. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901750575> (дата обращения: 20.07.2019).
- 16 См.: Регламент Европейского суда по правам человека. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Rules_Court_RUS.pdf (дата обращения: 20.07.2019).
- 17 См.: American convention on human rights. URL: <https://www.cidh.oas.org/Basicos/English/Basic3.American%20Convention.htm> (дата обращения: 20.07.2019).
- 18 См.: Gardiner A. The Theory of Proper Names : A Controversial Essay. 2nd ed. L., 1957. P. 45–57.
- 19 См.: См.: Суперанская А. Теоретические проблемы ономастики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1974. С. 17.
- 20 См.: Бондалетов В. Русская ономастика. М., 1983.
- 21 См.: International Council of Onomastic Sciences. List of Key Onomastic Terms. URL: <https://icosweb.net/wp/wp-content/uploads/2019/05/ICOS-Terms-en.pdf> (дата обращения: 20.07.2019).
- 22 См.: Супрун В. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград, 2000. С. 12.
- 23 Там же. С. 17.
- 24 Нахимова Е. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007. С. 4.
- 25 См.: Суперанская А. Общая теория имени собственного. С. 56.
- 26 См.: Legal Citations – How to Find Court Decisions and Other Legal Material. URL: <http://jailhouselaw.org/legal-citations-how-to-find-court-decisions-and-other-legal-material/> (дата обращения: 20.07.2019).
- 27 См.: Алефиренко М. Спорные проблемы семантики. М., 2005. С. 204.
- 28 См.: Супрун В. Указ. соч. С. 19.
- 29 Justia. US Supreme Court. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/384/436/> (дата обращения: 20.07.2019).
- 30 См.: Верецагин Е., Костомаров В. Язык и культура : Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 3-е изд. М., 1983. С. 56–57.
- 31 См.: Ефремова Л. Номенклатурные названия сферы информационных технологий и их роль в масс-медиа (на материале английского и русского языков) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 16–20. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2019-19-1-16-20>
- 32 См.: Мушкина Ю. Происхождение химической номенклатуры в профессиональном дискурсе // Россия и Франция : взаимодействие языков и культур : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Орехово-Зуево, 24 октября 2018 г.) / отв. ред. Л. М. Шатилова, О. А. Касаткина, И. И. Ковалевская. Орехово-Зуево, 2019. С. 80–84.
- 33 См.: Бобырева Н. Типология именных образований в спортивном дискурсе // Вестн. ВятГУ. 2017. № 4. С. 64–69.
- 34 См.: Левитин М. Современные видовые названия фитопатогенных грибов // Защита и карантин растений. 2018. № 8. С. 8–11.

Образец для цитирования:

Хижняк С. П. Проприальные номены в англоязычной юридической терминологии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 4–8. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-4-8>

Cite this article as:

Khizhnyak S. P. Nomenclature Signs in Legal Terminology of the English Language. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 4–8 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-4-8>

УДК 811.161.1'367.623

Латинское наследие в русской морфемике: прилагательные на *-альный*

Н. И. Данилина

Данилина Наталия Ивановна, доктор филологических наук, доцент кафедры русского и латинского языка, Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, danilina_ni@mail.ru

На материале прилагательных латинского происхождения с финалью *-альный* в современном русском языке показано, что данная финаль представляет собой морфемный комплекс, так как в зависимости от словообразовательных связей конкретных прилагательных может трактоваться как единый суффикс; как суффикс, имеющий в составе субморф *-н-*; как суффикс *-н-*, присоединенный к корню на *-ал-*.

Ключевые слова: суффикс, словообразовательный тип, переразложение, латинский язык, русский язык.

Latin Heritage in Russian Morphemics: Adjectives with Final *-alny*

N. I. Danilina

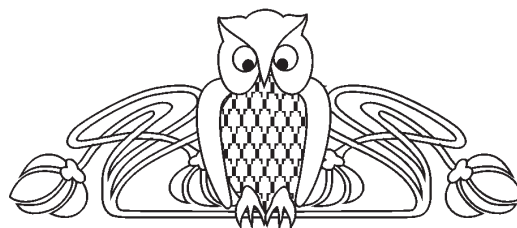
Natalia I. Danilina, <https://orcid.org/0000-0001-8804-2157>, I. V. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia, danilina_ni@mail.ru

The material of the study presents adjectives of Latin origin with final *-alny* in modern Russian. This final is a morphemic complex. This can be interpreted in three ways, depending on the word-formation relations of specific adjectives. It may be a single suffix; a suffix with a submorph *-n-*; a suffix *-n-* attached to the root in *-al-*.

Keywords: suffix, word-formative type, reposition, Latin, Russian.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-9-14>

Процесс заимствования аффиксальных морфем не является предметом исследования, новым для частного языкознания. Изучаются как заимствования между современными языками, так и использование морфем латинского и древнегреческого языков в качестве интернациональных аффиксов и аффиксоидов. При этом в поле зрения исследователей чаще попадают древнегреческие, чем латинские морфемы, чаще префиксы, чем суффиксы¹. Между тем именно посткорневая часть слова, характеризующаяся в русском языке фузионным стыком морфем, разнообразными морфонологическими процессами, появлением (начиная с самых ранних эпох) протяженных морфем и морфемных комплексов, представляет наиболее благоприятный материал для анализа разных сторон адаптации заимствуемых морфем. В настоящей статье объектом исследования

выступают прилагательные с финалью – *альный*, функционирующие в русском языке, большинство которых представляет собой этимологические латинизмы. На основе «Грамматического словаря»², справочника «Латинское наследие в русском языке»³ и Национального корпуса русского языка⁴ нами был составлен список, в который вошло 510 лексем современного языка, еще 64 лексемы встретилось только в источниках XVIII в. Исконная лексика составляет в этом массиве около 28%. Мы планируем установить все возможности морфемного членения данной финали с учетом словообразовательных отношений. Формулировки значений применительно к современному состоянию русского языка будут приводиться по словарю Кузнецова⁵; информация этимологического плана и сведения о путях вхождения заимствований почерпнуты из словарей классического⁶ и средневекового⁷ латинского языка, из исторического словаря русского языка⁸ и «Словаря XVIII в.»⁹.

Словообразовательное значение рассматриваемых прилагательных предельно широко: ‘связанный с тем, что названо производящей основой’. С учетом части речи производящей базы «Русская грамматика» (далее – «Грамматика-80») выделяет два основных словообразовательных типа: отглагольный с суффиксом *-льн-*¹⁰ и отсубстантивный с суффиксом *-н-* в разных его алломорфах¹¹. Латинизмы представлены в обоих типах, однако они по-разному соотносятся с лексической системой языка-источника и занимают разное место в словообразовательной системе языка-реципиента.

В отглагольном типе, как показывает наш материал, присутствуют прилагательные с латинскими корнями, но они образованы на русской почве от глаголов либо заимствованных через европейские языки (глаголы на – *ировать*), либо образованных в русском языке от заимствованных существительных (глаголы на – *овать*). Суффикс *-льн-* присоединяется к суффиксу глагольной основы. К данному типу относятся 10 прилагательных-латинизмов: *сортиральный*, *формовальный*, *центровальный*, *линовальный*, *нумеровальный*, *плюсовальный*, *прессовальный*, *полировальный*, *гравировальный*. Перечисленные лексемы составляют в своем словообразовательном типе всего около 12%, заимствования нелатинского происхождения – около 23%, тогда как основная его часть представлена исконной лексикой. Примеры производных

от исконных слов: *венчальный, повивальный, игральный, прощальный*. Производные от латинских заимствований: *брошюровальный, грунтовальный, коксовальный, фальцевальный, шифровальный*.

Отыменный словообразовательный тип гетерогенен. В посткорневой части прилагательных на *-альный* выделяют следующие суффиксальные морфы: *-н-* (*госпиталь* → *госпитальный*), *-альн-* (*континент* → *континентальный*, *буква* → *буквальный*), *-уальн-* (*текст* → *текстуальный*), *-иальн-* (*принцип* → *принципальный*), *-ональн-* (*нация* → *национальный*). Представленная в «Грамматике-80» трактовка всех суффиксов, оканчивающихся на *-н-*, как алломорфов одной морфемы вызывает сомнения. Фонологическая сочетаемость протяженных морфов определяется так¹²: морф *-альн-* выступает после парно-твердых согласных (кроме *л*), морф *-иальн-* – после парно-мягких, морф *-уальн-* после твердых переднеязычных. При такой дистрибуции *-альн-* и *-иальн-* возможно считать алломорфами одной морфемы, хотя и неясно, какими именно условиями определяется выбор алломорфа и смягчение/несмягчение конечного согласного производящей базы (почему, например, *епископ-альный*, но *принцип-иальный*). Однако, поскольку твердые переднеязычные входят в число парно-твердых, фонологически не противопоставленными остаются позиции морфов *-альн-* и *-уальн-* (*инструмент-альный* и *текст-уальный*). Безусловное подтверждение находит лишь наблюдение, что морф *-альн-* не выступает после *л*. Кроме того, морф *-альн-* способен выступать не только после парно-твердых согласных. В ряде случаев, принимая во внимание производящую базу, его можно вычленил также после гласных (*бактери-я* → *бактериальный*, *менстру-ация* → *менструальный* и др.). В этой фонологической позиции он употребляется наряду с морфом *-ональн-* (*потенциальный* и *професси-ональный*). Взаимная дистрибуция всех перечисленных морфов, таким образом, не определяется фонетическими условиями.

С этимологической точки зрения все протяженные морфы базируются на объединении двух адекативных суффиксов: исконного *-н-* и латинского *-al(is)*, а предшествующие отрезки являются частями латинских основ или окончаний, подвергшимися усечению при заимствовании в русский язык существительных, ставших производящими базами для соответствующих прилагательных. Например, *individuum* ‘неделимое’ > *индивид* → *индивидуальный*, *textus* ‘связь, связное изложение’ > *текст* → *текстуальный*; *principium* ‘начало, основа, основоположение’ → *principlialis* ‘изначальный’ > *принцип* → *принципальный*. Отрезок *-он-* представляет собой часть основы латинских существительных на *-io*, усекавшуюся в именительном падеже единственного числа и представленную во всех остальных

формах парадигмы; в русском языке латинский именительный падеж на *-io* отражается как *-ия*. Например, *proportio* (Gen. *proportion-is*) ‘соотношение, соразмерность’ → *proportionalis* ‘соразмерный’ > *пропорция* → *пропорциональный*.

С синхронной точки зрения определение статуса предсуффиксальных отрезков *-и-*, *-у-* и *-он-* представляется проблематичным: считать ли их морфонологическими наращением конкретных корней (в согласии с этимологией), асемантическими интерфиксами, выделять самостоятельные суффиксы *-иальн-*, *-уальн-* и *-ональн-*, синонимичные суффиксу *-альн-*, или считать все протяженные суффиксы вариантами одной морфемы вследствие наблюдаемой дополнительной дистрибуции на лексическом материале? Против трактовки *-у-*, а также *-и-* как наращений в составе корней говорит наличие морфов *-уальн-* и *-иальн-* в словах со связанными корнями (возможны ли наращения у связанных корней?) и в словах, не имеющих в современном русском языке однокоренных слов: *сенсуальный* при *сенсорный*, *консенсус*; *визуальный* при *телевизор*; *виртуальный*, *эвентуальный*; *дифференциальный* при *дифференцировать*, *индифферентный*; *адвербиальный*, *конфиденциальный*, *тривиальный* и др. Морф *-ональн-* в словах со связанными корнями не встречается, поэтому отрезок *-он-* можно было бы считать варьирующим элементом корня. Против трактовки отрезков *-и-*, *-у-* и *-он-* как асемантических строевых элементов, связывающих корень и суффикс, говорит отсутствие фонетических запретов и тенденций на сочетаемость основ (кроме основ на *л*) с суффиксом *-альн-*. Против признания *-иальн-*, *-уальн-* и *-ональн-* самостоятельными суффиксами говорит отсутствие у них значений и коннотаций, отличных от семантики *-альн-*, а также отсутствие кодериватов с данными суффиксами (кроме одного случая: *субстанциальный* и *субстанциональный*). Таким образом, морфы *-иальн-* и *-уальн-*, вероятно, следует признать лексически закрепленными линейными морфонологическими вариантами суффикса *-альн-*, а вопрос о статусе отрезка *-он-* оставить открытым.

Относительно морфа *-н-* в «Грамматике-80» утверждается, что он выступает после парных согласных, находящихся в позиции неразличения твердости-мягкости¹³. Поскольку такая позиция задается фонемным составом самого этого морфа, можно сделать вывод, что морф *-н-* способен выступать после тех же фонем, что и протяженные морфы, следовательно, не может быть их алломорфом. Против объединения в одну морфему вариантов исконного морфа *-н-* и гибридных протяженных морфов на правах свободных вариантов говорят многочисленные случаи образования от одного существительного как прилагательного с суффиксом *-н-*, так и прилагательного с одним из протяженных суффиксов с возможной дифференциацией значений.

Наличие подобных пар (кодериватов с исконным и с гибридным суффиксом) не позволяет также трактовать *-н-* как самостоятельный суффикс во всех случаях его появления, т. е. разделять любую последовательность *-альн-* на суффикс *-н-* и суффикс (или интерфикс) *-аль-*. Нами выявлено 25 пар прилагательных-синонимов и 20 пар прилагательных с различающимся значением. Примеры синонимов: *бактериальный* и *бактериальный*, *орнаментальный* и *орнаментный*, *зональный* и *зонный*, *кантональный* и *кантонный*, *векториальный* и *векторный*. Примеры несовпадения значений: *пирамидальный* 'напоминающий по форме пирамиду' и *пирамидный* '< пирамида', *фигуральный* 'иносказательный, образный, переносный' и *фигурный* 'имеющий сложное очертание, форму; исполняемый с фигурами', *фундаментальный* 'прочный, крепкий; основательный; основополагающий' и *фундаментный* '< фундамент'. Иногда протяженные суффиксы могут иметь кодериваты с суффиксами *-ск-* (*докторальный* и *докторский*, *епископальный* и *епископский*), *-ов-* (*текстуальный* и *текстовый*) и *-енн-* (*формальный* и *форменный*, *буквальный* и *буквенный*). При разнице в значениях прилагательное с исконным суффиксом, как правило, имеет относительное значение, с гибридным – приобретает качественное значение. Таким образом, представляется логичным выделять два суффикса: исконный *-н-* и гибридный *-альн-*¹⁴ с морфонологическими вариантами *-иальн-* и *-уальн-* (возможно, и *-ональн-*), находящимися в отношении дополнительной дистрибуции на лексическом материале.

Перейдем к словообразовательному анализу. Среди прилагательных на *-альный*, являющихся в современном русском языке отыменными производными, ожидаемо преобладают дериваты с гибридным суффиксом (184 из 287 – 64%). В зависимости от фонологической структуры производящей базы и от морфонологических процессов, сопровождающих акт словообразования, можно выделить несколько моделей.

Наиболее значимы следующие. **Основа существительного на твердый согласный + -альный(ый)**. В данной модели 33 прилагательных с латинскими корнями (*документальный*, *коммунальный*, *нормальный*, *региональный*, *суффиксальный* и др.), 37 – с греческими (*аортальный*, *баритональный*, *диаметральный*, *зодиакальный*, *паузальный*, *эпохальный* и др.), 4 производных от заимствований из других языков (*азимутальный*, *кантональный*, *коллоидальный*, *пассажный*), одно – от исконного слова (*буквальный*). В XVIII в. к данному типу относилось 11 прилагательных латинского происхождения (*инструментальный*, *натуральный*, *персональный*, *ростральный*, *фигуральный*, *формальный*, *фундаментальный*, *экспериментальный*) и 10 – греческого (*кафедральный*, *колоссальный*, *машинный*, *музыкальный*, *пирамидальный*, *си-*

нодальный, *театральный*, *триумфальный*, *центральный*), среди них пары, не сохранившиеся в современном языке: *грамматика* → *грамматикальный*, *ориент* → *ориентальный*, *литера* → *литеральный*, *меридиан* → *меридианальный*. **Основа существительного на -иј- (-ия, -ий) + усечение ј + -альный(ый)**. В данной модели 20 пар с латинскими корнями (*гений* → *гениальный*, *провинция* → *провинциальный* и др.) и 6 – с греческими (*епархия* → *епархиальный*, *эпителий* → *эпителиальный* и др.). Источники XVIII в. фиксируют всего 12 пар, из которых 7 не сохранились в современном языке, так как один или оба члена вышли из употребления: *директория* → *директориальный*, *дифференция* → *дифференциальный*, *мемория* → *мемориальный*, *министерия* → *министерийный*, *официи* → *официальный*, *антимония* → *антимониальный*, *комедия* → *комедийный*. К данной модели примыкают 3 латинских прилагательных, при образовании которых в производящей базе **усекаются суффиксы** (*менструация* → *менструальный*, *федерация* → *федеральный*, *каузация* → *каузальный*), а также одно греческое с интерфиксом (или наращением) (*мания* → *маниакальный*). Отсутствие большинства прилагательных названной структуры в словарях классического и средневекового латинского языка свидетельствует об их позднем возникновении, а рост общего числа дериватов и активное присоединение латинского суффикса к нелатинским корням – о продуктивности моделей. В русском языке эти модели являются хронологически наиболее ранними (XVIII в.). В них преобладают прилагательные латинского происхождения, широко распространено и присоединение суффикса к греческим корням. Несмотря на продуктивность, данный суффикс не используется для образования прилагательных от исконных слов (исключение – *буквальный*).

Перечислим непродуктивные модели. **Основа существительного на твердый согласный + усечение + -альный(ый)**. Модель представлена 16-ю латинизмами. В 13-ти усечению подвергаются части производящих основ, восходящие к латинским флексиям: *локус* → *локальный*, *максимум* → *максимальный* (так же *минимальный*, *модальный*, *нотариальный*, *радиальный*, *социальный*, *фатальный*, *фокальный* и др.). В словах *патриархальный* (← *патриархат*), *матриархальный*, *синдикальный* усечению подвергается суффикс. **Основа существительного на твердый согласный + -уальный(ый)**. Модель появилась в XIX в., представлена 6-ю прилагательными латинского происхождения: *индивидуальный*, *интеллектуальный*, *концептуальный*, *процессуальный*, *сексуальный*, *текстуальный*. **Основа существительного на твердый согласный + усечение + -уальный(ый)**. По данной модели образовано 2 прилагательных-латинизма, усекаются латинские флексии: *узус* → *узальный*, *консенсус* → *консенсуальный*. **Основа существительного на твердый согласный**

+ **смягчение + -иальн(ый)**. Модель сложилась в XIX в., содержит 5 слов латинского происхождения (*биномиальный, векториальный, принципиальный, сеньориальный, экваториальный*) и одно греческого (*бронхиальный*). К этой модели можно присоединить и 3 слова с **чередованием** вместо смягчения: *тангенциальный* ← *тангенс, экспоненциальный* ← *экспонента, марциальный* ← *Марс*. Однако словари не дают здесь толкований с опорой на критерий Винокура. **Основа существительного на -иј- (-ия) + мена j / он + -альн(ый)**. В данной модели 8 прилагательных латинского происхождения (*профессиональный, функциональный, эмоциональный* и др.). В источниках XVIII в. отмечены только *национальный* и *пропорциональный* с соответствующими производящими. Как можно видеть, непродуктивные модели представлены исключительно латинизмами и содержат следы морфемной структуры слов языка-источника.

Суффикс -н- в финали отыменных прилагательных на *-альн(ый)* выделяется в тех случаях, когда прилагательное соотносится с существительными, основа которых заканчивается на *л* или *л'* (*обвал* → *обвальн(ый), печаль* → *печальн(ый)*) либо на *-лиј-* (*баталия* → *батальн(ый), вакханалия* → *вакханальн(ый), сандалия* → *сандальн(ый), аномалия* → *аномальн(ый)*). Производящими могут выступать как исконные, так и заимствованные существительные, в частности, латинские и греческие. Как историческую тенденцию следует отметить увеличение пласта дериватов от заимствованных баз. Источники XVIII в. фиксируют 32 исконных прилагательных (*опальн(ый), похвальн(ый), начальн(ый)* и др.), 11 латинизмов (*батальн(ый), госпитальн(ый), каналн(ый), капитальн(ый), кардинальн(ый), метальн(ый)* 'металлический', *миндальн(ый), минеральн(ый), моральн(ый), церемониальн(ый)*), 3 грецизма (*коральн(ый)* 'коралловый', *кристальн(ый), хрустальн(ый)*) и 3 слова иного происхождения (*зауральн(ый), кабальн(ый), сусальн(ый)*). В словарях XX в. находим 31 исконное прилагательное (*дальн(ый)* закрепилось в форме *дальний*), 28 латинизмов, 9 грецизмов (*хоральн(ый), спиральн(ый), потальн(ый), диагональн(ый), батильн(ый), аномальн(ый)* и др.) и 15 слов иного происхождения (*вокзальн(ый), крахмальн(ый), шквальн(ый)* и др.). Для 5-ти прилагательных имеются словарные толкования, исходя из которых можно было бы выделить модель с **суффиксом -н-** при одновременном **усечении суффикса -изм:** *структуральн(ый)* 'основанный на принципах структурализма' (аналогично *клерикальн(ый), синдикальн(ый), профессиональн(ый), феодальн(ый)*).

В структуре латинизмов данного словообразовательного типа принадлежность отрезка *-ал-* производящей базе есть результат опрощения, происходящего в процессе заимствования, и перестройки мотивационных отношений в языке-реципиенте. Данный отрезок восходит к вышеупомянутому адъективному суффиксу

-al(is). В русский язык слова с ним проникают, по-видимому, дважды, «расщепляясь» на словообразовательную пару: как прилагательные (в этом случае происходит частеречная «маркировка» русским адъективным суффиксом *-н-*) и как существительные (содержащие латинский адъективный суффикс, но не присоединяющие русского). Субстантивация имеет место, как правило, в поздней латыни или в европейских языках-посредниках. Например, лат. *mos* (Gen. sing. *mor-is*) 'нрав' → *mor-al-is* 'нравственный' > *мораль* → *мораль-н-ый*; *hospes* (Gen. sing. *hospit-is*) 'чужак, гость' → *hospit-al-is* 'гостевой' > средне-век. лат. *hospit-al-e* 'постоялый двор, гостиница, убежище' > *госпиталь* → *госпиталь-н-ый*.

Следует отметить, что в некоторых случаях значение прилагательного существенно расходится со значением однокоренного существительного, и объединение их в словообразовательную пару представляется сомнительным (мы не включаем эти примеры в словообразовательный тип). Например, *персонал* и *персональн(ый), кардинал* и *кардинальн(ый), капитал* и *капитальн(ый)*.

Наряду с прилагательными, входящими в состав словообразовательных пар, имеется большая группа (93 лексемы) непродуктивных прилагательных на *-альн(ый)*, к рассмотрению которой мы и переходим. В XVIII в. группа непродуктивных прилагательных включала всего 25 слов, т. е. в течение XIX–XX вв. она и в абсолютном, и в относительном исчислении пополнилась значительно больше других. Судьба слов, бывших в XVIII в. непродуктивными, сложилась различно. Одни слова вышли из употребления (*анимальн(ый), артофициальн(ый), солстициальн(ый), суперстициальн(ый), эквинокциальн(ый)*), другие перешли в разряд производных, когда были заимствованы соответствующие существительные (*нормальн(ый)* ← *норма, индивидуальн(ый)* ← *индивид, патримониальн(ый)* ← *патримоний, феодальн(ый)* ← *феод*). Некоторые слова приобрели полимотивированность и в отдельных значениях стали рассматриваться как мотивированные собственными производными (экон. *номинальн(ый)* ← *номинал, мат. интегральн(ый)* ← *интеграл*). Большая же часть до настоящего времени сохраняет свою непродуктивность (*генеральн(ый), децимальн(ый), капитальн(ый), кардинальн(ый)* и др.).

Непродуктивные прилагательные со структурной точки зрения обладают неодинаковой степенью членимости, так как могут быть словами со связанным корнем (мы, вслед за И. А. Ширшовым, считаем такие отношения разновидностью словообразовательных¹⁵), иметь однокоренные слова, не находящиеся с ними в словообразовательных отношениях, а также, не имея однокоренных слов, выделять «посткорневые» отрезки, соотносимые с суффиксами членимых слов.

Прилагательных, в которых выделяются связанный корень и суффикс *-альн-*, насчитывается 36. Все они, кроме греческого *астральн(ый)*,

латинского происхождения. Многие принадлежат терминологической лексике, например, мед. *абдоминальный* (ср. *абдоминоскопия*), *краниальный* (ср. *краниометрия*), лингв. *вокальный* (ср. *вокатив*). Большинство (30) содержит морф *-альн-* (*астральный*, ср. *астронавт*; *легальный*, ср. *легитимный*; *интегральный*, ср. *интегрировать*; *официальный*, ср. *официозный*, *уникальный*, ср. *уникум* и т. д.); морф *-иальн-* выделяется в словах *мемориальный* (ср. *меморандум*), *инициальный* (ср. *инициировать*), *дифференциальный* (ср. *дифференцировать*), *адвербиальный* (ср. *вербальный*, *вербоцентрический*), морф *-уальн-* – в словах *сенсуальный* (ср. *сенсорный*), *визуальный* (ср. *телевизор*).

Прилагательных, которые имеют в русском языке этимологически родственные слова, но не связаны с ними словообразовательными отношениями, так как значительно расходятся в семантике, мы выделили 8: *актуальный* (ср. *акт*, *активный*), *пунктуальный* (ср. *пункт*, *пунктир*), *специальный* (ср. *специ*), *глобальный* (ср. *глобус*), *капитальный* (ср. *капитал*, *капитан*), *кардинальный* (ср. *кардинал*), *медиаальный* (ср. *медиум*), *терминальный* (ср. *термин*). Обретая собственные производные, эти прилагательные могут обретать и членимость. При словообразовании в их основе усекается *-н-*: *актуальный* → *актуализация*, *специальный* → *специалист*, *глобальный* → *глобализация*.

Не имеют однокоренных слов, за исключением собственных производных, 48 слов: *банальный*, *виртуальный*, *гуморальный*, *инфернальный*, *тривиальный* и многие другие. Подобно прилагательным предыдущей группы, эти слова, порождая производные, вычленяют *-н-*: *рациональный* → *рационализм*, *реальный* → *реализм*, *банальный* → *банальщина* и т. п.

Говоря о непроизводных прилагательных на *-альный* (в том числе и о тех, которые имеют связанный корень), следует обратить внимание на то, что они могут формировать словообразовательные пары с существительными на *-ал*, подобные вышеописанным *мораль* → *моральный*, *госпиталь* → *госпитальный*. Однако мотивационные отношения в таких парах имеют противоположную направленность, а существительные могут быть интерпретированы как результат обратной деривации, что находит подтверждение и в словарных дефинициях. Например, *либерал* ‘сторонник либерализма, член либеральной партии’ (аналогично *радикал*, *клерикал*), *вокал* ‘вокальное искусство’, *вокальный* ‘относящийся к пению’, *вертикаль* ‘вертикальная линия’, *вертикальный* ‘перпендикулярный по отношению к горизонту, отвесный’. Такие случаи можно отнести к самостоятельному словообразовательному типу, где производящей базой является словосочетание, включающее прилагательное, способом словообразования – универбация, а формантом – нулевой суффикс, присоединяе-

мый к основе прилагательного (полученной путем усечения *-н-*); словообразовательное значение – ‘субъект, объект или явление, обладающее признаком, названным производящей основой’. Этот тип выделяют и авторы «Грамматики-80»¹⁶. Помимо перечисленных пар сюда войдут и пары *астральный* → *астрал*, *криминальный* → *криминал*, *интеллектуальный* → *интеллектуал*, *ларингальный* → *ларингал*, *магистральный* → *магистраль*, *маргинальный* → *маргинал* (о человеке), *универсальный* → *универсал*, *оригинальный* → *оригинал* (о человеке) и другие, хотя словари и не дают для этих существительных толкований с опорой на критерий Винокура.

При обсуждении морфемного членения непроизводных прилагательных естественным представляется вопрос о статусе отрезков *-ал-* и *-н-*. Статус *-н-* можно было бы рассмотреть на фоне дискуссии: субморф (Е. А. Земская¹⁷) или полноценный суффикс в непроизводной, но членимой основе (А. Б. Копелиович¹⁸). Однако у обоих авторов речь идет о двухчастном членении (*нем-ец*, ср. *нем-ка*, *ут-к(а)*, ср. *ут-енок*), тогда как в нашем материале возможно как двух- (*вертикаль-н(ый)*, ср. *вертикаль*), так и трехчастное (*универс-аль-н(ый)*, ср. *универсум*, *универсал*) членение. Иначе говоря, обычно дискутируется объем корня, наш же материал заставляет поставить вопрос об объеме суффикса. В случаях двухчастного членения нет оснований выделять отрезок *-ал-* из состава корня (нет соответствующих однокоренных слов). Если считать *-н-* отдельным суффиксом в случаях трехчастного членения, то какова семантика остающегося отрезка *-ал-* и можно ли приписать ему также статус суффикса? Очевидно, в рассматриваемых случаях самостоятельной семантики данный отрезок не имеет, поэтому более логичным представляется трактовать *-н-* как субморф в составе протяженного суффикса.

Таким образом, словообразовательный анализ материала позволяет заключить, что последовательность *-альн(ый)* может, во-первых, быть нечленимым суффиксом, способным присоединяться к свободной (*континент-альный*) или связанной (*кримин-альный*, ср. *кримин-о-логия*) корневой морфеме, во-вторых, члениться на суффикс *-н-* и финаль свободной (*филиаль-ный*) или связанного (*баналь-ный*, ср. *банальщина*) корня; в-третьих, члениться на фрагменты *-ал-* и *-н-*, не входящие в состав корня, причем последний способен усекается при словообразовании (*вокатив -вок-аль-ный* → *вок-ал*). Такое «троякое» членение может быть сопоставлено с теорией морфемного комплекса, выдвинутой Ширшовым и развиваемой в работах Пацюковой¹⁹. Различие касается отрезка *-ал-*, который пока не считается в русском языке самостоятельной морфемой. Однако существует несколько слов (*театрал*, *феодал*, *провинциал*), для которых есть основания предполагать словообразующую (суффиксальную) функцию данного отрезка²⁰.

Обозначим основные результаты проведенного исследования. Большинство прилагательных на *-альный* в современном русском языке имеет латинское происхождение. В составе заимствованных прилагательных имелся латинский адекативный суффикс *-al(is)*, который нашел неординарное отражение в русском языке. Те прилагательные, которые в поздней латыни и во французском языке имели субстантивированные формы, заимствовались в русский язык дважды: как прилагательные (оформляясь при этом исконным суффиксом *-н-*) и как существительные с корнем на *-ал-*; полученные пары вписывались в исконный словообразовательный тип отсубстантивных относительных прилагательных. Заимствованные прилагательные, не имевшие субстантивированных форм в языках-посредниках, сформировали в русском языке отдельный словообразовательный тип с протяженным суффиксом *-альный*. Наличие большого количества внешне похожих исконных прилагательных (произведенных от глаголов на *-ать*) способствовало укреплению положения заимствованных лексем в словообразовательной системе языка, а иноязычной морфемы – в русском морфемном фонде. Протяженный суффикс как единая самостоятельная морфема имеет этимологически обусловленные линейные морфонологические варианты *-альн-*, *-уальн-* и *-иальн-*, распределение которых на лексическом материале носит характер дополнительной дистрибуции. В выделенном словообразовательном типе имеется несколько моделей, из которых наиболее продуктивны присоединение морфа *-альн-* к основам на твердый согласный и к основам на *-цj-* с усечением *j*. Несмотря на значительную количественную динамику и использование греческих основ в качестве производящих баз, данный словообразовательный тип не задействуется при образовании прилагательных от исконных слов.

Большая группа проанализированных прилагательных представляет собой непроемные единицы различной степени членности. Порождая собственные дериваты (чаще всего способом универбации с нулевым суффиксом), эти лексемы могут усекают отрезок *-н-*, что способствует внутренней членности фрагмента *-альн-*. С точки зрения морфематики, таким образом, рассмотренная последовательность тяготеет к такому феномену, как морфемный комплекс, поскольку в зависимости от словообразовательных связей каждого конкретного прилагательного может трактоваться: 1) как единый суффикс; 2) как суффикс, имеющий

в своем составе субморф *-н-*; 3) как суффикс *-н-*, присоединенный к корню на *-ал-*.

Примечания

- 1 Библиография многочисленна. См., например: Рацибурская Л. Динамические аспекты интернационализации в современном медийном словотворчестве // Вестн. ВГУ. Сер. 2. Языкознание. 2014. № 5 (24). С. 25–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.3>
- 2 См.: Зализняк А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1987. С. 418–421.
- 3 См.: Воронков А., Поняева Л., Попова Л. Латинское наследие в русском языке : слов.-справ. М., 2002.
- 4 См.: Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 22.09.2019).
- 5 См.: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
- 6 См.: Дворецкий И. Латинско-русский словарь. М., 1976.
- 7 См.: Du Cange D. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Vols. I–X. Niort, 1883–1887.
- 8 См.: Черных П. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1999.
- 9 См.: Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Ю. С. Сорокин. URL: <http://febweb.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 22.10.2019).
- 10 См.: Русская грамматика : в 2 т. / редкол. : Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980. С. 293.
- 11 Там же. С. 274.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Мы уже высказывали предположение о самостоятельности словообразовательного типа с протяженным суффиксом в медицинской и лингвистической терминологии (См.: Данилина Н. Лингвистические термины латинского происхождения : этимология или деривация // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 33).
- 15 См.: Ширшов И. Типы производности слов в русском языке // Филологические науки. 1997. № 5. С. 55–65.
- 16 См.: Русская грамматика. Т. 1. С. 225.
- 17 См.: Земская Е. Современный русский язык. Словообразование. М., 2011. С. 152–155.
- 18 См.: Копелювич А. Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса. Владимир, 2011. С. 3–33.
- 19 См.: Пацюкова О. Переразложение и закономерности развития протяженных аффиксов в русском языке : дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2014. С. 72–117.
- 20 См.: Русская грамматика. Т. 1. С. 199.

Образец для цитирования:

Данилина Н. И. Латинское наследие в русской морфемике: прилагательные на *-альный* // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 9–14. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-9-14>

Cite this article as:

Danilina N. I. Latin Heritage in Russian Morphemics: Adjectives with Final *-alny*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 9–14 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-9-14>

УДК 821.161.1.09+811.133.1'25

О лексической вариативности в переводах с мёртвого языка (флора и фауна в «Слове о полку Игореве» и его переводах на французский язык)

Е. Д. Поварницына

Поварницына Елена Дмитриевна, аспирант кафедры французского языкознания, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, nazaryeva.elena@gmail.com

В статье рассматривается явление лексической вариативности на примере наименований флоры и фауны во французских переводах «Слова о полку Игореве» (11 текстов). В ходе исследования определяется ряд причин лексической вариативности: различные реконструкции древнерусского текста, параллельные русские тексты, с которых были сделаны переводы, стандартные переводческие решения.

Ключевые слова: лексическая вариативность, перевод, переводная множественность, «Слово о полку Игореве».

On Lexical Variability in Translations from the Dead Language (Flora and Fauna in *The Tale of Igor's Campaign* and its French Translations)

Е. Д. Povarnitsyna

Elena D. Povarnitsyna, <http://orcid.org/0000-0002-4915-3425>, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia, nazaryeva.elena@gmail.com

The article discusses the phenomenon of lexical variability on the example of the names of flora and fauna in French retranslations of the *Tale of Igor's Campaign* (11 texts). In the course of the study a number of reasons for lexical variability are determined: various reconstructions of the Old Russian text, parallel Russian texts from which translations were made, standard translator's solutions.

Keywords: lexical variability, translation, retranslation, *The Tale of Igor's Campaign*.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-15-20>

Исследуя переводы «Слова о полку Игореве» на французский язык, мы находимся в ситуации переводной множественности, явления, которое во французской терминологии называется «retraduction»¹. Большое количество классических текстов многократно переводится на другие языки, и на сегодняшний день изучение переводной множественности является актуальной областью. За последние десятилетия этой теме касались многие как зарубежные (например, I. Oséki-Dépré², A. Berman³, L. Venuti⁴, I. Collombat⁵ и др.), так и отечественные исследователи (Е. С. Шерстнева⁶, Э. Ф. Нагуманова⁷, Е. Э. Разлогова⁸, А. П. Богинская⁹, В. В. Карапец¹⁰ и др.).

Часто переводы различаются уже в силу того, что сделаны с разных вариантов или редак-

ций оригинального текста, но в целом расхождения чаще всего связаны с различными интерпретациями текста оригинала.

В нашем случае мы имеем дело со множественными переводами, созданными на основе текста на древнерусском языке. Первоочередная задача переводчика заключается в расшифровке и истолковании оригинала. Когда речь идет об оригинале на мертвом языке, в частности о «Слове о полку Игореве», эти задачи не могут быть решены в полном объеме, так как для этого не существует полной словарной и информационной базы. Это влечет за собой обнаружение так называемых темных мест, которые представляют большую трудность как для исследователей, так и для переводчиков. Ситуация вокруг франкоязычных переводов «Слова о полку Игореве» обладает еще одной особенностью. Если в канонической ситуации переводы делаются с одного текста оригинала (часто дополненного по более поздним версиям), то в нашем случае подлинник вообще недоступен: переводы делались либо с вольных переложений, либо с различных реконструкций. Возникает вопрос о том, насколько расхождения в оригиналах повлияли на расхождения в переводах. Таким образом, мы сталкиваемся не только с ситуацией переводной множественности, но и с множественностью оригинальных текстов. Более того, авторы французских переводов «Слова» в некоторых случаях являются и авторами собственных «переложений» на современный русский язык или реконструкций, выступающих в роли оригинала.

Исследуя большой объем параллельных текстов, мы выделили конкретную, достаточно узкую область: рассмотрение лексических единиц, являющихся наименованиями животных и растений. Их перевод наглядно демонстрирует различие в переводческих стратегиях. Эта тема уже поднималась в статье М. С. Рыбиной и Б. В. Орехова¹¹, где анализируется подход одного из переводчиков, а именно Ф. Супо, к переводам наименований животных в «Слове о полку Игореве». Корпус нашего исследования значительно шире. Мы рассматриваем 11 французских переводов «Слова о полку Игореве»: N. Blanchard, 1823; F. G. Eichhoff, 1839; F. de Barghon Fort-Rion, 1878; N. Koulmann et M.-L. Behaghel, 1937; H. Gregoire, 1948; Ph. Soupault, 1950; E. D. Kononov, 1954; J.-Y. Le Guillou, 1977; J. Blankoff, 1998; E. Volsky, 2002; C. Pighetti, 2005 (далее фамилии француз-

ских переводчиков будут указываться кириллицей). Также в качестве материала рассматриваются используемые переводчиками исходные русские тексты: в двуязычных изданиях они доступны в качестве параллельных или могут быть упомянуты самими переводчиками в паратекстах (введении и комментариях).

В качестве лексикографической базы были использованы: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» (далее – Словарь-справочник), в котором представлено толкование всех лексических единиц древнерусского текста памятника, Trésor de la Langue Française, Le Petit Robert, Новый французско-русский словарь и др.

Цель нашей работы – выявить причины лексической вариативности названий животных и растений во французских переводах «Слова о полку Игореве» и на этом материале, насколько это возможно, проследить в диахронии смену переводческих тенденций.

В тексте «Слова о полку Игореве» имеется 84 употребления названий животных, среди которых 31 вхождение названий млекопитающих (все лексические единицы на древнерусском языке представлены в упрощенной орфографии): зверь (4), волк (11), горностаи (1), комонь (6), лисица (1), тур (6), бела (1), пардус (1); 53 названия птиц: птица (8), орел (2), гоголь (2), чайца (1), чернядь (1), сорока (2), сокол (13), соколец (3), соловьи (4), гусь (1), кречет (1), ворон (4), галица (4), лебедь (3), курь (1), зегзица (2), дятел (1). Также в качестве названия пресмыкающегося можно выделить *полозие*, однако с ним связана проблема членения текста на слова: в ряде реконструкций этот фрагмент представлен как *по лозие* (см. ниже пункт 1). Названий рыб и насекомых в тексте памятника не обнаружено, это же наблюдение мы находим в статье А. С. Дёмина¹².

Что касается наименований растений, то их в тексте «Слова» представлено на порядок меньше – 15 употреблений: древо (6), трава (3), ковылие (1), листвие (1), тростие (1), куст (1), цвет (1); также в этот список нам кажется логичным включить прилагательное с единичным вхождением – *тисов*, т. е. «сделанный из тиса»¹³).

В большинстве случаев способы передачи названий животных и растений в текстах переводов совпадают, предлагается словарный эквивалент в первом значении. Например, *лисица* во всех переводах – *renard*, волк – *loup*, орел – *aigle*, сокол – *faucon*, лебедь – *cygne*, соловьи – *rossignol*, ворон – *corbeau*, тростие – *roseau*, цвет – *fleur*. Тем не менее, в переводах присутствует ряд расхождений, что связано с разными причинами.

1. *Лексическая вариативность, связанная с реконструкцией текста на древнерусском языке.*

Различия, которые появляются как в русских, так и во французских переводах «Слова о полку Игореве», связаны, в первую очередь, с трудностью расшифровки древнерусского текста. Переводчики работают с реконструкциями,

которые в ряде фрагментов различаются между собой. Отсюда разное толкование текста памятника и, как следствие, разные переводы.

Например, слово *полозие* в контексте «полозю ползоша только» (в Словаре-справочнике отмечено как собирательное; авторы словаря предлагают сравнить его со словом *полоз*, что трактуется как «один из видов крупных змей»¹⁴), в переложении на современный русский язык Д. С. Лихачёва передано словом *полоз*¹⁵, в переложении В. И. Стеллецкого переводом этого слова является название птицы – *поползень*¹⁶, а в переложении К. Д. Бальмонта в этом фрагменте речь вообще не идет о рептилии или птице, а появляется следующее словосочетание: «только ползали по сучьям»¹⁷.

Такая ситуация объясняется не только неясным лексическим значением существительного, но и проблемой членения древнерусского текста на слова. В критическом издании Якобсона, с которого выполнял перевод Грегуар, фрагмент представлен следующим образом: «По лозию пълзоша только дятлове»¹⁸, в то время как в реконструкции, представленной в Словаре-справочнике, фразовое деление выглядит иначе: «Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозю ползоша только», слово *дятлове* же является началом следующего предложения. Очевидно, что в случае реконструкции Якобсона присутствуют два слова: предлог «по» и существительное «лозю» («Лозие – собир. Длинные гибкие стебли некоторых кустарников»¹⁹). Исследователи, таким образом, расходятся в вопросе членения текста на слова, что приводит к различиям в лексическом значении, которые отразились во французских переводах. В четырех случаях из одиннадцати переводчики определяют для себя данное сочетание букв как существительное со значением рептилии, в остальных случаях – как предлог с существительным со значением растения. Таким образом, у Гийу, Бланкоффа и Пигетти эквивалентом становится *serpent* во множественном или единственном числе, а у Супо *grimpeurs* («Ordre d'oiseaux, famille de rongeurs et genre de reptiles»²⁰); причем в переводе Супо растительный компонент тоже присутствует и перевод фрагмента выглядит как «les grimpeurs rampent sur les branches». У остальных же переводчиков находим: *sur les arbres* (Баргон Фор-Рион и Эйкхофф), *sur les branches* (Кульманн и Вольский), *sur les rameaux des saules* (Грегуар), *de branche en branche* (Коновалов).

Членение вокруг слова *куст* также является предметом разногласий исследователей и переводчиков: оно становится «(на) кусту» в тексте критического издания Якобсона²¹ и «къ усту» в реконструкции Мещерского и Бурькина²². Отсюда появляется два разных слова с, очевидно, разными значениями: растения и устья реки. Так, у Лихачёва в переводе на современный рус-

ский язык находим «расширенная к устью»²³, а у Якобсона – «в двух кустах»²⁴. Это расхождение получает свое отражение во французских переводах. Так, часть переводчиков дают в качестве эквивалента *broussaille* или *buisson*, понимая компонент как растение, остальные предлагают *embouchure* с предлогом, трактуя компонент как конечный участок реки.

2. *Лексическая вариативность, вызванная расхождениями в используемых в качестве оригиналов переводах памятника на современный русский язык.*

Эти случаи, в отличие от рассмотренных выше, не связаны с проблемой фрагментации текста, а только с расхождениями в переложениях на современный русский язык. Так, во всех переводах, кроме переводов Бланшара и Коновалова, французским эквивалентом слова *зегзица* («кукушка» по толкованию Словаря-справочника) оказывается *coucou*. В переводе Коновалова появляется другой вариант – *cugne*. Это обусловлено тем, что в его собственном переложении древнерусского текста на современный русский язык, которое и послужило оригиналом для его перевода, фигурирует слово *лебедь*. Бланшар же употребляет французское существительное *colombe*: в вольной интерпретации Левитского, представленной в виде параллельного текста, фигурирует слово *горлица*, которое не является словарным эквивалентом *colombe*, но обозначает представителя семейства голубиных. Схожая ситуация складывается вокруг слова *врани*. Десять переводчиков предлагают эквивалентом французское существительное *corbeau*, в то время как Бланшар употребляет *hibou*: в том же русском переложении Левитского находим следующую интерпретацию древнерусского текста: «Слышны были во время ночи / Долгия стенания совы»²⁵. В этих случаях различия мотивированы расхождениями в переложениях памятника на современный русский язык. Вместе с тем переводчики предлагают в качестве перевода словарный эквивалент в первом значении либо близкий синоним относительно эквивалента в выбранном ими оригинальном тексте.

3. *Лексическая вариативность как выбор из ряда синонимов.*

Другие отличия переводов являются следствием выбора переводчиками того или иного эквивалента из синонимического ряда, задаваемого словом из оригинального текста, что является стандартным переводческим приемом²⁶.

Например, при переводе древнерусского *комони* большинство переводчиков отдадут предпочтение слову *coursiers* (в 8 переводах), но встречаются варианты *chevaux* (в 2 переводах) и *destriers* (в 1 переводе). Все варианты близки по смыслу и в словаре Le Petit Robert представлены в одной словарной статье – «cheval»²⁷. Однако *coursier* («cheval à fière allure qu'on lançait autrefois dans les tournois ou dans la bataille»²⁸) и

destrier («cheval de bataille, p. oppos. au palefroi, cheval de parade»²⁹) не являются нейтральными и буквальными переводами *комони*; определения этих слов говорят нам о том, что они обозначают средневековые понятия. Тенденцией переводчиков становится стремление отразить во французском тексте колорит эпохи, запечатленной в памятнике, наблюдается попытка исторической стилизации французского текста.

Другим заслуживающим внимания элементом является слово *чернядь*. Словарь-справочник трактует его следующим образом: «Чернядь-чрьнядь – утка-нырок». Французские переводчики отдают предпочтение разным вариантам перевода этого названия водоплавающей птицы. Эйкхофф и Грегуар предлагают в качестве эквивалента французское слово *canard*, значение которого не нуждается в особых пометках; Баргон Фор-Рион, Гийу, Бланкофф и Вольский останавливают свой выбор на *sarcelle* («oiseau sauvage, aquatique, assez semblable au canard mais plus petit, à la chair un peu amère mais d'une grande finesse»³⁰); Кульманн и Коновалов переводят *чернядь* французским *mouette* («oiseau palmipède aquatique, de plus petite taille que le goéland»³¹), а Пигетти употребляет *foulque* («oiseau aquatique, de la famille des Rallidés, ressemblant à la poule d'eau»³²). Все названия птиц, которые были выбраны переводчиками для трактовки древнерусского слова *чернядь*, имеют общий семантический компонент, который мы можем определить так: представитель птиц, средой обитания которого является водное пространство. Можно сказать, что в случае перевода данной единицы тенденцией переводчиков является употребление различных гипонимов.

В этом контексте стоит рассмотреть и следующий компонент древнерусского текста: «аки пардуже гнѣздо». Словарь-справочник трактует *пардужь* как притяжательное прилагательное к существительному «пардус», которое, в свою очередь, определяется по-разному. Некоторые исследователи утверждают, что это *генард*³³, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона дает еще ряд толкований: *барс*, *пантера*, *леопард*, *рысь*³⁴. Во французских переводах встречаются эквиваленты практически всех вышеупомянутых наименований: *panthère* у Баргона Фор-Риона и Эйкхоффа; *guépard* у Кульманна, Грегуара, Коновалова, Гийу и Бланкоффа; *lynx* у Супо; *leopard* у Вольского и Пигетти.

В некоторых случаях в переводах представлен расширенный синонимический ряд. Например, большинство французских переводчиков выбирают для передачи слова *галици* эквивалент *choucas*. Решение Ф. Супо выделяется среди других французских переводов тем, что он использует слово *corneille*, заменяя *галок воронами*. Уточним, что обе птицы («choucas» и «corneille») зафиксированы во французских словарях, но степень их распространенности в лите-

ратуре различна. По данным Trésor de la Langue Française, абсолютная частотность³⁵ «choucas» – 18, «corneille» – 156. Первое скорее связано с терминологическим употреблением. Для французской литературы более привычным является образ «вороны», который часто используют в пословицах, поговорках и устойчивых словосочетаниях. Возможно, выбор Супо продиктован в этом случае французскими литературными и фольклорными коннотациями образа вороны, как это подчеркивается в работе Рыбиной и Орехова³⁶. Баргон Фор-Рион и Эйкхофф в качестве эквивалента отдают предпочтение *geai* (сойка), что сложно объяснить, так как по внешнему виду сойка и галка сходны только размером. Заметим, что оба перевода выполнены в XIX в.

В корпусе анализируемых текстов можно проследить и некоторые другие отличия наименований животных и растений в переводах XIX и XX вв. Например, название птицы *кречет* в текстах Эйкхоффа (1839) и Баргон Фор-Риона (1878) передается как *vautour* (*гриф* в Новом французско-русском словаре³⁷, *ястреб* в словаре Макарова³⁸, а во всех остальных более поздних переводах в качестве эквивалента фигурирует *gerfaut* (*кречет*³⁹, и также *кречет* в словаре Макарова⁴⁰).

Другая сходная черта переводов XIX в. – выбор в качестве эквивалента слову *тисовъ* французского *d'ébène* (Эйкхофф и Баргон Фор-Рион). Только в двух переводах (Коновалов и Вольский) предлагается словарный эквивалент этого названия дерева, а именно *if*. Другие же останавливаются свой выбор на слове *cèdre*. Все названия, употребляемые переводчиками, обозначают прочные и ценные деревья. «Тис» также трактуется как прочное и дорогое дерево и указывает на роскошное убранство жилища знатного человека⁴¹. Однако в комментарии к «Слову о полку Игореве» Н. В. Шарлеманя высказано предположение, что «тисовъ кровать» имеет символическое значение и может «рассматриваться не только как кровать князя из прочного дерева, но и как его смертное ложе»⁴², так как в древности тис считали деревом смерти⁴³. Коннотация смерти в случае переводов «Слова о полку Игореве» на французский язык стерта.

Расширяя синонимический ряд, переводчики прибегают к стратегии доместикации (национализации). Так, Супо старается сделать перевод «Слова о полку Игореве» более близким французскому читателю, передавая древнерусских *галиц* французским *corneille*, о чем мы сказали выше. Другие переводчики также поддерживают эту тенденцию. Наглядным примером может послужить и то, что словарный перевод растения *ковылье* – *stipa* вообще не встречается в анализируемых нами переводах. Представлены следующие варианты: *herbe*, *herbe de la steppe*, *herbe des steppes*, *lande*. Можно предположить, что переводчики прибегают к такому варианту передачи названия растения, чтобы облегчить

чтение текста, сделать его понятнее французскому читателю, для которого данный тип травы, возможно, не столь привычен как для русского читателя. Здесь на помощь переводчикам приходят следующие решения: гипероним, который дает общее представление о предмете (*herbe*); перифраза, которая представляет собой пояснительную конструкцию (*herbe de la steppe* и *herbe des steppes*); метонимический синоним (*lande*), обозначающий привычное для франкоязычного читателя понятие.

4. *Лексическая вариативность, связанная с передачей стилистических фигур.*

Стилистические фигуры используются в переводах не только для «одомашнивания» текста, но и для его украшения. В корпусе наименований флоры и фауны именно с этой целью в одном из контекстов использована перифраза. *Соловиу* в переводе Бланшара становится *l'oiseau qu'on entend dès l'aurore*⁴⁴, хотя в параллельном русском тексте такого описательного выражения нет.

В основном, в «Слове о полку Игореве» названия животных и растений используются в своем прямом значении. Однако ситуация со словом *тур* неоднозначна. Для него существует два типа контекстов. Там, где слово употреблено в своем прямом значении, *тур* понимается как разновидность быков: предпочтение при переводе отдается прямому эквиваленту (названию животного). Когда же речь идет об обращениях и это слово употребляется в переносном, метафорическом значении, например в контексте «буй туръ Всеволодь», переводчики выбирают различные тактики.

Так, при употреблении слова не в составе обращения (т. е. не в составе тропа), а в составе сравнения «аки тури», предпочтение отдается таким словам, как *taureaux*, *aurochs*, *buffles*. Здесь во всех переводах в качестве эквивалента фигурирует название животного. В составе же обращения «буй туръ Всеволодь» слово *тур*, помимо передачи его названием животного у Кульманна, Грегуара, Супо, Гийу, Бланкоффа и Вольского, опускается совсем во французском переводе Коновалова и получает такие переводы, как *combattant* (у Эйкхоффа) и *bogatyr* (у Пигетти). Последние два варианта ничего общего с названием животного не имеют. Словарь-справочник трактует словосочетание «буй туръ» как «хвалебный эпитет: могучий; первоначально: рослый, могучий бык»⁴⁵, а отдельно слово «буй» как «1. Сильный, отважный. 2. Дерзкий, неистовый, буйный. 3. Дикий, яростный, свирепый. 4. Глупый»⁴⁶. Можно утверждать, что в этом фрагменте мы сталкиваемся с употреблением тропа в древнерусском тексте, который утерян в трех французских переводах нашего корпуса.

В переводах XIX в. мы сталкиваемся с еще одной неоднозначной ситуацией: во фрагментах с обращением «яръ туре Всеволодь» и «буй туръ Всеволоду» слово транслитерируется как

Tur (с заглавной буквы; во французских словарях данное слово отсутствует), т. е. воспринимается как имя собственное. В другом же идентичном контексте – «буй турь Всеволодъ» – в этих же переводах употреблены: *taureau* (у Эйкхоффа) и *combattant* (у Баргон Фор-Риона). Этот случай показывает, что даже контекстом не представляется возможным объяснить выбор французского эквивалента для слова *tur* переводчиками XIX в.

Таким образом, французские переводчики сталкиваются с рядом проблем при переводе текста «Слова о полку Игореве», часть из которых являются специфическими для переводов текстов на мертвых языках. Во-первых, это проблемы на уровне реконструкции текста, которые влекут за собой различное понимание оригинала. Во-вторых, проблемы на уровне переложений на современный русский язык, с которых делались конкретные переводы, что тоже является причиной различий в переводах на лексико-семантическом уровне. В-третьих, проблемы на уровне выбора синонимов, которые являются обычными для множественных переводов. На выбранном нами материале можно проследить различные стратегии. В одних случаях наименования растений и животных переведены буквально, в других переводчики отдают предпочтение гиперонимам или гипонимам, в-третьих – предлагают личную интерпретацию, через которую стремятся либо сделать текст более литературным (перифраза Бланшара), либо «одомашнить» его для французского читателя (*lande* вместо *ковыля* у Пигетти). В тех случаях, когда в переводе подчеркивается древность памятника, применяется прием архаизации, употребляются такие слова, как *aurochs* («Sorte de taureau sauvage, ancêtre probable du bœuf actuel, répandu autrefois dans toute l'Europe, en voie d'extinction»⁴⁷), *destrier*. Во фрагментах, где в древнерусском тексте употребляются образные выражения, во французском тексте встречается замена стилистической фигуры эквивалентом с прямым значением (*combattant* и *bogatyř*), что соответствует универсалии нормализации в литературных переводах. Также в ряде фрагментов можно констатировать явные отличия переводов XIX в. от переводов XX в. (*geai*, *vautour*, *Tur* встречаются исключительно в переводах XIX в.).

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00620).

Примечания

- 1 См.: Lombez Ch. (dir.). *Retraductions de la Renaissance au XIXe siècle*. Nantes, 2011.
- 2 См.: Oséki-Dépré I. *Théories et pratiques de la traduction littéraire*. Paris, 1999.

- 3 См.: Berman A. *La traduction et la lettre ou l'auberge du lointain*. Paris, 1999.
- 4 См.: Venuti L. *Retranslation : The Creation of Value* // Faul C. M., (ed.). *Translation and culture* (Special issue of Bucknell Review). Vol. 47. № 1. P. 25–38. Lewisburg, 2004.
- 5 См.: Collombat I. *Le XXe siècle : l'âge de la retraduction* // Translation Studies in the New Millennium. 2004. Vol. 2. P. 1–15.
- 6 См.: Шерстнева Е. Переводная множественность как категория переводоведения : история, статус, тенденции // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 73, ч. 1. С. 526–532.
- 7 См.: Нагуманова Э. К вопросу о переводной множественности поэзии (на материале переводов стихотворений А. С. Пушкина на татарский язык) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (55) : в 2 ч. Ч. 1. С. 164–167.
- 8 См.: Разлогова Е. Стандартные и нестандартные варианты перевода // Вопр. языкознания. 2017. № 4. С. 52–73.
- 9 См.: Богинская А. «Качественное обеднение»/«обогащение» в художественном переводе (на примере французских переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2017. № 5. С. 154–164.
- 10 См.: Каранец В. Переводная множественность : заимствования или случайные совпадения переводческих решений (на примере переводов «Madame Bovary» на русский язык) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2017. № 5. С. 143–153.
- 11 См.: Рыбина М., Орехов Б. Животный мир «Слова о полку Игореве» в переводе Филиппа Супо «Le Chant du prince Igor» // Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве : сб. ст. / науч. ред. О. Л. Довгий, сост. А. Л. Львова. М., 2012. С. 150–160.
- 12 См.: Демин А. Изображение животных в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 48. С. 59–63.
- 13 Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». URL: <http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/> (дата обращения: 15.06.2019).
- 14 Там же.
- 15 См.: Лихачев Д. Слово о полку Игореве. М., 2008.
- 16 См.: Стеллецкий В. Слово о полку Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Олегова // Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 249–264.
- 17 Бальмонт К. Слово о полку Игореве // Там же. С. 172.
- 18 Jakobson R. *La geste du prince Igor* // Jakobson R. *Selected Writings*. Vol. 4. Slavic Epic Studies. Paris, 1966. P. 280.
- 19 Словарь-справочник «Слова о полку Игореве».
- 20 Trésor de la Langue Française informatisé. URL: <http://atilf.atilf.fr/> (дата обращения: 15.06.2019)
- 21 См.: Jakobson R. *La geste du prince Igor*. P. 106–300.
- 22 См.: Мецкерский Н., Бурькин А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Л., 1985. С. 438–483.

- ²³ См.: Лихачев Д. Указ. соч.
- ²⁴ См.: Gregoire H., Jakobson R., Szeftel M. La geste du Prince Igor // *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves / Université libre de Bruxelles*. 1948. Vol. 8. P. 38–110.
- ²⁵ Blanchard N. Igor, poème héroïque traduit du russe. Moscou, 1823. P. 25.
- ²⁶ См.: Разлогова Е. Указ. соч. С. 58.
- ²⁷ Rey-Debove J. (ed.). Le Petit Robert : dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 2014. P. 416.
- ²⁸ Trésor de la Langue Française informatisé.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Ibid.
- ³² Ibid.
- ³³ См.: Шарлемань Н. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // *Труды Отдела древнерусской литературы*. М. ; Л., 1948. Т. 6. С. 111–124.
- ³⁴ См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения: 20.06.2019).
- ³⁵ Помета «Fréq. abs. litt.» в TLF обозначает количество употреблений слова в установленном составителями словаря корпусе французских литературных текстов.
- ³⁶ См.: Рыбина М., Орехов Б. Указ. соч.
- ³⁷ Гак В., Ганишина К. Новый французско-русский словарь. М., 1998. С. 1138.
- ³⁸ Макаров Н. Полный французско-русский словарь. СПб., 1904. С. 1084.
- ³⁹ Гак В., Ганишина К. Указ. соч. С. 502.
- ⁴⁰ Макаров Н. Указ. соч. С. 528.
- ⁴¹ См.: Шарлемань Н. Из комментариев к «Слову о полку Игореве»: «На кровати тисовъ» // *Труды Отдела древнерусской литературы*. М. ; Л., 1954. Т. 10. С. 225–228.
- ⁴² Шарлемань Н. Заметки к «Слову о полку Игореве» // *Труды Отдела древнерусской литературы*. М. ; Л., 1955. Т. 11. С. 9.
- ⁴³ См.: Сапунов Б. Тисовая кровать Святослава // *Труды Отдела древнерусской литературы*. М. ; Л., 1961. Т. 17. С. 323–326.
- ⁴⁴ Blanchard N. Op. cit. P. 14.
- ⁴⁵ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве».
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Trésor de la Langue Française informatisé.

Образец для цитирования:

Поварницына Е. Д. О лексической вариативности в переводах с мёртвого языка (флора и фауна в «Слове о полку Игореве» и его переводах на французский язык) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 15–20. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-15-20>

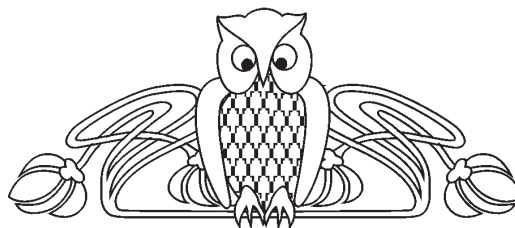
Cite this article as:

Povarnitsyna E. D. Povarnitsyna E. D. On Lexical Variability in Translations from the Dead Language (Flora and Fauna in *The Tale of Igor's Campaign* and its French Translations). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 15–20 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-15-20>

УДК 811.161.1'37

Авторская поговорка *Не хвались в Россию едучи, а хвались за границу удираючи* в русском языке 1905–1907 годов

А. В. Загребельный

Загребельный Артур Владимирович, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела редакционно-издательской деятельности и научно-информационного обеспечения, Вологодский научный центр Российской академии наук, pechorin2106@mail.ru

В статье представлен анализ ранее не привлекавшей внимания исследователей авторской поговорки *Не хвались в Россию едучи, а хвались за границу удираючи*. Использована авторская методика диахронического анализа трансформированных поговорок русского языка, установлена поговорка-источник, научно обоснована узнаваемость в авторской поговорке ее системного прототипа, сформулировано выражаемое ею суждение.

Ключевые слова: авторская поговорка, структурно-семантическая трансформация, поговорка-прототип, структурная поговорковедология.

The Author's Proverb 'Don't Boast While Coming to Russia, but Boast While Scuttling Away Across the Border' in the Russian Language of 1905–1907

А. В. Zagrebelnyy

Artur V. Zagrebelnyy, <http://orcid.org/0000-0002-4573-4222>, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, 56A Gorky St., Vologda 160014, Russia, pechorin2106@mail.ru

The article analyzes the author's proverb *Don't boast while coming to Russia, but boast while scuttling away across the border*, which has not previously attracted the researchers' attention. The analysis was accomplished with the help of the author's technique of a diachronic analysis of transformed proverbs of the Russian language; the source proverb was determined. It was scientifically proved that the system prototype can be recognized in the author's proverb, and the statement expressed in the author's proverb was defined.

Keywords: author's proverb, structural and semantic transformation, source proverb, structural proverbology.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-21-24>

В результате работы с различными источниками периода первой русской революции (стенографическими отчетами заседаний политических партий, программами, протоколами, манифестами, воззваниями, стенограммами заседаний депутатов Государственной думы, донесениями сотрудников полиции, произведениями художественной литературы, дневниками и мемуарами политических деятелей и очевидцев революционных событий, журналами и газетами и проч.) было выявлено более 40 авторских

поговорок, ранее не становившихся предметом изучения ученых-лингвистов (*Бей, адмирал – наместником будешь; Семь раз прицелься – один раз стреляй; Правда со дна моря выходит, да в кабинете министров тонет; Не бывает бы несчастьем, да Дурново помог; Вот тебе, бабушка, и конституция!; Лучше расстрелять десять мирных сограждан, чем упустить одного революционера* и др.). Все данные единицы были опубликованы в журналах общественно-политической сатиры рассматриваемого временного периода и характеризовались единичными случаями внеконтекстуального употребления. В связи с тем, что проблемы анализа авторских поговорок русского языка начала XX в. были подробно рассмотрены в наших ранее вышедших работах («Авторские поговорки в русском языке начала XX века»¹, «Революция 1905–1907 гг. в зеркале авторской поговорковедологии русского языка»²), в данной статье мы не будем на них останавливаться. Принципиально важным представляется еще раз дать определение авторской поговорки, под которой нами понимается «... вариант функционирующей в языке поговорки, образованный конкретным человеком (группой людей) посредством использования соответствующего высшего логико-семантического инварианта (в терминологии Г. Л. Пермякова), не приводящего к потере “узнаваемости” исходной структуры структурно-семантических трансформаций, в целях реализации конкретной, детерминированной определенными экстралингвистическими факторами прагматической задачи автора»³.

За последние годы в свет вышло значительное количество научных работ, посвященных изучению трансформированных пословиц, поговорок и пословично-поговорочных выражений (например, работы О. Н. Антоновой⁴, В. В. Бегун⁵, С. В. Буренковой⁶, Ю. В. Бутько⁷, Х. Вальтера и В. М. Мокиенко⁸, Е. А. Демидкиной⁹, В. Г. Дидковской и Л. А. Петровой¹⁰, М. А. Кирсановой¹¹, А. А. Константиновой¹², Т. Г. Никитиной¹³, Л. Б. Савенковой¹⁴, Л. И. Швыдкой¹⁵). Однако стоит отметить, что все эти исследования проведены с использованием современного языкового материала (современная периодика, интернет-источники, словарь Х. Вальтера и В. М. Мокиенко). Историческая авторская поговорковедология русского языка (например, периода первой русской революции) лишь сейчас начинает активно изучаться (см. статьи «Методика

диахронического анализа авторских паремий русского языка: возможности применения»¹⁶, «Авторские паремии в русском языке начала XX века»¹⁷, «Революция 1905–1907 гг. в зеркале авторской паремиологии русского языка»¹⁸, «Авторская паремия *Старого воробья на овсе не поймаешь* в русском языке начала XX века»¹⁹).

Цель настоящей статьи состоит в анализе авторской паремии *Не хвались в Россию едучи, а хвались за границу удираючи* в лингвистическом, логико-семиотическом и культурно-историческом аспектах. Анализ проводится с использованием разработанной нами и ранее апробированной методики, в соответствии с которой устанавливается паремия-источник трансформации; определяется принадлежность паремии-источника и образованной на ее основе авторской паремии к одной из четырех высших логико-семиотических инвариантных групп (об их выделении и о методе логико-семиотического анализа подробно написано в следующих трудах Г. Л. Пермякова: «От поговорки до сказки»²⁰, «Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов»²¹, «Основы структурной паремиологии»²²); устанавливается механизм образования новой языковой единицы; определяются значения слов-компонентов авторской паремии, приводится сумма этих значений; выполняется анализ фактов общественно-политической жизни страны, которые привели к образованию исследуемой языковой единицы; формулируется выражаемое авторской паремией суждение; определяется тип авторской паремии (пословица, пословично-поговорочное выражение, поговорка)²³.

Авторская паремия *Не хвались в Россию едучи, а хвались за границу удираючи* была опубликована в 1906 г. в № 9 журнала «Стрелы»²⁴. Она была образована на базе паремии-источника *Не хвались, идучи (едучи) на рать, а хвались, идучи (едучи) с рати*, выражающей то же суждение, что и паремия *Не говори гоп, пока не перепрыгнешь*²⁵. В свою очередь, паремия *Не говори гоп, пока не перепрыгнешь* выражает суждение «Не считай что-л. сделанным, пока не доведешь до конца, не увидишь результата»²⁶. Тип паремии-источника – пословица.

Исследуемая авторская паремия образована посредством следующего изменения структуры и содержания паремии-источника: замены слов-компонентов *идучи (едучи) на рать* на слова-компоненты *в Россию едучи и идучи (едучи) с рати* на *за границу удираючи*.

Структурная модель паремии-прототипа может быть представлена в следующем виде: отриц. частица *не* + глагол в форме 2 л. ед. ч. повел. накл. + деепричастие + предлог *на* + сущ. в форме вин. пад. ед. ч. жен. р. + союз *а* + глагол в форме 2 л. ед. ч. повел. накл. + деепричастие + предлог *с* + сущ. в форме род. пад. ед. ч. жен. р. Представленная выше модель служит для передачи следующего обобщенного смысла: не сле-

дует хвалиться, делая что-либо, а следует хвалиться, сделав что-либо.

Как видим, в основе выражаемого пословицей-прототипом суждения лежит противопоставление значений слов-компонентов *не хвались...*, *а хвались...*, обусловившее появление дополнительной дистрибуции, которая как раз и составила ее основное значение²⁷. При образовании новой паремии данное противопоставление было сохранено, что дало возможность неизвестному автору осуществить замену прочих слов-компонентов на новые без нарушения изначальных отношений между ними.

Обобщенный смысл, передаваемый структурной моделью паремии-источника, по сути, передается не всеми ее словами-компонентами, а лишь ключевыми, непосредственно противопоставленными друг другу и определяющими противопоставление друг другу соотносимых с ними других слов-компонентов (в авторской паремии противопоставленными оказываются слова-компоненты *в Россию едучи* и *за границу удираючи*). В итоге паремия-источник и образованную на ее основе авторскую паремию объединяет общность ключевых элементов структурной модели в их изначальных отношениях.

Авторская паремия *Не хвались в Россию едучи, а хвались за границу удираючи* представляет собой образный вариант типической ситуации, при которой «если одна вещь обладает каким-то свойством, а другая – другим или другой степенью того же самого свойства, то одна из вещей предпочтительнее другой»²⁸. В данном случае под первой вещью понимается *Россия*, под второй вещью – *заграница*. Свойство первой вещи выражено словом-компонентом *едучи*, свойство второй вещи – словом-компонентом *удираючи*. Так как вторая вещь обладает другой («лучшей») степенью того же самого свойства, что и первая, вещь, названная словом-компонентом *заграница*, предпочтительнее вещи, названной словом-компонентом *Россия*. Иначе говоря, послешный отъезд из России за границу лучше, чем приезд в Россию.

В соответствии с классификацией Г. Л. Пермякова, паремии, объективирующие подобные типические ситуации, входят в состав высшей логико-семиотической инвариантной группы II (2)²⁹. Корректность отнесения исследуемой языковой единицы к группе II (2) дополнительно подтверждается и тем, что выявленная Г. Л. Пермяковым в языке народов Коми классическая паремия *Не хвались, идучи на охоту, хвались, когда добычу принесешь*, которая образована на базе такой же структурной модели, отнесена им к данной группе³⁰.

Паремия-источник трансформации также входит в состав высшей логико-семиотической инвариантной группы II (2). Сильную связь классической паремии и ее трансформации обеспечивает их вхождение в одну и ту же логико-тематиче-

скую группу «Слово – дело»³¹.

Рассмотрим компонентный состав анализируемой авторской поговорки.

Отрицательная частица *не* ‘1. Вносит знач. полного отрицания того, что обозначает слово или словосочетание, перед которым оно стоит’³². Глагол *хвалиться* имеет значение ‘1. Хвастаться (в 1-м значении)’³³. Предлог *в* ‘1. Употребляется при обозначении предмета, места, пространства, внутрь, в пределы которого направлено действие кого-, чего-л. (с вин. пад.) или в пределах которого находится, пребывает кто-, что-л. (с предл. пад.)’³⁴. Существительное *Россия* именует государство. Глагол *ехать*, употребленный в форме деепричастия *едучи*, имеет следующее значение: ‘устар. 3. Отправляться куда-л. (пользуясь какими-л. средствами передвижения); уезжать’³⁵. Союз *а* употреблен в противительном значении: ‘1. Употребляется для соединения противопоставляемых предложений или отдельных членов предложения; соответствует по значению словам: но, зато, наоборот, напротив’³⁶. Предлог *за* ‘3. С вин. и твор. пад. Употр. при обозначении предмета, места, по ту сторону, дальше которого направлено действие, движение кого-, чего-л. (с вин. пад.) или находится кто-, что-л., происходит что-л. (с твор. пад.)’³⁷. Существительное *граница* имеет следующее значение: ‘1. Условная линия, определяющая пределы государственной территории, разделяющая смежные государства; рубеж’³⁸. Глагол *удирать*, употребленный в форме деепричастия, означает ‘1. Убегать тайком, скрываться; спасаться бегством’³⁹.

Таким образом, сумма значений слов-компонентов рассматриваемой языковой единицы может быть представлена в следующем виде: ‘Не хвастайся тем, что направляешься в Россию, а хвастайся тем, что спасаешься бегством за пределы ее государственной территории’. Как видим, без учета фактов внешней среды, обусловивших появление анализируемой авторской поговорки, установить ее тип не представляется возможным.

Жестоко подавив Декабрьское вооруженное восстание в Москве в 1905 г., царская власть продолжила в 1906 г. борьбу с революционным движением. По сути, в стране царил хаос: повсеместно преследовались и наказывались далекие от политики граждане, избирательно применялось уголовное законодательство (подвергались наказанию преимущественно люди, придерживавшиеся либеральных либо лево-радикальных взглядов), выступления голодающих крестьян подавлялись частями регулярной армии, члены черносотенных организаций вместе с казаками избивали представителей интеллигенции, студентов, всех, «кто был не за царя». Так, например, известный политический деятель Российской империи начала XX в. П. Н. Милюков, выступая на Втором съезде Конституционно-демократической партии (5–11 января 1906 г.), отметил, что «... примененные [правительством] на

практике способы усмирения показали обывателю, что правительственное искусство побеждать осталось тем же, что было во время японской войны. Испугавшись революционеров, обыватель все-таки не поверил и правительству»⁴⁰.

Таким образом, вооруженное противостояние различных политических сил Российской империи периода первой русской революции способствовало значительной дестабилизации существовавшей социально-политической системы, что самым негативным образом отразилось на рядовых гражданах страны. Фактическое неисполнение государством своих обязанностей по обеспечению безопасности граждан, соответствующих норм действовавших законов обусловило общую незащищенность граждан как от действий радикальных партий, так и от собственного произвола.

Небезопасность пребывания в Российской империи рассматриваемого временного периода, по всей видимости, и явилась тем мотивирующим фактом, который обусловил создание неизвестным автором новой языковой единицы *Не хвались в Россию едучи, а хвались за границу удираючи*.

В итоге суждение, выражаемое анализируемой авторской поговоркой, может быть сформулировано следующим образом: ‘Лучше находиться за пределами охваченной революцией России’. Тип поговорки – пословично-поговорочное выражение.

Издание 23 апреля 1906 г. Свода основных государственных законов Российской империи стало одним из самых резонансных событий в истории первой русской революции, отразилось на паремиологической системе русского языка: неизвестные авторы общественно-политических сатирических журналов, стремясь акцентировать внимание читателей на бесполезности данного свода законов и действительных причинах его принятия, создали новую поговорку *Вот тебе, бабушка, и конституция!* на основе классической поговорки *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*.

Проведенный анализ данной языковой единицы позволил установить поговорку-источник трансформации, научно обосновать узнаваемость в авторской поговорке ее системного прототипа, рассмотреть мотивирующее событие внешней среды, сформулировать выражаемое новой единицей языка суждение, определить ее тип.

В качестве перспектив исследования можно отметить дальнейшее изучение авторской поговорки русского языка начала XX в., создание словаря авторской поговорки указанного временного периода.

Примечания

¹ См.: Загребельный А. Авторские поговорки в русском языке начала XX века // *Вопр. филологии*. 2015. № 3. С. 39–41.

² См.: Загребельный А. Революция 1905–1907 гг. в зеркале

- авторской паремиологии русского языка // Вестн. НГТУ им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 3. С. 221–222.
- 3 Загребельный А. Авторская паремия *Старого воробья на овсе не поймаешь* в русском языке начала XX века // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 3. С. 14.
 - 4 См.: Антонова О. Изменение компонентного состава как вид трансформации паремий (на материале англоязычных массмедиа) // Вестн. БурГУ. 2011. № 11. С. 3–5.
 - 5 См.: Бегун В. Рекламный слоган как трансформация культурных стереотипов // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1 (7). С. 31–37.
 - 6 См.: Буренкова С. Комизм псевдопословиц как способ переоценки витальных ценностей // Фундаментальная наука вузам. 2008. № 4. С. 80–86.
 - 7 См.: Бутько Ю. Ассоциативный контекст и его реализация в новых паремиях // Вестн. ЧГПУ. 2008. № 6. С. 142–153.
 - 8 См.: Вальтер Х., Мокиенко В. Антипословицы русского народа. СПб., 2005.
 - 9 См.: Демидкина Е. Репрезентация интеллектуальных качеств человека в немецких паремиях и антипословицах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67), ч. 1. С. 91–94.
 - 10 См.: Дидковская В., Петрова Л. Пословицы и поговорки как объект «наивной лингвистики» // Вестн. НовГУ. 2014. № 77. С. 68–70.
 - 11 См.: Кирсанова М. Антипословицы с гендерным компонентом в современном английском языке // Наука и школа. 2014. № 1. С. 91–95.
 - 12 См.: Константинова А. Пословицы и поговорки в современной англо-американской прессе : авторское использование традиционных паремий // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 322. С. 22–25.
 - 13 См.: Никитина Т. Новый «статус» русских антипословиц // Вестн. НовГУ. 2014. № 77. С. 87–89.
 - 14 См.: Савенкова Л. Представление о коллективном субъекте в пространстве современных русских антипословиц // Вестн. НовГУ. 2014. № 77. С. 35–37.
 - 15 См.: Швыдкая Л. Лингвистический статус традиционных паремий и антипословиц (на материале русских и английских фразеографических источников) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3. С. 236–239.
 - 16 См.: Загребельный А. Методика диахронического анализа авторских паремий русского языка : возможности применения // Вестн. ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. 2019. Т. 18, № 1. С. 196–208. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.17>
 - 17 См.: Загребельный А. Авторские паремии в русском языке начала XX века. С. 39–47.
 - 18 См.: Загребельный А. Революция 1905–1907 гг. в зеркале авторской паремиологии русского языка. С. 221–230.
 - 19 См.: Загребельный А. Авторская паремия *Старого воробья на овсе не поймаешь* в русском языке начала XX века. С. 13–20.
 - 20 См.: Пермяков Г. От поговорки до сказки. М., 1970.
 - 21 См.: Пермяков Г. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М., 1979.
 - 22 См.: Пермяков Г. Основы структурной паремиологии / сост., вступ. ст. Г. Л. Капчица. М., 1988.
 - 23 См.: Загребельный А. Методика диахронического анализа авторских паремий русского языка : возможности применения. С. 198–199.
 - 24 См.: Стрелы. 1906. № 9. С. 8.
 - 25 См.: Жуков В. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стер. М., 2000. С. 226.
 - 26 Там же. С. 206.
 - 27 См.: Швыдкая Л. Указ. соч. С. 238.
 - 28 Пермяков Г. Пословицы и поговорки народов Востока... С. 50.
 - 29 См.: Пермяков Г. От поговорки до сказки. С. 23.
 - 30 См.: Пермяков Г. Пословицы и поговорки народов Востока... С. 279.
 - 31 Там же. С. 37.
 - 32 Большой академический словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвист. исслед. ; гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 11. М. ; СПб., 2008. С. 498.
 - 33 Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Т. 17. М. ; Л., 1965. С. 63.
 - 34 Большой академический словарь русского языка. Т. 2. М. ; СПб., 2005. С. 305.
 - 35 Там же. Т. 5. М. ; СПб., 2006. С. 552.
 - 36 Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Т. 1. М., 1985. С. 17.
 - 37 Большой академический словарь русского языка. Т. 6. М. ; СПб., 2006. С. 575.
 - 38 Там же. Т. 4. М. ; СПб., 2004. С. 382.
 - 39 Словарь современного русского литературного языка. Т. 16. М. ; Л., 1964. С. 327.
 - 40 Съезды и конференции конституционно-демократической партии : в 3 т. Т. 1. 1905–1907 гг. М., 1997. С. 69.

Образец для цитирования:

Загребельный А. В. Авторская паремия *Не хвались в Россию едучи, а хвались за границу удираючи* в русском языке 1905–1907 годов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 21–24. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-21-24>

Cite this article as:

Zagrebelyny A. V. The Author's Proverb 'Don't Boast While Coming to Russia, but Boast While Scuttling Away Across the Border' in the Russian Language of 1905–1907. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 21–24 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-21-24>

УДК 821.161.1.09–32+929Бунин

Плеоназм как стилистический прием в прозе И. А. Бунина (на примере рассказа «Натали»)

Пэй Лиминь

Пэй Лиминь, аспирант кафедры русского языка и теории словесности, Московский государственный лингвистический университет, 1602338126@qq.com

Статья посвящена анализу значимого для идиостиля И. А. Бунина приема – плеоназма. На материале целостного текста – рассказа «Натали» – осуществляется его комплексное системное описание с учетом контекста. Научная новизна исследования заключается в полном и подробном анализе синтаксических и семантических характеристик плеонастических конструкций, встречающихся в прозаическом тексте И. А. Бунина, в выявлении набора их стилистических и внутритекстовых функций.

Ключевые слова: плеоназм, семантические типы плеоназма, смысловые приращения, образная конкретизация, эвфония, экспрессивность.

**Pleonasm as a Stylistic Reception in I. A. Bunin's Prose
(On the Example of the Story *Natalie*)**

Pej Limin'

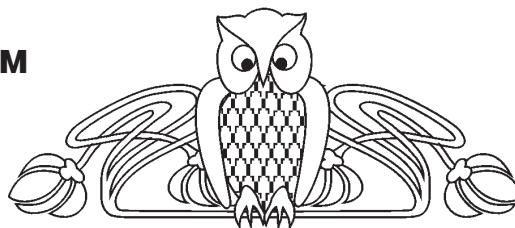
Pej Limin', <https://orcid.org/0000-0002-1337-0049>, Moscow State Linguistic University, 38, Build. 1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia, 1602338126@qq.com

The article covers the analysis of pleonasm – a significant technique in I. A. Bunin's individual style. A comprehensive systematic description of the text is carried out on the material of a complete text – the story *Natalie* – taking into account the context. The scientific novelty of the research lies in a complete and detailed analysis of the syntactic and semantic characteristics of pleonastic constructions in the prose text of I. A. Bunin, in revealing the range of their stylistic and intratextual functions.

Keywords: pleonasm, semantic types of pleonasm, semantic expansions, figurative refinement, euphony, expressiveness.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-25-29>

Литературные критики, коллеги по цеху и исследователи творчества И. А. Бунина не раз отмечали его изобразительное мастерство и редкостную выразительность детали. В предисловии к девятитомному собранию сочинений Бунина А. Т. Твардовский писал: «Без похвал этому языку, как, впрочем, и описаниям природы, не обходится ни одно высказывание о Бунине»¹. Далее говорилось, что И. А. Бунин пользуется чрезвычайно широким кругом приемов, «мягких штрихов», которые, тем не менее, четко и ясно передают адресату разнообразные впечатления автора, что он «предельно конкретен и точен в деталях и подробностях описаний»². Исследователь идиостиля И. А. Бунина не может обойти

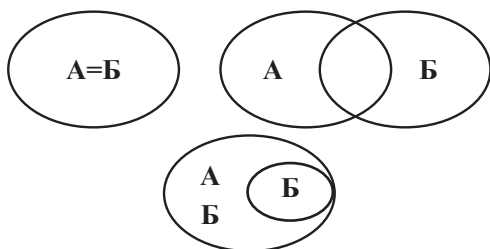
стороной вопрос о том, каким образом автор присовокупляет мелкие детали, способные возбудить в читателе живые ощущения от прикосновения к реальности. На эту индивидуальную черту указывал и А. Т. Твардовский: «По части красок, звуков и запахов, “всего того, – выражаясь словами Бунина, – чувственного, вещественного, из чего создан мир”, предшествующая и современная ему литература не касалась таких, как у него, тончайших и разительнейших подробностей, деталей, оттенков»³. Наши наблюдения показали, что филигранному вычленению оттенков способствует, в частности, плеоназм – прием, широко распространенный как в поэтических, так и в прозаических текстах И. А. Бунина, однако обойденный вниманием исследователей. Рамки статьи вынуждают нас ограничиться подробным анализом плеоназма в одном тексте. С этой целью нами выбран рассказ «Натали» из сборника «Темные аллеи». Однако начать мы должны с определения центрального для нашей работы термина.

Понятие «плеоназм» – порождение античной риторики. Изначально это был народно-поэтический прием, повышавший напевность речи и усиливавший воздействие на слушателя. Античные риторы разошлись в его оценке: так, М. Ф. Квинтилиан считал плеоназм недостатком, перегружавшим речь; Дионисий Галикарнасский, напротив, воспринимал плеоназм как «обогащение речи словами, на первый взгляд излишними, но в действительности придающими ей ясность, силу, ритмичность, убедительность, пафос, неосуществимые в речи лаконической»⁴. В русской риторике это понятие появилось лишь в XVIII в., хотя сам прием был широко представлен в народных сказках, песнях, пословицах и поговорках, а также в Священном Писании. Трактовался плеоназм как фигура разумения либо как фигура речи, заключающаяся в «прибавлении слов»⁵.

Несмотря на архаичность явления, однозначного определения плеоназм не получил до сих пор. Сложность решения возникшей терминологической проблемы обусловлена необходимостью развести содержательные и структурные характеристики плеоназма и найти среди них необходимые и достаточные признаки, по которым можно будет отличать плеоназм от схожих с ним явлений. Прежде всего, нужно провести границу между плеоназмом и тавтологией, определить,

считать ли плеоназмом только словосочетание из однокоренных лексем или любые другие с синтаксической точки зрения комбинации разнокоренных лексем. Эр. И. Хан-Пира, изучив толкования этого понятия в словарях, предлагает считать плеоназмом «словосочетание, в котором употреблены слова, полностью совпадающие по значению, либо такие, в которых значение одного слова включено уже в состав значения другого»⁶. С ней не согласна Т. А. Ковалева, которая понимает плеоназм и как повтор синонимов, и как дублирование семантики не только в словосочетании, но и в предикативном ядре или при опосредованной связи внутри предикативной единицы, и как «отсутствие семантической и стилистической нагрузки одного из компонентов высказывания»⁷. Мы согласны с Т. А. Ковалевой в том, что дублирование значения может быть не только частичным, но и полным, и что компоненты плеоназма могут выражаться не только словом, но и предложением. Как отмечает В. А. Виноградов, «плеоназм реализуется как в пределах предложения, так и в более широком контексте; в последнем случае плеоназм может проявляться в изосемии (смысловой близости) целых предложений, дублирующих некий общий смысл»⁸. Добавим к этому, что средствами выражения плеоназма могут быть любые, в том числе и однокоренные, лексемы (Е. Н. Геккина относит сочетание однокоренных слов типа *дельное дело* к тавтологии, которую причисляет к разновидностям плеоназма⁹). Таким образом, в данной статье под плеоназмом будет пониматься накопление в речи слов или словосочетаний, частично или полностью совпадающих по значению, или таких, в которых значение одного компонента входит в состав значения другого, а также наличие в микротексте предложений, дублирующих по смыслу друг друга. Наглядно это можно представить в следующих схемах:

Первая схема отражает полное совпадение по смыслу компонентов плеоназма, вторая – частичное, третья – включение. В некоторых случаях компонентов плеоназма может быть больше двух.

В. А. Виноградов различает обязательный и факультативный (или стилистический) плеоназм исходя из языковой или речевой природы данного явления¹⁰. Он указывает, что обязательный плеоназм, обусловленный языковой нормой, широко присутствует в грамматике различных языков, например в системах согласования, где

имеет место дублирование грамматических значений существительного в формах зависимых от него слов (*летнее утро*), в некоторых конструкциях глагольного управления, если пространственное значение глагольных префиксов дублируется в предлогах (*спуститься с дерева*) или имеется двойное отрицание («*никогда не был*») и т. п. Отметим, что изучение обязательных плеоназмов, не имеющих стилистической значимости, не входит в наши задачи. Некоторые лингвисты различают также синтаксические и семантические плеоназмы. Под синтаксическим плеоназмом понимается избыточное употребление служебных частей речи, например: *Она сказала мне о том, что ее мать заболела*. Здесь *о том* можно опустить и смысл не изменится. Такой вид плеоназма также не будет объектом нашего рассмотрения.

Плеоназм может быть неосознанным и сознательно употребленным. Первый тип представлен, главным образом, в разговорной и реже в публицистической речи. Он является лексической ошибкой. Второй тип в устной речи служит усилению перлокутивного эффекта и приданию эмоциональной окраски, а в художественной речи выступает как стилистический прием с разнообразными семантическими и текстовыми функциями.

Как уже говорилось, плеоназм является характерным для идиостилия И. А. Бунина приемом, однако он остался не замеченным ни лингвистами, ни литературоведами. Это определило для нас широкий круг исследовательских задач: описать все способы формального выражения плеоназма в произвольно выбранном рассказе И. А. Бунина, выявить передаваемые им смысловые оттенки, оценить экспрессивные возможности в конкретном контекстном окружении и в составе целого текста.

В рассказе «Натали» плеоназм конструктивно достаточно разнообразен. Встречается как двухкомпонентный, так и многокомпонентный плеоназм, например: *Заходила из-за сада туча, тускнел воздух, все шире и ближе шел по саду мягкий летний шум, сладко дуло полевым дождевым ветром, и меня вдруг так сладко, молодого и вольно охватило какое-то беспричинное, на все согласное счастье*¹¹ (двухкомпонентный); *а из главной залы, с ее хор, все покрывала, заглушила полковая музыка, звучно гремя печально-торжествующими тактами вальса*¹² (четырёхкомпонентный).

По расположению компонентов выделяют контактный и дистантный плеоназм, однако ученые расходятся во мнении, что учитывать, давая такого рода характеристику, – наличие непосредственной синтаксической связи между компонентами или их размещение в предложении. Поскольку на восприятие сочетания как плеонастического влияние оказывает наличие или отсутствие других лексем между удваивающи-

ми смысл компонентами, мы будем считать дистантным такой вид плеоназма, при котором его составляющие не следуют непосредственно друг за другом в процессе развертывания речи. Таким образом, в первом из приведенных выше примеров представлен дистантный плеоназм, а во втором – контактный (*все покрывала, заглушала и звучно гремя*) и дистантный (*заглушала полковая музыка, звучно гремя*).

С точки зрения семантико-синтаксических отношений между компонентами плеоназмы в рассказе «Натали» делятся на следующие структурные типы.

1. Плеоназмы, образующие словосочетание (их компоненты связаны подчинительной связью).

Они делятся на три группы либо по характеру подчинительной связи (с согласованием, управлением или примыканием), либо по семантическим отношениям. В последнем случае это плеоназмы:

а) атрибутивные: *спросил я, входя за ней в освещенную яркой висячей лампой столовую с открытыми в черноту теплой и тихой летней ночи окнами*¹³. Зависимый компонент *ночи* указывает на носителя признака – «черноты» (ср. *с открытыми в черную ночь окнами*);

б) субъектно-объектные: *сладко дуло полевым дождевым ветром*¹⁴. Зависимый компонент указывает на субъект действия *дуть*;

в) обстоятельственные: *Я замолчал, чувствуя, что лицо у меня теперь уже горит огнем*¹⁵. Зависимое слово *огнем* содержит образ сравнения, конкретизирующий состояние *горит*.

2. Плеоназмы в составе сложного словосочетания, т. е. такого, в котором две связи исходят от одного главного слова, например: *под лампой блестел ровный загар ее руки, сияли сине-лиловые усмехающиеся глаза и красновато отливали каштаном густые и мягкие волосы, заплетенные на ночь в большую косу*¹⁶. Компоненты *красновато* и *каштаном* не связаны между собой, но относятся к одному слову – *отливать*.

3. Плеоназмы, компоненты которых являются однородными членами предложения: *Войдя к себе, я, не зажигая свечи, сел на диван и застыл, оцепенел в том страшном и дивном, что так внезапно и неожиданно совершилось в моей жизни*¹⁷.

4. Плеоназмы, компоненты которых находятся в разных предикативных частях предложения: *охватил какой-то страх <...> перед Натали, перед тем мгновенным, чем она полчаса тому назад ослепила меня в своей быстроте*¹⁸.

5. Плеонастические конструкции, состоящие из двух синтагматически связанных предложений: – *Не прогневайся, больше ничего нет*, – сказала она, садясь и наливая вина мне и себе. – *И водки нет*¹⁹.

6. Плеоназмы, компоненты которых не связаны синтаксической связью: *За ужином – ужинали на этот раз тоже в саду, в доме было*

*жарко, – я сказал улану: – Дядя, что вы думаете о погоде? Мне кажется, завтра будет дождь*²⁰. Второй компонент плеонастической конструкции входит во вставную конструкцию и имеет уточняющее по отношению к первому компоненту значение.

Формальное многообразие плеонастических конструкций, позволяющее по достоинству оценить мастерство И. А. Бунина, подкрепляется разнообразием семантическим. Нами выделены следующие семантические типы плеоназма, представленные в рассказе «Натали».

1. Плеоназмы с полным семантическим совпадением компонентов.

*Я отшатнулся, глядя, как он, несколько сутулый в вальсировании, велик, дороден, весь черен блестящими черными волосами и фраком и легок той легкостью, которой удивляют в танцах некоторые грузные люди, и как высока она в бальной высокой причёске, в бальном белом платье и стройных золотых туфельках*²¹.

В таких плеонастических выражениях, несмотря на тождество значений компонентов, второй уточняет первый. Признак «черен» можно представить себе по-разному – в прямом и переносном смысле, поэтому второй компонент сужает первое понятие – «в черном фраке с блестящими черными волосами». То же самое происходит во втором плеоназме из этого примера.

2. Плеоназмы с частичным семантическим совпадением компонентов.

Они обычно основаны на синонимах. «Автор как бы колеблется выбрать одно, окончательное слово для определения того или иного явления и ставит рядом два или несколько синонимов, равноценных друг другу»²². В результате внимание читателя сосредоточивается на том общем, что привязывает компоненты друг к другу, что заставляет воспринимать их в единстве. В силу этого адресат лучше понимает, что является наиболее существенным для автора. Приведем пример:

– *Папа, слава Богу, молодцом. По-прежнему прям, тверд, постукивает костылем, взбивает седой кок, тайком подкрашивает чем-то бурый усы и баки, молодецки поглядывает на Христю... Только еще больше прежнего и еще настойчивее трясет, качает головой. Похоже, что никогда ни с чем не соглашается, – сказала она и засмеялась*²³.

Замечая смысловые различия между синонимами *трясти* и *качать*, мы в то же время концентрируем внимание на их общей части, которая характеризует папу как упрямого и гордого, ни с кем и ни с чем не соглашающегося. Эти глаголы помогают также развернуть картинку во времени: отец то мелко трясет головой, то, устав, просто качает ею.

В определенном контексте второй компонент плеоназма способен то сужать, то расширять значение первого, создавая эффект «мерцания смысла», например:

Я так ждал их в столовую, но когда наконец услышал их в столовой с балкона, вдруг сбежал в сад, – охватил какой-то страх не то перед обеими, с одной из которых я имел уже пленительную тайну, не то больше всего перед Натали, перед тем мгновением, чем она полчаса тому назад ослепила меня в своей быстроте²⁴.

Первый компонент *мгновенным* в данном контексте может передавать как субъективное переживание скорости событий, так и объективное течение времени. Второй компонент *быстроте*, характеризуя действия героини, сужает значение первого до объективно краткого промежутка и в то же время вступает во взаимодействие с глаголом *ослепить*, подчеркивая скорость, с которой героиня пленила героя.

К схожему с синонимией эффекту ведет перифразирование. Оно позволяет продемонстрировать процесс восприятия и осмысления ситуации рассказчиком, например:

Вышла Натали только к вечернему чаю, но вошла на балкон легко и живо, улыбнулась мне приветливо и как будто чуть виновато, удивив меня этой живостью, улыбкой и некоторой новой нарядностью: волосы убраны туго, спереди немного **подвиты, волнисто тронуты щипцами**, платье другое, из чего-то зеленого, цельное, очень простое и очень ловкое, особенно в перехвате на талии, туфельки черные, на высоких каблучках, – я внутренне ахнул от нового восторга²⁵.

Оба выделенных компонента передают статичную картинку: герой увидел, что волосы на лбу и висках Натали выются, чего не было прежде. Далее следует догадка: она готовилась к встрече, завивалась щипцами. Так сцена превращается в наполненный эмоциями сценарий.

3. Плеоназмы с включением семантики одного компонента в состав семантики другого.

В такого рода случаях один из компонентов плеоназма обозначает предмет или действие, другой – различные аспекты данного предмета или действия, в том числе часть предмета, его признак, время действия и под. Рассмотрим пример: *Я пошел за ней, она приостановилась на ступеньке балкона, глядя на вершины сада, из-за которых уже клубами туч подымались облака, подергиваясь, сверкая беззвучными молниями*²⁶. Первый компонент *туч* не только отсылает к общей с *облаками* категории, но и акцентирует внимание на объективных и субъективных признаках – «темный», «тяжелый», «угрожающий» и проч., которые добавляют семантическую нагрузку компоненту *облака*, заставляя адресата представить себе изменение цвета, формы, плотности облаков.

Плеоназм данного типа может обуславливаться структурным фактором, а именно необходимостью ввести признаки, не относящиеся к первому компоненту, например: *сладко дуло полевым дождевым ветром*²⁷. Прилагательные *полевой* и *дождевой* не могут относиться к глаго-

лу *дуть*. Даже применив трансформацию *с поля дуло*, автор должен был бы указать носителя дождя – *ветер*. Лингвистический эксперимент, заключающийся в трансформации авторского высказывания в предложение *С поля дуло, и этот ветер нес дождь*, позволил нам выявить еще одну функцию плеоназма: он обеспечивает концентрацию смысла, синкретическое отражение действительности.

Подробный анализ структурных и семантических характеристик плеоназма в рассказе «Натали» позволяет выявить некоторые стилистические и внутритекстовые функции данного приема.

Во-первых, употребление И. А. Буниным плеоназма нацелено на то, чтобы дать читателю как можно больше информации о мире, представить максимально детализированное и вместе с тем целостное описание в относительно небольшом по объему тексте. Мастерство И. А. Бунина заключается в отточенности формы, изысканном выборе деталей, динамичности художественных образов.

Во-вторых, плеоназмы в тексте относятся к «сильным сигналам», служат средством установления иерархии значений, фокусируют внимание читателя на том, что оказывается важным, по мысли автора, выделяют те или иные оттенки смыслов. Плеоназмы выполняют многообразные семантические функции, такие как сужение, расширение или «мерцание» смысла.

В-третьих, плеоназм повышает напевность прозаической речи, придает ей музыкальность, свойственную поэзии и фольклору. Как отмечал А. Т. Твардовский, «Бунин всегда осознавал и в своих суждениях подчеркивал эту музыкальную сторону прозаического письма»²⁸. В своем интервью 1912 г. писатель обращал внимание на то, что «поэтический язык должен приближаться к простоте и естественности разговорной речи, а прозаическому слогу должна быть усвоена музыкальность и гибкость стиха»²⁹. Проиллюстрируем эфонические свойства плеоназма примером: *И не чувствуйте неловкости – ведь все, что было, былем поросло и прошло без возврата*³⁰. Двойная паронимазия *было – былем и прошло – поросло* с последующим повтором согласных *з* и *в* в соседних слогах создают ритмически выверенный набор созвучий, сближающий прозу со стихом.

В-четвертых, плеоназм повышает экспрессивность высказывания и запоминаемость текста. В конце рассказа герой восклицает: *как хотел я умереть в ту ночь в восторге своей любви и погибели!*³¹. Игра на прямом и переносном значении компонентов плеонастической конструкции, включенной в восклицательное предложение, позволяет читателю острее прочувствовать силу любви и раскаяния героя, а расположение этой фразы в сильной позиции конца текста заставляет сделать обобщения по поводу двойственности любви.

Наконец, в-пятых, плеоназм обеспечивает локальную и глобальную связность текста путем

установления семантически и стилистически значимых связей между соседствующими и дистантно расположенными словами и выражениями.

Проведенное исследование подтвердило нашу гипотезу о том, что плеоназм является важным приемом, отличающим идиостиль И. А. Бунина. Было установлено, что в рамках небольшого рассказа писатель смог воплотить впечатляющее конструктивное многообразие плеоназма. Он продемонстрировал богатые семантические и стилистические возможности этого приема, его органичность для художественного мышления, связанную со способностью к образной конкретизации, с эмоциональной насыщенностью, с пригодностью как к синтезу, так и к анализу. Не последнюю роль для И. А. Бунина играла музыкальность и ритмичность такого повтора. Правда, трудно сказать, в какой мере выявленный нашим исследованием потенциал плеоназма был отрефлексирован писателем. Мы не исключаем того, что часть комбинаций и приращений смысла была получена интуитивно. Но из этого и складывается процесс познания: то, что стало доступным благодаря интуиции писателя, в дальнейшем подвергается научному осмыслению и в результате творчески обогащает следующее поколение писателей.

Примечания

- ¹ Бунин И. Собр. соч. : в 9 т. / под общ. ред. А. Мясникова, Б. Рюрикова, А. Твардовского ; вступ. ст. А. Твардовского. Т. 1. М., 1965. С. 8.
- ² Там же. С. 24.
- ³ Там же. С. 22.
- ⁴ Есакова М. Плеоназм как явление речевой избыточности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 2. С. 26.

- ⁵ Ковалева Т. Плеоназм в русском языке XXI века : семантический аспект // Вестн. НГГУ. 2017. № 4. С. 158.
- ⁶ Хан-Пира Эр. Плеоназм и тавтология. Разные судьбы плеоназмов // Русский язык. 2003. № 14. URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200301409> (дата обращения: 15.09.2019).
- ⁷ Ковалева Т. Указ. соч. С. 158.
- ⁸ Виноградов В. Плеоназм // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 180.
- ⁹ См.: Геккина Е. Плеоназм и тавтология // Культура письменной речи. Русский язык. URL: <http://grammar.ru/RUS/?id=8.23> (дата обращения: 21.04.2019).
- ¹⁰ См.: Виноградов В. Указ. соч.
- ¹¹ Бунин И. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. М., 1988. С. 125.
- ¹² Там же. С. 133.
- ¹³ Там же. С. 116.
- ¹⁴ Там же. С. 130.
- ¹⁵ Там же. С. 138.
- ¹⁶ Там же. С. 117.
- ¹⁷ Там же. С. 131.
- ¹⁸ Там же. С. 126.
- ¹⁹ Там же. С. 116.
- ²⁰ Там же. С. 130.
- ²¹ Там же. С. 133.
- ²² Лихачев Д. Избранные труды : в 3 т. Т. 1. Поэтика древнерусской литературы. М., 1987. С. 375.
- ²³ Бунин И. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. С. 117.
- ²⁴ Там же. С. 126.
- ²⁵ Там же. С. 127.
- ²⁶ Там же. С. 131.
- ²⁷ Там же. С. 125.
- ²⁸ Твардовский А. О Бунине // Бунин И. Собр. соч. : в 9 т. Т. 1. С. 42.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Бунин И. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. С. 137–138.
- ³¹ Там же. С. 145–146.

Образец для цитирования:

Лиминь Пэй. Плеоназм как стилистический прием в прозе И. А. Бунина (на примере рассказа «Натали») // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 25–29. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-25-29>

Cite this article as:

Limin'Pej. Pleonasm as a Stylistic Reception in I. A. Bunin's Prose (On the Example of the Story *Natalie*). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 25–29 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-25-29>

УДК 811.161.1'37'27

Исследование концепта «Пионер» в языковой картине мира носителей русской культуры

Е. С. Баландина

Баландина Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), nenash_ek@mail.ru

Статья представляет комплексное когнитивно-ориентированное исследование концепта «Пионер» в языковой картине мира носителей русской культуры. Анализ различных лексикографических источников позволил выявить обобщенный прототип концепта и обязательные признаки, отражающие его ценностно-оценочное восприятие.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, лексическое значение слова, ассоциативное поле концепта.

The Concept 'Pioneer' in the Russian Linguistic Picture of the World

E. S. Balandina

Ekaterina S. Balandina, <https://orcid.org/0000-0002-1360-7413>, South Ural State University (National Research University), 76 Lenin prospekt, Chelyabinsk 454080, Russia, nenash_ek@mail.ru

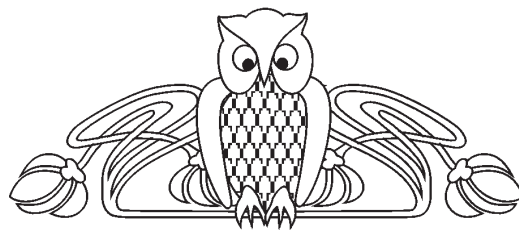
This article presents a comprehensive cognitive-oriented study of the concept 'Pioneer' in the linguistic picture of the world of the representatives of the Russian culture. The analysis of various lexicographic sources allowed the author to identify a generalized prototype of the concept and obligatory characteristics that reflect its value-based evaluative perception.

Keywords: concept, linguistic picture of the world, lexical meaning of the word, associative field of a concept.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-30-34>

Концепт является сложной структурой, потому что, с одной стороны, к ней относится «все, что принадлежит строению понятия», а с другой – «в нее входит то, что делает его фактом культуры»: этимология, история, ассоциации, оценки, коннотации¹. Принимая точку зрения В. И. Карасика о том, что концепт – это многомерное образование, в котором различаются понятийные, образные и ценностные стороны², мы можем говорить о том, что концепт формируется в сознании человека, детерминируется культурой и репрезентируется при помощи языка, который и выражает особенность восприятия мира носителями разных культур.

Смысловый аспект концепта – его лингвистическая фиксация (имя концепта, его описание и дефиниция) – может быть проанализирован на примере изучения различных этимологических и толковых словарей, в которых в целях максимального объяснительного эффекта отобража-

ются значения слов как «кванты знаний» о мире³. Подобный анализ позволяет ученым раскрыть внутреннее содержание концепта и представить его как результат коллективного сознания, обладающий этнокультурной спецификой⁴.

В нашем исследовании мы хотим подойти к вопросу анализа концепта с диахронной и синхронной точек зрения на примере анализа различных словарей, фиксирующих и систематизирующих представления человека о мире и окружающей его действительности. Использование данных лексикографии позволяет раскрыть номинативное поле концепта и выявить наиболее устойчивые его признаки, верифицированные временем. В данном ключе мы можем говорить об анализе содержания ядра концепта, зафиксированного в языке. Анализ многозначности слова, изучение лексических значений и сочетаемости слова-репрезентанта позволяют установить определяющие это развитие черты соответствующего концепта⁵. Кроме того, интерпретация словарных дефиниций дает возможность выявить обобщенный прототип концепта и его обязательные признаки⁶.

Привлечение материала, основанного на данных ассоциативных экспериментов, позволяет проверить, насколько устойчивы концептуальные признаки, выявленные при лексикографическом анализе языковых данных, релевантны для представителей современного массового сознания. Более того, детальный анализ ассоциативных полей позволит описать периферийные слои концепта и выявить психологической реальное значение лексем-репрезентанта⁷.

Значимость подобных исследований обусловлена необходимостью фундаментальных разработок лингвистической науки, связанных с проблемами отражения действительности и способами ее фиксации и репрезентации в языковой картине мира. Любое слово проходит длительный путь развития и преобразования значений, которые закрепляются в различных словарях, иллюстрирующих целостное восприятие мира носителями определенной культуры.

В качестве анализируемого концепта мы выбрали ПИОНЕР – слово, широко вошедшее в употребление русского языка с начала XVIII в. Выбор этого концепта обусловлен несколькими критериями. Во-первых, данное слово-репрезентант, являясь иностранным заимствованием, фиксирует определенное значение, характерное для эпохи вхождения его в словарный состав

русского языка. Следовательно, диахронический анализ на основе этимологических и толковых словарей позволит выявить актуальность данного значения для современного общества. Во-вторых, в ходе употребления слово ПИОНЕР приобрело новые значения, которые описывают определенные реалии, характерные для русской культуры. То есть анализ синхронного среза позволит выявить актуальные признаки концепта. В-третьих, в силу различных экстралингвистических факторов данное слово приобрело новые прагматические оттенки значения, которые позволяют раскрыть целостное и глубокое представление носителей русской культуры о данном концепте.

Таким образом, цель данной статьи – комплексный когнитивно-ориентированный анализ смыслового наполнения и когнитивных признаков концепта ПИОНЕР по данным лексикографических источников. Материалом для нашего анализа послужили словарные статьи на слово-репрезентант, представляющие различные толкования в зависимости от времени фиксации. К основным методам исследования мы относим историко-этимологический, дефиниционный анализ, раскрывающие актуальные признаки ядра концепта, и анализ ассоциативных полей, иллюстрирующий глубинные связи, сформированные в сознании носителей русской культуры.

Историю развития содержательно-смыслового состава исследуемого концепта ПИОНЕР можно проследить на основе изучения дефиниций, представленных в различных исторических словарях.

Согласно словарю А. Д. Михельсона 1866 г.⁸, слово ПИОНЕР происходит от английского *pioneer*, французского *pionier*, от *pion*, пешеход, от латинского *pes, pedis*, нога, и имеет следующее толкование – солдат, занимающийся возведением земляных укреплений, копанием рвов, постановкой мостов, проложением дорог. То есть первоначальное значение анализируемой лексемы репрезентанта – это пехотинец, солдат.

Однако уже в начале XX в. в словарях появляются новые значения данного слова. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, 1907 г.⁹ дает следующие определения слова ПИОНЕР:

1) в северной Америке – поселенец, проникающий вперед в девственные леса (скваттер) или вообще в новые, неисследованные еще места, чтобы здесь положить основание будущей культурной жизни; 2) в переносном смысле обозначение всякого, кто пролагает новые пути в какой бы то ни было отрасли человеческого знания или деятельности; 3) солдат-рабочий, употребляемый в войсках для производства земляных сооружений.

Согласно Словарю иностранных слов, вошедших в состав русского языка, 1910 г.¹⁰, ПИОНЕР – это:

1) прежде вообще пехотный солдат, теперь же солдат, предназначенный для земляных работ, т. е. проложения, возведения укреплений, копания траншей и т. п.; 2) в Америке – первые поселенцы в новых землях, начинающие с расчистки и возделывания земли; отсюда вообще инициаторы, первые рабочие в каком-нибудь деле, полагающие в нем почин.

Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке, 1911 г.¹¹ дает следующую трактовку:

1) так называемые первые переселенцы в Америку, занимавшие еще неизвестные девственные места, где им пришлось много работать, чтобы заложить основы для менее трудной и менее опасной жизни будущих поколений; отсюда так стали называть вообще первых работников в какой-нибудь области, всякого, кто пролагает новые пути в еще неразработанной новой отрасли науки, искусства или какой-нибудь другой деятельности.

Мы можем увидеть, что лексема в процессе своего развития постепенно приобретает многозначность. Несмотря на очередность появления новых сем первоначальная трактовка «пешеходный солдат» в словарном определении постепенно стирается, уступая место значению «американский поселенец». Именно от данного значения лексема стала широко употребляться в переносном смысле для обозначения человека, который положил начало чему-либо новому в различной области знаний или в иной сфере деятельности.

Дальнейший анализ словарных статей позволяет сделать вывод о динамической составляющей лексико-семантических характеристик концепта и наполнении прагматической структуры слова географическим и оценочным признаками.

Понятийная составляющая современного концепта ПИОНЕР формируется в русском языке базовыми значениями, зафиксированными в словарях конца XX – начала XXI в. Иерархическая модель концепта ПИОНЕР построена из следующих лексико-семантических компонентов:

Словарь русского языка С. И. Ожегова 1990 г.¹²:

1) Человек, который одним из первых пришел и поселился в новой неисследованной стране, местности; 2) перен. Человек, который положил начало чему-нибудь новому в области науки, культуры; 3) Член детской организации в СССР и ряда детских организаций в некоторых других странах;

Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный 2000 г.¹³:

1. м.

1) а) Тот, кто впервые проник в новую, неисследованную страну или местность и осваивает ее;

б) *перен. разг.* Тот, кто положил начало чему-л. новому в области науки, культуры или в иной сфере деятельности;

2) Член массовой детской коммунистической организации, объединявшей в своих рядах школьников от 9 до 14 лет (в СССР и некоторых других странах);

2. м.

Солдат саперной части инженерных войск (в Англии, Германии и в Российском государстве до 30-х годов XIX в.).

Обозначенные в первом пункте признаки выстраивают универсальный, инвариантный прототип, который является типичным для многих носителей русского языка середины–конца XX в.

Первое значение, закрепленное в словаре, представляет собой нейтральную трактовку, модифицирующую историческое значения концепта «первый поселенец в Америке». Переносное значение «тот, кто положил начало чему-либо новому» приобретает оттенок разговорного стиля, о чем свидетельствуют словарные пометы. Интересно отметить, что первоначальное значение лексемы ПИОНЕР «солдат, пехотинец» опущено при трактовке слова в Словаре С. И. Ожегова, однако присутствует в качестве дополнительного в Новом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой. Следовательно, данный лексико-семантический компонент значения не находит отражения во всех словарных статьях, поскольку является пассивным признаком. Таким образом, его определение возможно только в рамках культурно-исторического контекста, в котором он может быть актуализирован.

Особое внимание следует уделить появлению новой дефиниции лексемы-репрезентанта «член массовой детской коммунистической организации». Данный инвариантный признак является ключевым для носителей русской культуры XX в. и во многом расширяет прагматическую структуру концепта, изменяя сложившийся массив и добавляя новые оттенки значения: идеологический, географический, национально-культурный, возрастной. Анализируемый концепт в данном значении в сознании языкового коллектива связывают с определенным, узко локализованным стереотипом. Таким образом, сама лексема становится прагматически маркированной.

Детальный анализ слова-репрезентанта ПИОНЕР, по данным различных толковых словарей, позволил выделить центральные лексико-семантические компоненты содержательного плана, тем самым создав некую основу для дальнейшего изучения.

На следующем этапе исследования обратимся к данным многофункциональной системы Прямого и Обратного словарей Ассоциативного тезауруса русского языка¹⁴. Данная поисковая система дает возможность вводить запрос и получать выборку в соответствии с возрастом, профессией, местом проживания и полом опрошенных респондентов. Однако в нашем исследовании мы не принимали во внимание все вышеперечисленные критерии, поскольку нас интересовало обобщенное представление

о ПИОНЕРЕ, зафиксированное в языковой картине мира носителей русской культуры. Анализ ассоциативных связей слова-стимула ПИОНЕР позволяет сопоставить результаты, отраженные в ассоциативном поле, и лексико-семантические данные, зафиксированные в толковых словарях.

Статистика по общему запросу показывает, что на данный стимул было получено: всего реакций 104, различных реакций 58, одиночных реакций 42, отказов 6.

Словарная статья ПИОНЕР включает в себя следующий набор ассоциаций, которые мы можем классифицировать следующим образом. Предметно-смысловые ассоциации (ассоциации смежности) – это ассоциативные пары слов, в содержании которых отсутствуют общие значимые признаки, т. е. в ходе анализа взаимосвязей *слово-стимул vs слово-реакция* можно выделить отношения смежности между предметами, явлениями действительности или абстрактными понятиями¹⁵: *галстук (13), с галстуком (3), барабан, детство, красный галстук, средняя школа, шорты (21%)*.

В свою очередь, ассоциации по сходству можно разделить на две подгруппы. К классификационным относятся ассоциативные пары, в содержании которых может быть выделен хотя бы один общий существенный признак, объединяющий слово-стимул и слово-реакцию. В представленной словарной статье могут быть выделены следующие ассоциаты, относящиеся к данной группе: *коммунист (2), октябренок (2), пенсионер (2), бойскаут, ботаник, будущий коммунист, Вася, вожатый, комсомолец-коммунист, ленинец, Морозов, Павлик Морозов (15%)*.

Детерминационные ассоциации характеризуются наличием в своем содержании какого-либо признака стимульного слова: *юный (6), первый (2), честный (2), активный, бывший, зеленый, молодец, неопрятный, почетный, правый, примерный, радостный, советский, юные; готов (4), будь готов (3), впереди (29%)*.

Синкретические ассоциации – это такие пары, в которых разграничение отношений между словом-стимулом и словом-реакцией представляет некую сложность (смежность – сходство, детерминация – классификация), поскольку границы, определяющие смежность и сходство предметов, размыты: *пример (7), всем ребятам пример (4), дурак (3), всем пример (3), всегда готов, всегда пример, всем детям пример, всему пример, детям пример, друг детей, Родине пример (24%)*.

Опосредованные реакции – к ним относятся ассоциативные пары, в которых ответ-реакция не имеет непосредственных отношений со словом-стимулом и связан с ним посредством некоего третьего (формально не выраженного) члена ассоциативной группы: *кинотеатр (2), басня, весна, застой, космоса, пион, сокол, путь, фанат, фирма (11%)*.

Таким образом, мы можем судить о том, что частотными ответами на выбранные стимульные

слова являются различные виды реакций, объединенные предметно-смысловыми (в большинстве своем реакциями, связанными с атрибутами пионера), детерминационными (ассоциатами, описывающими внешние и внутренние характеристики пионера) и синкретическими связями. Преобладание числа атрибутивных ассоциатов группы детерминационных реакций свидетельствует о стремлении респондентов дать оценочную характеристику анализируемому концепту, что позволяет говорить о глубоком внутреннем наполнении его периферийных зон.

Интересно отметить, что представленный лексикографический дискурс Прямого ассоциативного словаря русского языка во многом соответствует словарной дефиниции «член массовой детской коммунистической организации, объединявшей в своих рядах школьников от 9 до 14 лет (в СССР и некоторых других странах)», в то время как остальные значения данного слова практически не находят отражения в языковой картине мира носителей русской культуры. Следовательно, психологически реальное значение лексемы-репрезентанта ПИОНЕР связано в массовом сознании именно с членом детской организации СССР и именно данное значение является ядерным или основным (актуальным) признаком исследуемого концепта.

Трактовка лексемы «тот, кто положил начало чему-л. новому в области науки, культуры или в иной сфере деятельности», по данным ассоциативного словаря, также прослеживается на примере реакций *первый (2), активный, почетный, правый* и т. д., однако данное значение выводится уже из внутренних качеств, присущих пионеру, а не от первоначального определения слова «тот, кто впервые проник в новую, неисследованную страну или местность и осваивает ее». Следовательно, мы можем сделать вывод, что значение «человек, который положил начало чему-нибудь новому» составляет внутреннюю форму концепта, а трактовка «человек, который одним из первых пришел и поселился в новой неисследованной стране, местности» отражает его пассивный или исторический признак.

Проанализировав актуальный признак концепта, отдельно хотелось бы рассмотреть его периферийные зоны, отражающие скрытый компонент значения, раскрывающийся при семантическом анализе реакций.

Семантическое поле неотъемлемых атрибутов пионера: *галстук (13), с галстуком (3), барабан, красный галстук, шорты (1)*.

Семантическое поле, описывающее идеал концепта: *пример (7), всем ребятам пример (4), всем пример (2), впереди, всегда готов, всегда пример, всем детям пример, всему пример, детям пример, Родине пример, Морозов, Павлик Морозов (1)*.

Семантическое поле характеристик:

- положительное/нейтральное – *юный (6)*,

первый, честный (2), активный, бывший, зеленый, почетный, правый, примерный, радостный, советский, молодец, юные (1);

- отрицательное – *неопрятный (1)*.

Семантическое поле смысловых ассоциаций:

– положительное/нейтральное – *коммунист, октябренок, пенсионер (2), бойскаут, ботаник, будущий коммунист, вожатый, друг детей, комсомолец-коммунист, ленинец, детство, космоса, средняя школа, путь (1);*

- отрицательное – *дурак (3), застой (1)*.

Семантическое поле действий: *готов (4), будь готов (2)*,

Семантическое поле опосредованных реакций: *кинотеатр (2), басня, весна, пион, сокол, фанат, фирма (1)*.

Изучение периферии смыслового пространства позволяет сделать вывод относительно ценностно-оценочного восприятия концепта носителями русской культуры. Идеализированное представление пионера, сформированное в период рассвета СССР, находит отражение в языковой картине мира и в XXI в. Пионер в массовом сознании предстает перед нами *примером*, которому должны следовать дети, поскольку он – олицетворение гордости Родины. К наиболее значимым чертам его характера относятся честность и активность, внешне составлявшие – юность и молодость. Оценочный компонент значения является в большей степени положительным, поскольку общее количество положительных/нейтральных ответов значительно превышает число отрицательных ассоциаций.

Подобное восприятие во многом можно объяснить, если обратиться к Словарю сочетаемости слов русского языка 1983 г. под редакцией П. Н. Денисова и В. В. Морковкина¹⁶. Согласно данным словаря, слово ПИОНЕР, репрезентирующее изучаемый концепт, сочетается с прилагаемыми *настоящий, примерный, юный, советский, первый*. Следующие модели словосочетаний также отражают устойчивые периферийные признаки концепта, отраженные в представленных выше семантических полях:

– принадлежность к чему-либо (сочетание с существительным в родительном падеже) – *отряда, дружины, школы, города;*

– смысловые комбинации (сочетание со словом ПИОНЕР в родительном падеже) – *торжественное обещание, красный галстук, форма, поведение, слово, девиз, клятва, пример, подвиг;*

– смысловые комбинации (сочетание со словом ПИОНЕР в предложном падеже) – *повесть, рассказ, книга, песня;*

– смысловые комбинации (сочетание со словом ПИОНЕР в творительном падеже) – *работа, дружба, встреча, разговор, беседа;*

– сочетаемость с глаголами – *стать, быть, вступить, принять.*

Таким образом, мы можем сделать вывод, что изучаемое слово-репрезентант сочетается со

словами, обладающими высокими эмоционально-оценочными характеристиками, *девиз, клятва, торжественное обещание, подвиг*, являющимися основой поведения для пионера.

Далее нам представляется интересным обратиться к данным Обратного ассоциативного словаря русского языка, т. е. проанализировать список стимулов, на которые в ходе составления словаря была получена реакция *пионер*. Статистика по запросу показывает, что всего было 236 стимулов, вызвавших реакцию: различных стимулов – 81, стимулов, вызвавших данную реакцию один раз, – 56. В нашем исследовании мы обратились к тем словам, которые вызвали ассоциацию *пионер* два или более раз. Таким образом, мы получили основной набор стимулов, смысловая разбивка которых может быть представлена следующим списком:

– лексемы устойчивых словосочетаний и их элементов (девиз, означающий готовность выполнить задание) – *всегда готов (39), готов (2)*;

– лексемы атрибутивного характера – *юный (18), активный (17), готовый (13), отважный (3), активный, будущий, лидерство, ответственный, отряд (2)*;

– лексемы, описывающие неотъемлемые атрибуты пионера, – *барабан, горн (7), значок (6)*;

– смысловые лексемы – *октябренок (22), комсомол (11), каждый, комсомолец (4), коммунист, ученик (3), товарищ, школьник (2)*;

– лексема действия – *принять (2)*;

– лексема, описывающая идеал/пример для пионера, – *Гагарин (3)*.

Анализ данных указывает на общность всех слов-стимулов, объединенных смысловым значением лексемы ПИОНЕР «член детской организации в СССР». Следовательно, анализируемый концепт в данном значении в сознании языкового коллектива имеет устойчивый, прагматически маркированный стереотип, связанный с советским прошлым.

Таким образом, изучение различных лексикографических источников показало вариативность и динамичность наполнения содержания концепта ПИОНЕР. С момента, когда слово-репрезентант закрепилось в словарях иностранных слов русского языка, до момента изучения современного значения слова по данным ассоциативных словарей анализируемая лексема не только приобрела новые оттенки значения, но и полностью изменила модель своего восприятия носителями русской культуры. Следовательно,

под влиянием различных исторических событий признаки концепта могут систематизироваться, дополняться, изменяться и варьироваться, а актуальный признак может постепенно становиться пассивным, уступая место новому ядерному.

Примечания

- 1 См.: Степанов Ю. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- 2 См.: Карасик В. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. М., 2004.
- 3 См.: Плотникова А. Новые тенденции в русском лексикографическом дискурсе // Вестн. НГПУ. 2014. № 3 (19). С. 22–30.
- 4 См.: Самситова Л., Таубулатова Р. Концепт в современной лингвистической литературе : основные подходы и направления его изучения // Вестн. Башкир. ун-та. 2015. Т. 20, № 1. С. 220–226.
- 5 См.: Смирнова О. К вопросу о методологии описания концептов // Вестн. НГГУ. 2009. № 3. С. 247–253.
- 6 См.: Дементьева И. Дефиниционный анализ лингвокультурного компонента “Generation” в английском языке // Филологическое науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50). С. 70–73.
- 7 См.: Крючкова Н. Лексикографические и экспериментальные данные в раскрытии содержания концептов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 315. С. 19–24.
- 8 См.: Михельсон А. 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. По словарям : Гейзе, Рейфа и др. М., 1866.
- 9 См.: Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 2-е изд. СПб., 1907.
- 10 См.: Чудинов А. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1910.
- 11 См.: Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М., 1911.
- 12 См.: Ожегов С. Словарь русского языка : 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 22-е изд. стер. М., 1990.
- 13 См.: Ефремова Т. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
- 14 См.: Русский ассоциативный словарь. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php> (дата обращения: 12.02.2019).
- 15 См.: Мартинович Г. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента // Вопр. психологии. 1993. № 2. С. 93–99.
- 16 См.: Словарь сочетаемости слов русского языка : Ок. 2500 словар. ст. / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина ; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 2-е изд., испр. М., 1983.

Образец для цитирования:

Баландина Е. С. Исследование концепта «Пионер» в языковой картине мира носителей русской культуры // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 30–34. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-30-34>

Cite this article as:

Balandina E. S. The Concept ‘Pioneer’ in the Russian Linguistic Picture of the World. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 30–34 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-30-34>

УДК 811.161.1'366

Аббревиатуры как ключевые элементы социокультурного пространства в современных медиатекстах

В. Е. Замальдинов

Замальдинов Владислав Евгеньевич, кандидат филологических наук, независимый исследователь, zvlad-nn@yandex.ru

В статье рассматриваются аббревиатуры как ключевые элементы социокультурного пространства в языке СМИ. Особое внимание уделено следующим языковым единицам как исходным лексемам: ИГИЛ, ВАДА, СМИ, ОПЕК и др. Автором показано, что от-аббревиатурные наименования отражают актуальные явления, значимые для жизни российского общества, выполняют экспрессивную и воздействующую функцию.

Ключевые слова: аббревиатуры, ключевые элементы социокультурного пространства, новообразования, язык СМИ, способы словообразования.

Abbreviations as Key Elements of Social and Cultural Space in Contemporary Media Texts

V. E. Zamaldinov

Vladislav E. Zamaldinov, <https://orcid.org/0000-0003-4513-3571>, independent researcher, zvlad-nn@yandex.ru

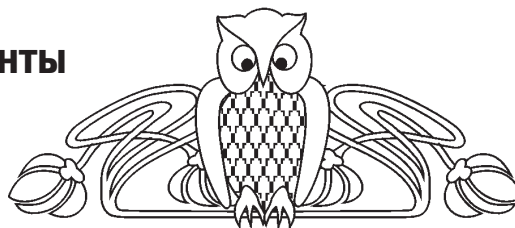
The article considers abbreviations as key elements of social and cultural space in the language of mass media. The paper closely focuses on the following language units as the initial lexemes: IGIL (ISIS), WADA, SMI (mass media), OPEC etc. The author shows that abbreviated names reflect currently relevant phenomena in the life of the Russian society, and perform an expressive and influencing function.

Keywords: abbreviations, key elements of social and cultural space, neologisms, language of mass media, ways of word formation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-35-38>

Для каждой эпохи характерны свои ключевые слова – лексемы, которые отражают актуальные явления и несут концептуальную информацию. В лингвистических работах встречаются различные обозначения данного понятия: «ключевые элементы социокультурного пространства» (В. Е. Замальдинов), «высокочастотные слова» (Е. А. Земская), «концептуальные слова» (Г. Я. Солганик), «ключевые слова текущего момента» (Т. В. Шмелёва) и др. Как отмечает Ю. Н. Караулов, «дать определение тому, что обычно метафорически именуют ключевыми словами, довольно непросто»¹.

Под ключевыми словами социокультурного пространства мы будем понимать «актуальные лексемы, характерные для определённого периода развития социума, отражающие национально-культурные особенности народа, обладающие высокой частотностью употребления»².

В языке современных СМИ журналисты активно используют инновации на базе ключевых элементов социокультурного пространства, представленных аббревиатурами. Аббревиатуры запоминаемы, обладают экспрессивностью, экономят языковые усилия, повышают эффективность коммуникации, привлекают внимание своим размером на общем фоне текста статьи. «Данные языковые единицы сочетают в себе экономный план выражения и семантически насыщенный план содержания. Журналисты используют аббревиатуры как зрительную помеху в процессе восприятия текста для запланированного графического воздействия на читателя»³. По мнению С. И. Шумарина, «чем социально значимее явление, обозначаемое аббревиатурой, тем большим деривационным потенциалом она обладает»⁴.

Аббревиатурные наименования широко распространены в медийных текстах, активно образуют производными. Так, с помощью суффиксального способа словообразования образованы следующие инновации: *Кровавый лик ИГИЛовщины предстаёт перед нами в своём кошмарном уродстве. Он страшен и отвратителен* («Оппортунизму – бой!». 04.01.16); *Игиловцы играют в футбол отрубленными головами* (заголовков) («Вести.Ру». 06.11.16); *ИГИЛизм* (заголовков). *Акулы корчатся от злости. Алепо пал и Асад цел! И всё же либералы-жлобы берут «тиранов» на прицел* («Стихи.ру». 09.04.19); *Масштабная т. н. «ВАДАизация» спорта, подаваемая в качестве заботы о здоровье спортсмена и сопровождаемая всё усиливающейся «антидопинговой кампанией» – фактически превращается в формирование карательного политического меча в спорте* («Агентство Политических Новостей». 24.06.16). Кроме того, с помощью суффиксации журналисты образуют прилагательные-инновации на базе аббревиатур: *Игиловский муфтий был уничтожен в Рае* (заголовков) («Вести.Ру». 11.11.17). Рассмотренные новообразования относятся к религиозно-политической (ИГИЛ) и спортивной лексике (ВАДА), употребляются с резко отрицательной коннотацией, выражают критическое отношение к именуемым явлениям.

Отаббревиатурные новообразования могут быть созданы с помощью префиксации: *В нашей ситуации даже не знаю, какое слово присовать к этому самому «псевдо». Истина,*

порядок, контроль, правда? Или сразу написать «**ПсевдоВАДА** и её псевдоборьба за чистоту спорта» (радио «Шансон». 30.08.17); В реальности казахстанские СМИ соревнуются не с блогерами, а с **квазиСМИ** во ВКонтакте и в Instagram, у которых и аудитория больше, и есть потенциал роста, они в большинстве двуязычные («Kaktakto.com». 01.02.18); **ПсевдоСМИ** – это типичные СМИ гитлеровской Германии, СССР, путинской России и тому подобных вождистских режимов («ПолитЭксперт». 14.09.18); Севастопольское **недоСМИ** пробило дно в ад и ведёт оттуда прямую трансляцию? (заголовок) («Информер». 17.01.19); Заместитель директора по энергетическому направлению Института энергетики и финансов Алексей Белогорьев в свою очередь заявил, что на данный момент никто за пределами ОПЕК не готов к созданию **квазиОПЕК** с жёсткими условиями членства, а уж тем более к принятию на себя каких-то обязанностей по исполнению решений организации («ФНЭБ». 11.07.17). Новообразования с префиксами *псевдо-*, *квази-*, *недо-* имеют отрицательную оценочность, которая может усиливаться контекстуальным окружением. По мнению В. А. Марьянчик, «оценочность – очевидное и закономерное свойство неологизма, обусловленное его прагматической функцией: новообразование содержит информацию не только о денотате, но и об отношении автора к нему»⁵.

В современных СМИ частотность приобретают отаббревиатурные номинации с использованием аффиксоидов. По словам Е. А. Левашова, «особенностью аффиксоидов является то, что, уподобляясь аффиксам по своему положению в слове, в содержательном плане они, будучи «обломками» породивших их слов, наследуют их значение, то есть несут самостоятельную корневую нагрузку»⁶. В связи с популяризацией информационных технологий журналисты стали активно использовать префиксоид *кибер-* для обозначения высокотехнологичных явлений: *По его мнению, не нужно искать виновных в состоявшейся избирательной кампании США, а необходимо совместно выработать ответные действия против «кибер-ИГИЛ» (террористическая группировка «Исламское государство» запрещена в России)* (т/к «РЕН ТВ». 17.05.17). Как видно из примера, для новообразования с префиксоидом *кибер-* характерна негативная экспрессия, которая поддерживается за счёт контекста.

Для распространения негативной информации журналисты нередко используют суффиксоиды: *И вот теперь всё повторяется снова. Только вместо наркотиков – сирийская и иракская нефть, вместо «контрас» – ИГИЛ и «бандеровцы», а вместо спецслужб Ирана и Израиля – турецкие и катарские разведки. Этакий «ИГИЛ-гейт»...* («За Родину, за Путина!» 11.12.15); *Американская ИГИЛ-фобия* (заголовок). Биз-

несмена из ОАЭ, приехавшего в США на лечение, арестовали у гостиницы сразу по выходу из такси, сообщает CNN («Федеральное агентство новостей». 04.07.16); **ВАДАгейт**. 5 главных вопросов по ситуации с «легальным» допингом (заголовок) («Аргументы и факты». 16.09.16). Следует отметить, что новообразования с суффиксоидами *-гейт* с семантикой ‘политический скандал’ и *-фобия* с семантикой ‘боязнь чего-либо’ содержат отрицательную оценку. С помощью данных морфем журналисты распространяют негативную информацию, указывают на политические махинации и антипатии.

Новообразования на базе аббревиатур могут быть созданы окказиональными способами. «Окказиональное словотворчество позволяет моделировать ментальные понятия, если они не находят адекватного выражения в языке. Окказиональное словотворчество органично вплетается в архитектуру текста»⁷. Так, журналисты активно создают новообразования с помощью графической гибридации. Под ней мы будем понимать результат создания новых номинаций, в которых используется графическое выделение сегмента. Рассмотрим примеры: **ОПЕКать**, но не «замораживать» (заголовок). *Провалом завершилась очередная попытка некогда грозного нефтяного картеля прийти к единому мнению по уровню добычи чёрного золота* («Life». 02.06.16); *Америка ПРОтив России. Как работает система противоракетной обороны США* (заголовок) («Life». 11.10.16). Отметим, что подобные инновации образованы с помощью такой разновидности графической гибридации, как капитализация. Под ней мы будем понимать «графическое выделение сегмента слова»⁸. Псевдомотивированные инновации воздействуют на зрительное восприятие адресата, экономят речевые средства, участвуют в языковой игре, которая построена на совпадении по звучанию узальных слов и аббревиатур. Как отмечают учёные, «языковая игра с использованием сложносокращённых слов привлекает внимание читателей, а также активизирует визуальное и ассоциативное восприятие материала»⁹.

В современных медиатекстах встречаются инновации с графемным изменением исходной лексемы: **СМИшные** дела (заголовок). *Государственные каналы на грани закрытия, а иностранные – вне закона* («Zakon.kz». 26.01.17) ← *СМИ + смешные*; *Не СМИшно: зарубежные издания и телеканалы в России станут «иноагентами»* («РИА Новости». 15.11.17) ← *СМИ + смешно*. Активизация подобных новообразований демонстрирует, что аббревиатура *СМИ* находится в фокусе общественного внимания, ассоциируется со смехом, что говорит о прагматическом характере языковой игры. Кроме того, в качестве привлечения внимания к публикации адресанты могут использовать прецедентный феномен: *Что ПАСЕешь, то и вернёшь*. При-

едет ли делегация России в Страсбурге? (заголовок). На минувшей неделе Бюро Парламентской ассамблеи Совета Европы решило поручить Комиссии ПАСЕ по регламенту изучить вопрос о полномочиях национальных делегаций («Аргументы и факты». 27.05.19). Воздействие на читателя осуществляется через отсылку адресата к поговорке «Что посеешь, то и пожнёшь», которая используется «с когнитивным содержанием “каждое действие приводит к соответствующему результату”»¹⁰. Таким образом, инновация *ПАСЕешь* приобрела политическую интерпретацию, так как в статье идёт речь о возвращении России в ПАСЕ на условиях абсолютно равного участия. Кроме того, риторический вопрос в заголовке способствует мыслительной деятельности адресатов, расставляет смысловые акценты. Таким образом, данные новообразования созвучны узואльному лексемам (*смешно, посеешь*), создают двусмысленность, активизируют внимание адресатов, минимальным текстом передают максимум информации. Однако необходимо отметить, что нарушение привычного облика узואльной лексемы в подобных номинациях может восприниматься адресатом как ошибка и влиять на формирование орфографического вкуса читателя. «Учитывая тенденцию снижения грамотности в современном обществе, вряд ли стоит оценивать положительно заголовки с “ошибкой”»¹¹.

Характерной чертой современных СМИ стало использование журналистами элементов латинской графики. Такую разновидность графических гибридов лингвисты стали называть полиграфиксацией. Под ней мы будем понимать «создание новообразований с помощью графических средств разных языков»¹². Кроме того, «необходимым условием признания новой лексической единицы в качестве полиграфиксата является не только формальное присутствие, но и семантическая значимость иноязычного графического элемента»¹³.

Так, активно функционирует в современных СМИ аббревиатура *PR*: *PRесс-конференция губернатора* (заголовок) («Мичуринская правда». 10.06.16); *PRивет, Америка!*. Часть 1: как правильно отвечать на анкетные вопросы о вашем проекте (заголовок) («Dev.by». 14.04.17); *Стартовала Дальневосточная PR премия «PRужина общества» в сфере связей с общественностью* (заголовок) («PrimaMedia». 28.04.18); *PR-агентство «Гагарин» и студенты-победители конкурса «Хрустальный апельсин» прошлых лет провели мастер-классы. На первом – «Пишем PRоект PRавильно»...<...> Если молодым людям несколько лет полоскать мозги подобной PRофанацией русского языка, то нет ничего удивительного в том, что они не будут видеть ошибок в ссылках – а ведь именно из-за этого у Странниковой возник конфликт с контрагентом. <...> Иначе PRоблема будет только усугубляться, и в результате клеймо*

шарлатанства могут поставить на всей отрасли, а не только на особо ярких её представителях («Взгляд». 06.07.18); *«ПРЕМИЯ-2018» имени Ольги Давиденко состоится 16 февраля 2019 года* («Комсомольская правда». 02.10.18). Таким образом, иноязычная аббревиатура *PR* осваивается русским языковым сознанием и раскрывает свои словообразовательные возможности.

Производящей базой для новых новообразований служит аббревиатура *SOS*: *Пограничное SOSстояние* (заголовок) («Время». 13.06.15); *He SOSкучиться* (заголовок)! («Аргументы и факты в Твери». 25.01.17); *SOSедка лишила бурёнку сена, а детей молока* («Провинциальная газета». 17.02.18). Отметим, что «резкий сдвиг в значениях таких полиграфиксатов обычно связан с тем, что латинизированный элемент совпадает с самостоятельным словом или морфемой»¹⁴. Кроме того, окказиональность подобных номинаций (*PRоект, PRавильно, PRофанацией, PRоблема, SOSстояние, SOSкучиться, SOSедка*) подчёркивается тем, что журналисты начальные прописные буквы передают латиницей, а для другой части слова используют буквы русского алфавита. По мнению исследователей, «аббревиатуры, оформленные в русском языке латинской графикой, участвуют в тех же словообразовательных процессах, что и простые слова с русским корнем»¹⁵.

Среди сложных инноваций обращают на себя внимание структуры с графически неадаптированными элементами: *Нововведением 2017 года станет улучшенный VIP-кемпинг: на территории «Альфа-Кемпинга» будет создана отдельная зона палаточной гостиницы под открытым небом Caravan* («Нижегородский рабочий». 26.06.17); *На самом деле, американский инвестор оказался практически в VIP-СИЗО, рассказала в беседе с «Коммерсант FM» зампред столичной Общественной наблюдательной комиссии Ева Меркачева: «Есть большой изолятор “Матросская тишина”, на его территории стоит здание, которое изначально строилось и организовывалось для VIP-персон»* («Коммерсант FM». 19.02.19); *В Магнитогорске завершился традиционный региональный конкурс по информационным технологиям среди школьников «IT-отражение», ежегодно проходящий при поддержке Магнитогорского металлургического комбината* («Коммерсант-Южный-Урал-Online». 08.04.19); *И у тех, кто продвигает IT-медицину, и у аэрокосмической индустрии, и у тех, кто работает с солнечной и другой возобновляемой энергией... У всех, кто реально занимается инновационными технологиями, здесь прекрасное будущее, – говорит Дмитрий Азаров* («Взгляд». 24.05.19). Активизацию новообразований с графически неадаптированными частями можно связать с изменениями в современном мире. Подобные инновации пополняют словарь

ный состав русского языка, характеризуются прозрачностью своей структуры, необычностью и броскостью.

Собранный и проанализированный нами материал позволил сделать вывод о том, что аббревиатуры могут быть ключевыми элементами социокультурного пространства в современных СМИ. Журналисты активно используют в медийных текстах следующие языковые единицы как исходные лексемы: *ИГИЛ, ВАДА, СМИ, ОПЕК, ПРО, ПАСЕ, PR, SOS, VIP, IT*. Это связано, на наш взгляд, с интернационализацией языка СМИ и с тем, что аббревиатуры отражают актуальные явления, значимые для жизни российского общества.

В современных медиатекстах отаббревиатурные новообразования создаются с помощью узуальных (суффиксация, префиксация, префиксоидация, суффиксоидация) и неuzuальных (графическая гибридизация) способов словообразования. Подобные номинации обладают новизной, удивляют читателя, экономят речевые средства, выполняют экспрессивную и воздействующую функции.

Примечания

- ¹ Караулов Ю. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М., 1992. С. 155.
- ² Замальдинов В. Словообразовательные неологизмы как средство речевого воздействия (на материале нижегородских СМИ начала XXI в.): дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2018. С. 121.
- ³ Замальдинов В. Ключевые элементы в современном медийном словотворчестве // Вестн. НГГУ. 2017. № 1. С. 202.
- ⁴ Шумарин С. Структура отаббревиатурных словообразовательных гнезд в современном русском языке // Проблемы филологического образования: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Л. И. Черемисиновой. Саратов, 2018. С. 193.
- ⁵ Марьянчик В. О словаре медиа-политических неологизмов современной эпохи // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления): материалы междунар. конф. / отв. ред. Т. Н. Буцева, О. М. Карева. СПб., 2006. С. 111.
- ⁶ Левашов Е. Ещё раз об аффиксоидах // Русская речь. 2008. № 3. С. 51.
- ⁷ Лаврова Н. Окказиональные образования и их место в языковой системе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 9. С. 225.
- ⁸ См.: Ильясова С., Амири Л. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2015.
- ⁹ Черникова Н., Ермолина Н. Эмоционально-экспрессивный потенциал аббревиатур // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2018: сб. тр. междунар. науч. конф. / отв. ред. Н. Б. Самсонов. М., 2018. С. 251.
- ¹⁰ Коваленко Е. Когнитивная семантика русских фразеологизмов // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2014. № 34. С. 28.
- ¹¹ Ильясова С. Языковая игра: словообразовательная, графическая, орфографическая (на материале текстов современных российских СМИ) // Медиалингвистика. 2015. № 1 (6). С. 96.
- ¹² Попова Т. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. // Лингвистика креатива-1 / под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург, 2013. С. 164.
- ¹³ Нефляшева И. Иноязычные графические элементы в структуре окказионального слова // Вестн. Ставроп. гос. ун-та. 2011. № 5–1. С. 92.
- ¹⁴ Попова Т. Современные графо-орфографические игры: коммуникативные удаchi и неудачи (на материале графикатов русского языка рубежа XX–XXI вв.) // Лингвистика креатива-2 / под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург, 2012. С. 213.
- ¹⁵ Галактионов А., Попова Т. Морфемные типы номинативных полиграфикатов-симплексов в современном русском языке // Вестн. ННГУ. 2011. № 5 (1). С. 314.

Образец для цитирования:

Замальдинов В. Е. Аббревиатуры как ключевые элементы социокультурного пространства в современных медиатекстах // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 35–38. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-35-38>

Cite this article as:

Zamaldinov V. E. Abbreviations as Key Elements of Social and Cultural Space in Contemporary Media Texts. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 35–38 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-35-38>

УДК 811.111'276.6

Peculiarities of Medical Discourse in Professional and Non-Professional Settings

T. V. Rodionova, I. V. Privalova

Tatiana V. Rodionova, <https://orcid.org/0000-0002-7431-2950>, I. V. Ruzumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia, Rodionova.TVsar@yandex.ru

Irina V. Privalova, <https://orcid.org/0000-0002-7740-2185>, I. V. Ruzumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia, ivprivalova@mail.ru

The article discusses structural and functional differences between the medical discourses that are used in professional and non-professional settings. Having analyzed over 51,000 word usages, the authors conclude that the most significant differences are: the organization of the synonymous sets of the hyperonym 'Disease', the design of paradigmatic and syntagmatic connections, and the application of slang words and expressions.

Keywords: medical discourse, synonymic chain, syntagmatic and paradigmatic connections, hyperonym.

Особенности профессионального и быденного медицинского дискурсов

Т. В. Родионова, И. В. Привалова

Родионова Татьяна Вячеславовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, rodionova.tvsar@yandex.ru

Привалова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского и латинского языков, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, ivprivalova@mail.ru

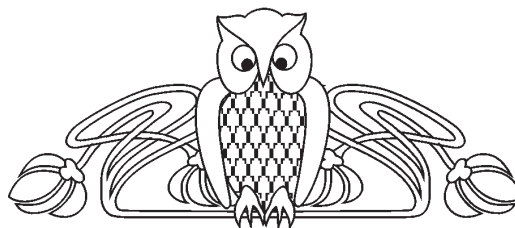
В статье обсуждаются структурно-функциональные отличия между профессиональным и быденным медицинским дискурсами. На основе анализа более 51 000 словоупотреблений делается вывод о том, что наиболее показательными расхождениями являются: организация синонимического ряда гиперонима «Болезнь», оформление парадигматических и синтагматических связей, а также способы использования сленговых слов и выражений.

Ключевые слова: медицинский дискурс, синонимический ряд, синтагматические и парадигматические связи, гипероним.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-39-43>

Introduction

In this paper, the concept of “discourse” is understood as a textual integrity in real-life conditions of its usage. Both text and discourse represent a super-phrasal unity, a set of statements united by a common idea and syntactic organization. However,

er, there is something that makes text and discourse possess disparate phenomena. Specifically, text and discourse are differently involved in procedures of communication and information exchange; in other words, they play dissimilar roles in the communicative process. In the situation of ceremonial communication, text is interpreted as institutional discourse [1, p. 25]. Institutional discourse happens to function under very peculiar conditions which predetermine its specificity. The types of institutional discourse are distinguished depending on the social institution in which an interaction takes place. So, it is proposed to single out political, diplomatic, administrative, legal, military, pedagogical, religious, mystical, business, advertising, sports, scientific, and media discourses [2, p. 7]. This paper is aimed at studying a special type of discourse, namely, medical.

Theoretical Considerations

Apparently, differentiation of various types of institutional discourse is believed to be conventional since the boundaries of each type are fuzzy. Medical discourse sets the patterns of a complex institutional discourse that may have the signs of scientific, administrative, mass media and advertising discourses. Hence, it is possible to distinguish such subtypes of medical discourse as: scientific medical discourse, educational medical discourse, administrative medical discourse, informative medical discourse, and advertising medical discourse. The existence of different types of medical discourse is the result of inter-discourse hierarchical interaction in which several types of discourse can take part, but one of the discourses occupies a dominant position [3, p. 171]. Moreover, inter-discourse interaction has become a much more frequent phenomenon than mono-discursive practices in modern sociolinguistic and pragma-linguistic reality.

As examples of medical scientific discourse, one may consider the texts and the scripts of lectures in different spheres of medicine: anatomy, physiology, pharmacology, faculty surgery, ophthalmology, neurology, etc. A scientific report presented at a symposium or at a medical conference is another genre of scientific medical discourse, as well as textbooks. At this certain point it is worth noting that textbooks also represent a genre of pedagogical discourse, thus proving the fact that the boundaries between various types of institutional discourses are not quite definite and even vague.

The documents that regulate the relations in the field of healthcare, illustrate administrative medical discourse. Medical advertising media texts serve as a model of a medical media discourse with features of a mass media informative discourse. For instance, medical advertisement has in purpose the promotion of medications and services, which are directly related to health as a significant concept that possesses a dominant value in all cultures [4, p. 7].

High evolutionary potential is another hallmark of institutional medical discourse. The development of new medical discourses and discursive practices takes place on daily basis, and it happens primarily due to introduction of modern electronic channels and e-forms of communication. "The inclusion of new communication technologies into social practices creates opportunities for their evolution. This tendency also triggers the development of such forms of organizational activities in the institutional space of medicine as: telemedicine, the Internet medicine, and e-health" [5, p. 381] (the translation of the quote from Russian into English has been made by the authors). Within the framework of electronic medical discourse, there are formed new speech genres that are associated with unique speech events, for example, professional forums and semi-popular medical e-communication. In addition, the changes, which take place in social practices, stimulate the creation of such new genres of electronic medical discourse as medical instructions. These instructions increase the level of general medical literacy. Among other new genres of electronic medical discourse one can also mention descriptions of pharmaceuticals, electronic snapshots of diagnostic methods and medical equipment. The trends in self-diagnosis and self-treatment become more and more popular in the systems of healthcare of many countries in the world. It happens due to electronic accessibility to disease control counseling [6, p. 144].

The institutionalization of discourse cannot live without taking into account the status of interlocutors as well as the conditions in which their interaction takes place. In institutional medical discourse, there can be two types of statuses of interlocutors: the status of equal participants (doctor – doctor) and the status of unequal participants (doctor – patient). Respectively, they qualify status-oriented discourse and personality-oriented discourse [1, p. 28]. As far as the opposition "a specialist – a non-specialist" is concerned, N. D. Golev and N. N. Shpilnaiy propose to distinguish between professional medical discourse and ordinary medical discourse. This opposition reflects the opposition of scientific knowledge and naive knowledge [7, p. 129]. Noteworthy, communication of participants with equal status can take place both in formal and in informal settings. In this regard, we suggest making a distinction between professional and quasi-professional discourse when professional interlocutors converse in informal circumstances or when a medical worker interacts with a non-specialist.

In addition, one should take into account the form in which discourse is presented – oral or written. Oral discourse is manifestation of everyday speech and it functions in social contexts of "natural origin" [8, p. 181]. The written form of discourse is characterized by special features, namely, conciseness, clarity, and consistency. A scientific written discourse is marked by the use of terminology and special syntactic design.

Practical Findings

As seen, different kinds of medical discourse are marked with incoherence, and *the main purpose* of our study is to determine structural and functional differences between scientific (professional) oral discourse and quasi-professional oral discourse. *The material* of our research is the collection of transcripts of professional conversations and transcripts of medical conversations with non-professionals. Scientific discourse of physicians has been studied on the basis of audio recordings of lectures that have been delivered by professors of I. V. Ruzumovsky Saratov State Medical University to graduate medical students. The total amount of lexical units under investigation is 25 085. Non-scientific discourse has been studied on the basis of audio recordings of spontaneous, informal conversations of physicians with each other and the transcripts of conversations of one of the authors of this study (T. V. Rodionova) with the doctors of various specialties (therapists, surgeons, obstetricians-gynecologists, pediatricians, traumatologists, etc.). The total amount of lexical units related to this category is 24 594. In terms of syntactic configurations, the considered material is represented by monologues, dialogues and mini-narratives (the term "mini-narrative" describes short monologues of doctors on various topics [9, 10]). Medical discourse is a versatile phenomenon; that is why scholars are engaged into research of its various aspects, such as the use of terms or stylistic originality. Field arrangement of lexical units around the hyperonym "disease" has also been fully described [11, 12]. In this study, we will focus on peculiarities of the lexical, grammatical and stylistic design of oral professional and quasi-professional discourses. The outlined focus of the research has predetermined the choice of the *methods*, namely: descriptive, comparative (within the same language system) and semantic-stylistic.

First, let us consider the specifics of the use of the most frequent lexical units in the matched discourses. Language units, which name various disorders and pathologies, are of the highest popularity both in professional and quasi-professional discourses. However, in medical discourse in non-official setting, the most frequent is the lexeme "sickness" whereas in the communication of professionals, it is "disease". As expected, the set of semantically related lexemes are more diverse in professional speech. In colloquial speech, only three quasi-syno-

nyms of the words “disease” are used, and they are: “disorder”, “impairment”, and “pathology”. In scientific medical communication, six units have been recorded: “disorder”, “impairment”, “deterioration”, “malady”, “pathology”, “anomaly”. In quasi-professional communication, the most popular synonym of the hyperonym “disease” is the lexical unit “pathology” (*патология*): ...Каждый триместр [беременности] может иметь свою патологию, и не только пиелонефрит...; А рентген может не обязательно патологию в легких только выявить, не обязательно только туберкулез, например,...

Interestingly enough, in quasi-professional discourse, there is no detailed classification of diseases as this is not necessary. Comprehensive consideration of specific subtypes and forms of diseases is irrelevant since interlocutors discuss only what they already know and they understand each other without further ado. Conversely, in professional discourse, the names of diseases are specified according to various factors. The classification of the types of diseases draws on two parameters: a) pain localization, and b) branches of medicine dealing with diagnostics and treatment. For example: injuries (*trauma, burn, dislocation*); cardiovascular disorders (*hypertension, dystonia, angina pectoris*); endocrine disorders (*diabetes*); neurological disorders (*arachnoiditis, narcolepsy, dyscirculatory encephalopathy*); respiratory tract diseases (*bronchitis, acute respiratory infections*); purulent-septic diseases (*gangrene, pulmonary tuberculosis*); proctologic diseases (*hemorrhoids*); allergic and skin diseases (*allergies, urticaria, diathesis*); oncological diseases (*sarcoidosis, tumor, cancer*); urological diseases (*pyelonephritis*); substance abuse (*alcoholism*).

Second, in addition to the differences in the synonymous design of the hyperonym “disease”, we have noted an important dissimilarity in the use of syntactic structures. Formalization of syntactic constructions reveals some varieties in professional and quasi-professional discourses as well. The distinctions between professional and quasi-professional medical discourses are manifested in the ways of arranging *syntagmatic and paradigmatic connections*.

Initially, we are going to consider the specificity of *syntagmatic connections* in two kinds of medical discourses under investigation. As for quasi-professional medical discourse, the most typical models of syntagmatic connections are: A + N (*asymptomatic disease, interesting / actual pathology, severe pathology, pulmonary disorders, structural disorders*); N1 + (preposition) + N2 (*pathology in the lungs*). Most often, the additional members of the syntagmatic chain are the words related to the semantic field “Corporal” (*pulmonary disorders, pathology in the lungs*); to the semantic field “Evaluation” (*interesting / current / severe pathology*); or to the semantic field “Symptoms of disease” (*asymptomatic disease*). Weak syntagmatic connections are quite frequently ob-

served in this type of discourse: ...А стресс сейчас ведь, ну, над всеми болезнями первый фактор...; ...Здесь она такая пассивная (на видеокассете), это после болезни...; ...В садик сейчас не ходят дети только из-за болезни...; ...Туберкулез – это именно то заболевание, которое много видно и мало исследовано...; ...Пришел дед с таким вот расстройством. Что-то у него там с почками. Кровь в моче...

Syntagmatics of language units describing various types of diseases in medical discourse in informal setting are fundamentally different from syntagmatics of units in oral scientific speech of physicians. The main syntagmatic model in colloquial speech is the model: V + (preposition) + N (*to die from wounds, predisposed to allergies, dislocate to the right, earn hemorrhoids, sew up wounds, listen to [tube] bronchitis*, etc.). This is due to the fact that colloquial speech is characterized by the use of a greater number of verbal structures as compared to scientific discourse.

As far as *paradigmatic connections* are concerned, the following should be mentioned. In quasi-professional medical discourse, the main type of paradigmatic connections is based on the gender-aspect relationship between the lexical units. The lexical units form an “itemizing opposition” when a general term is specified by a more concrete one: “trauma” stands for “burn”, “wound”, “dislocation”. The opposition can also be formed by the units that are synonymous and quasi-synonymous: “disease” stands for “arachnoiditis”, “bronchitis”, “acute respiratory disease”, “angina”, “diathesis”, etc. “Ailment” can mean “diabetes”, “urticarial fever”, “hypertension” and “pathology” may substitute such terms as “tuberculosis” and “pyelonephritis”.

Also, there may be a formal semantic opposition: *diathesis* → *diathetic, tuberculosis* → *tubercular*. In such cases, adjective-derivative names preserve their lexical meaning: ...Классические симптомы – румяные щеки у туберкулезных больных... (= in patients with tuberculosis), ...Да, апельсины, мандарины – это все диатезные дела... (= products causing manifestation of diathesis). Interestingly enough, there are no equivalent semantic oppositions in quasi-professional medical communication since there is no point in detailed classification of diseases according to their subtypes. Besides, we have not noted any homonymous and paronymic relationship between language units. Synonymous relations are represented by one example only: ...Туберкулез – это инфекционное заболевание все-таки.

In the medical discourse that takes place in non-profession setting, one can notice the cases of stylistic synonymy, when, for example, the word “disease” is replaced by one of the slang words (“sore”, “bad place”, or “weak spot”): Больной живет себе и не знает, а потом у него резко эта болячка вдруг появилась... This is a case of stylistic synonymy; so far no semantic identity is inherent in synonymous relations.

Indeed, the use of slang words, of new word building elements and colloquial expressions is a typical feature of every oral discourse and quasi-professional medical discourse is not an exception in this case. For instance, the hyperonym-lexeme “patient” is replaced by its stylistically clarifying hyponyms, which represent the units of colloquial vocabulary: a patient with asthenia is named as “*thin and tall body type*”; a patient with asthma is described as “*asthmatic*”; a patient with hypertension is called as “*high blood pressure sufferer*”; a patient with gastric ulcer is named as “*an ulcer sufferer*” or “*an ulcerous person*”; the so-called pet forms of a patient with the name of his disease are formed according to the model: name of the disease + Russian diminutive suffix: *astma+tic, diabet+ic* and so on. Most of the so-hyponyms (words with completely or partially coinciding meanings) contain a common element “disease” and popular morphemes: either the suffix “-ic (-ик)” (*allergic, alcoholic, diabetic, neurasthenic, hypertonic, etc.*) or the suffix “-chik (-чик)” (*bronchit-chik, gastrit-chik, prostatit-chik*). As far as the application of slang words is concerned, semantic opposition is observed in cases where the gender of the patient is indicated: *neurasthenic – neurasthenic woman (неврастеник – неврастеничка); psychopath – psychopath woman (психопат – психопатка)*. And two cases have been recorded with the opposition to semantic identity: *alcoholic – drunkard; psychopath – psycho*.

The subject of disease can be named with lexical units that develop new meanings in the situation of medical communication in informal setting. Let us consider the examples with such words as: “client” (клиент), “suicide bomber” (смертник), “shell” (ракушка), and “Chernobyl veteran” (чернобылец). In the speech of physicians in informal setting, the above mentioned words appear in the new meanings. “Client” is a deceased patient who must be taken to a hospital morgue in order to make an epirrhesis (a medical assessment report about the death of the patient): *...Сидим в ординаторской, заходит медбрат и говорит: «Всё, клиент готов, везите на вскрытие»*. The slang word “suicide bomber” is used to describe a patient who cannot survive and will die soon from his injuries or illnesses: *...В нашем нейрохирургическом отделении лежат сейчас одни смертники: кому голову проломил, кому мозги отстрелили...*

Interestingly enough, the word “client”, as well as the word “suicide bomber”, is used by medical workers of the neurosurgical department where the most seriously ill patients are treated. So, the following assumption can be made concerning the use of these slang words. In the neurosurgical department, the relatives of some patients watch at their sickbeds, these people can step by into the doctors’ residency and they may overhear some pieces of professional conversations. And it is in such cases that physicians use the word “client”, which, apparently, is a euphemism for the words “deceased”, “corpse”, “departed”.

Presumably, allegorical words help doctors to support the hope for recovery in other patients and in their relatives. It is also true with regard to such words as “shell” (a euphemism for “a cancer patient”) and “Chernobyl veteran” (as a euphemism for a patient suffering from the consequences of radioactive exposure in Chernobyl). These slang words, in non-formal medical discourse, have developed the semes associated with a particular disease: *В онкологии врачи называют своих больных ракушками, да и сами больные, наверное, знают это название*. The word “shell” is predominantly used by oncologists whereas the word “suicide bomber” – by neurologists. As for the slang lexical unit “a Chernobyl (cleanup) veteran”, it denotes a person who has been involved in liquidation of the accident at the Chernobyl nuclear power plant. From the point of view of doctors, this is a special category of patients suffering from a number of diseases and who are in need to legalize their disability (*...И вообще, – сказала участковый врач, – вот, у меня муж тоже чернобылец, а у меня ничего не получается с оформлением его инвалидности...*). So, the range of popularity of particular slang words depends on the sphere of their application. The lexical units “suicide bomber” and “shell” are used by physicians of particular specialties, while the word “Chernobyl veteran” is widely applied by all medical workers.

Conclusion

All in all, the paper has discussed some peculiarities of medical discourse in professional and non-professional settings. Changes in extra-medical reality have generated the appearance of new forms of medical discourse. Modern medical discourse demonstrates various forms of its existence depending on the circumstances under which it is used. Medical discourse in informal setting is suggested being qualified as quasi-professional discourse when professional interlocutors converse in informal circumstances or when a medical worker interacts with a non-specialist. This kind of discourse is marked by a number of distinctions. We have considered such characteristic features as the synonymous design of the hyperonym “disease” and the ways of forming syntagmatic and paradigmatic connections on the lexical level in various semantic groups. Models of syntagmatic connections are incompatible in professional and quasi-professional medical discourses. The paradigmatic connections between the language units in the speech of physicians in non-professional setting are not really diverse and abundant. Meanwhile, in scientific medical discourse, a large number of the privative oppositions and equivalent semantic oppositions are noted, as well as oppositions of semantic identity which are represented by the cases of absolute synonymy and homonymy.

References

- ¹ Karasik V. The Structure of Institutional Discourse. In: *Problemy rechevoi kommunikatsii. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Problems of Speech Communication. Inter-university collection of research papers]. Saratov, 2000, pp. 25–33 (in Russian).
- ² Karasik V. On types of discourse. In: *Yazykovaya lichnost': institucional'nyi i personal'nyi diskurs* [Language personality: Institutional and personal discourse]. Volgograd, 2000, pp. 5–20 (in Russian).
- ³ Shamne L., Shishkina E. The vocabulary of science-popular medical discourse (as exemplified in German online media). *Science Journal of VolSU. Linguistics*, 2018, vol. 17, no. 4, pp. 170–179 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.16>
- ⁴ Shmeleva O. *Spetsifika vozdeistviya meditsinskoi i kosmeticheskoi reklamy v sovremennom kitaiskom i russkom mediadiskurse* [Specificity of the impact of medical and cosmetic advertising in modern Chinese and Russian media selection]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2017. 27 p. (in Russian).
- ⁵ Grishechkina N. Transdisciplinary Knowledge as a Factor of Medicine Development in Modern Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 379–383 (in Russian). DOI: [10.18500/1819-7671-2017-17-4-379-383](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-4-379-383)
- ⁶ Shamne N., Shishkina E. German popular scientific medical online media: structural and functional aspects. *Science Journal of VolSU. Linguistics*, 2017, vol. 16, no. 2, pp. 143–151 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.15>
- ⁷ Golev N., Shpilnaya N. Ordinary Medical Communication (types of discursive practices). *Bulletin of Kemerovo State University*, 2012, no. 1, pp. 128–137 (in Russian).
- ⁸ Shpilnaya N. Axiological dominants of the female student oral discourse (on the material of everyday dialogue). *Siberian Journal of Philology*, 2018, no. 2, pp. 170–184 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/63/15>
- ⁹ Zhura V. Narratological Studies of Oral Medical Discourse. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Studies], 2013, no. 1 (10), pp. 72–78 (in Russian).
- ¹⁰ Zhura V., Martinson J. Narratological Approach to Medical Discourse. In: *Aktual'nye problemy sovremennoi gumanitarnoi nauki: otechestvennye traditsii i mezhdunarodnaya praktika* [Actual Problems of Modern Humanitarian Science: Domestic Traditions and International Practice]. Simferopol, 2017, pp. 34–41 (in Russian).
- ¹¹ Rodionova T. Peculiarities of the Lexico-Semantic Field «Disease» in the Oral form of Scientific Medical Discourse. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2012, vol. 12, iss. 1, pp. 42–46 (in Russian).
- ¹² Rodionova T. Specific Features of the Lexico-semantic Field «Disease» in the Written Form of Scientific Medical Discourse. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2011, vol. 11, iss. 2, pp. 28–31 (in Russian).

Образец для цитирования:

Rodionova T. V., Privalova I. V. Peculiarities of Medical Discourse in Professional and Non-Professional Settings [Родионова Т. В., Привалова И. В. Особенности профессионального и обыденного медицинского дискурсов] // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 39–43. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-39-43>

Cite this article as:

Rodionova T. V., Privalova I. V. Peculiarities of Medical Discourse in Professional and Non-Professional Settings. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 39–43. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-39-43>

УДК 811.161.1'37'276.1

Лексические особенности функционирования языка социальных сетей в среде провинциальной молодежи

Ю. А. Шуплецова, Ю. А. Ястремская

Шуплецова Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологии и социогуманитарных дисциплин, Шадринский государственный педагогический университет, 5ok@bk.ru

Ястремская Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и социогуманитарных дисциплин, Шадринский государственный педагогический университет, ja22-4@bk.ru

В статье рассматривается лексическое своеобразие молодежного сленга, бытующего в языке социальных сетей, на примере анализа сообщений студентов провинциального вуза; предпринята попытка систематизации лексических единиц по сфере употребления, отмечены единицы, изменившие либо расширившие семантику в общении современной молодежи.

Ключевые слова: язык социальных сетей, провинциальный вуз, молодежный сленг, лексические особенности.

Lexical Features of the Functioning of the Social Networking Language in the Community of Provincial Youth

Yu. A. Shupletsova, Yu. A. Yastremskaya

Yulia A. Shupletsova, <https://orcid.org/0000-0003-2497-625>, Shadrinsk State Pedagogical University, 3 Karl Liebknecht St., Shadrinsk 641870, Kurgan Region, Russia, 5ok@bk.ru

Yulia A. Yastremskaya, <https://orcid.org/0000-0002-6299-9281>, Shadrinsk State Pedagogical University, 3 Karl Liebknecht St., Shadrinsk 641870, Kurgan Region, Russia, ja22-4@bk.ru

The article discusses the lexical originality of youth slang in the language of social networks on the example of the messages of students of a provincial school of higher education; an attempt was made to organize lexical units according to the sphere of use; units that have changed or expanded their semantics in the communication of modern youth are highlighted.

Keywords: social networking language, provincial university, youth slang, lexical features.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-44-48>

Динамические процессы, происходящие в языке, – плодотворная тема для исследования современного состояния языка на всех его уровнях, поскольку «изменения в русском языке последних десятилетий... – неоспоримый факт, требующий осмысления, описания, оценки и прогнозирования»¹. Следствием серьезного осмысления этих процессов являются научные работы, в которых изучается популярное средство коммуникации – Интернет. Появля-

ется целый ряд новых терминов, пытающихся отразить специфику его языка: «новояз», «интернет-язык», «интернет-речь», «письменный разговорный язык». Разговоры о пагубном влиянии языка Интернета на живой разговорный не утихают уже долгое время, однако это не отменяет того факта, что процессы, происходящие в языке сети Интернет и переходящие на многие не виртуальные способы и формы общения, не обратимы. Без исключения все исследователи сегодня признают высокий уровень влияния интернет-ресурсов, созданных для коммуникации, на формирование живого языка (И. А. Стернин², Л. Ю. Иванов³, М. Б. Бергельсон⁴, Г. Н. Трофимова⁵, Т. Ю. Виноградова⁶, Н. Г. Асмус⁷, К. А. Кочнова⁸). Особенно это актуально применительно к языку молодежи, так называемому сленгу или молодежному жаргону, больше всего подверженному появлению новых единиц через заимствования, образование слов для возможности понимания узкой группой людей («своего» языка). Уже не вызывает сомнений, что изучение молодежного сленга – плодотворная почва для исследований многообразия языковых проявлений, «один из способов регулирования проникновения неcodифицированных единиц в сферы литературного языка»⁹. «Русский молодежный сленг представляет собой интереснейший лингвистический феномен, бытование которого определяется не столько возрастными рамками, как это ясно из самого термина, сколько временными факторами»¹⁰.

В последние годы усилился интерес к ставшему уже неотъемлемой частью жизни языку социальных сетей, который рассматривается с позиций фонетического, лексического, грамматического, стилистического функционирования. По словам Г. Н. Трофимовой, «самое значительное влияние наблюдается в лексике (как обычно, это авангард языковой системы), но и на этом уровне язык усваивает все необходимое для развития общества и отбрасывает ненужное <...> задача современных лингвистов заключается в эффективной нормализации реалий компьютерно-сетевой узуса в рамках культуры современной русской речи»¹¹. Именно этот высказанный ученым тезис подтверждает актуальность проведенного нами и отраженного в данной статье исследования.

Основой для изучения лексического своеобразия языка социальных сетей стали предоставленные студентами Шадринского педуниверситета распечатки диалогов, переписок в

группах, чатах и т. д. за период с января по июнь 2018 г. Методом сплошной выборки была составлена картотека, насчитывающая 149 языковых единиц.

В настоящей работе сделана попытка изучения особенностей коммуникации провинциальной молодежи в одной из популярных социальных сетей России – ВКонтакте¹². Это доказывает и проведенный среди студентов Шадринского университета опрос о том, какой социальной сетью они пользуются ежедневно. ВКонтакте занял лидирующую позицию как ежедневное средство общения. Стоит отметить, что в провинции, живущей в ином ритме по сравнению с мегаполисом, менее популярны такие мессенджеры, как WhatsApp, Viber, Telegram. Так, студенты упоминают их в опросе, но в качестве тех, которые не используются регулярно. По данным опроса, основная цель использования VK у 80% респондентов – коммуникация (с друзьями, родителями, контрагентами и т. д.). В данной сети существует огромное количество коммуникативных групп: у каждого факультета вуза, так называемая официальная группа, у 90% академических групп – сообщество или групповой чат, у большинства студентов есть групповые чаты по интересам.

Как показал анализ материала, в переписке используются следующие группы лексических единиц, относящихся по сфере употребления к ограниченному: жаргонная и профессиональная лексика.

Жаргонные слова направлены на создание «своего» языка общения и могут быть представлены:

1) во временном плане единицами:

а) бытующими в студенческой среде несколько десятилетий: *стѣна/ст'ина/стип'уха* (стипендия), *общ'ага* (общежитие), *п'ара* (аудиторное занятие), *зач'етка* (зачетная книжка), *курсач* (курсовая работа), *шп'аргалка*, *унив'ер* (университет), *пед* (педагогический вуз), *строч'ить* (писать), *х'авчик* (еда), *ништ'як* (все в порядке, ладно), *б'утик* (бутерброд), *чегир'и* (удаленный район города) и др.;

б) вошедшими в молодежную коммуникацию менее пяти лет назад: *конт'ач* (ВКонтакте), *инст'а/инст'уха* (Instagram), *д'ирект* (личные сообщения в Instagram), *зашкв'ар* (позорно, неприлично, недостойно, не модно), *ок'аюшки* (хорошо, согласовано), *эщк'ере* (давай замутим), *п'ати* (вечеринка), *б'асик* (бассейн) и др.;

2) в смысловом плане единицами:

а) понятными за пределами студенческой среды. Здесь стоит разграничить слова по возрастным группам участников коммуникации, поскольку есть лексика, семантически доступная:

– только молодежи – преимущественно слова, которые вошли в обиход сравнительно недавно: *шуш'уть* (чуть-чуть), *морос'ить* (волноваться), *ч'ика* (красивая девушка), *ж'иза* (правда,

жизненная ситуация, близкая читателю), *ванговать* (предвидеть), *'иззи* (легко), *пит'онить* (употреблять пищу), *кр'якать* (курить), *не крякать* (соглашаться) и др.;

– разным возрастным группам – часто слова, которые бытуют больше пяти лет: *пр'епод* (преподаватель), *зab'ить* (1. плохо работать, 2. отпустить ситуацию), *шар'ага* (сомнительное заведение), *пapд'оньте* (извините) и др.;

б) понятными только студенческой среде: *телефонная книжка* (зачетная книжка), *'инстик* (институт), *п'екус* (первокурсник), *шар'ага* (в значении педуниверситет), *ибд* (имитация бурной деятельности), *байт* (плагиат), *корм'ушка* (буфет). Следует особо отметить лексические единицы, которые используются только среди молодежи изучаемого вуза, поскольку имеют отношение к реалиям их жизни в пределах города, в котором они живут: *кол'яз* (сокращение от названия ресторана «Коллизей», популярного среди студентов), *спартака* (имя собственное, перешедшее в разряд нарицательных от адреса самого большого студенческого общежития в городе: ул. Спартака, д. 8);

в) понятными студентам одного направления подготовки или академической группы: *индик'атить* (от англ. indicate, предвидеть наличие пар), *итдей* (от англ. it + day, хорошо), *вот э ш'ейм* (от англ. whatashame – какой позор), *бат'am* (от англ. batata, глупый человек) – у студентов, обучающихся на профиле «Перевод и переводоведение»; *у'едик* (удаленный рабочий), *рак* (новичок), *м'онитор* (староста) – у студентов профиля «Информатика»; *мат'ан* (математический анализ) – у студентов профиля «Математика»; *ант'ичка* (античная литература), *зар'уба* (зарубежная литература) – у студентов профилей «Русский язык» и «Литература»; *журм'ас* (журналистское мастерство) – у студентов профиля «Журналистика»;

3) в плане социальной принадлежности единицами:

а) образованными в студенческой среде: *препод* (преподаватель), *зачетка* (зачетная книжка), *ст'удень* (студент), *ст'удик/ст'уд/студ'ак* (студенческий билет);

б) пришедшими из других сфер: *з'арик* (зарплата), *бр'ичка* (транспорт, преимущественно автомобиль), *шав'уха* (шаурма), *ол'ень* (глупый человек), *р'ебзи/р'ебзя* (ребята), *р'ипнуться* (от англ. RIP, умереть), *ро'ялка* (ролевая игра).

Профессиональная лексика представлена единицами, пришедшими в молодежный сленг из области:

– информационных технологий: *скр'ин* (скриншот с экрана), *кл'ава* (клавиатура), *к'омп* (компьютер, системный блок), *серв'ак* (сервер), *лаг'ать* (от англ. lag – запаздывать, задерживаться; проявлять тугодумие, задерживаться в понимании информации), *г'ифка* (изображение в формате *gif) и др.;

– социальных медиа: *фолл'оверы* (от англ. follow, подписчики в социальных сетях, преимущественно в Instagram), *ин'ет* (название сети Интернет), *л'айк* (от англ. like, отметка записей в социальных сетях, средство одобрения к выложенному контенту), *л'айкнуть* (отметить одобрение контента в социальных сетях особым значком), *ф'эйк* (недоверенная копия аккаунта; недоверенная информация, новость), *в'айн* (от названия мобильного приложения для создания роликов в шестисекундном хронометраже, короткое видео в Интернете), *бл'огер* (автор блога), *д'ирект* (наименование частных сообщений в Instagram), *реп'ост* (дословный перенос чужого контента на свою страницу в социальных сетях со ссылкой на первоисточник), *м'ем/мем'ас/м'емчик* (остроумная ироническая информация в виде картинки, комикса, фотографии), *снейчат* (социальная сеть наложения масок на лицо), *ст'орис* (формат коротких видео-, фотозарисовок, которые выкладываются в социальных сетях не более чем на 24 часа) и др.

Рассмотренные лексические единицы отражены в словарях молодежного жаргона/сленга (И. А. Стернин¹³, Т. Г. Никитина¹⁴, Л. А. Захарова, А. В. Шуваева¹⁵, Е. Н. Шагалова¹⁶, Словарь молодежного сленга¹⁷, Словарь современной лексики, жаргона и сленга¹⁸, Тайный знак подростков¹⁹, Викисловарь²⁰, Вокабула²¹), за исключением единиц, которые сформированы и бытуют в пределах ограниченной локальности, в данном случае – города, образовательного учреждения.

Стоит обратить внимание на ряд слов, в которых наблюдается расширение или изменение семантики, вызванное переносом значения из одной сферы на значение другой. Так, *фолловерами* в первоначальном значении называли подписчиков страниц в Twitter, позднее это слово ушло в блогинг и постепенно стало обозначать подписчиков в любой социальной сети. Данное слово может употребляться в широком значении «друзья, просто знакомые, как правило». Это уже не просто подписчики в социальной сети, но и название группы людей в реальной жизни, иногда не присутствующих в виртуальном мире: *Мне по фиг чё там думают всякие фолловеры* (все примеры публикуются в авторской редакции. – Авт.).

Лайк, обозначавший средство одобрения только к выложенному контенту в социальной сети, перешел в разряд слов, расширивших свое значение до одобрения любого явления в жизни: *Лайк ему за этот вкусный торт*.

Лагать из области профессионального жаргона, где обозначал проблемы в работе компьютерных или мобильных приложений, перешел в сферу обыденного использования и стал средством обозначения состояния человека, выраженного в отставании усвоения информации: *Гляжу, лагает, пришлось объяснять еще раз*.

Васаби проникает в молодежный сленг как заменитель слова «хрен». Однако встретившийся в переписке студентов вариант этого слова трактуется в совершенно другом значении: «странный человек». Коннотация данной единицы берет свои истоки в цветовой характеристике приправы японской кухни зеленоватого оттенка. Цветовая характеристика метафоризируется в черту характера: так, «зеленый» переосмысливается в сторону отграничения личности от качеств, воспринимаемых как норма, у группы людей. Отсюда значение «странный»: *Он сегодня одет прям васаби*.

Лексика молодежного сленга, отраженная в переписке, как правило, эмоционально окрашена, что является ее отличительной особенностью и находит отражение в семантических группах анализируемых языковых единиц. Как и в литературном языке, в молодежном сленге преобладают глаголы и имена существительные, для выражения эмоций важны лексические единицы с выражением модальности, имена прилагательные реже представлены как единицы именно ограниченной сферы употребления.

Так, среди имен существительных можно выделить две большие субкатегории предмета и лица. Исходя из антропоцентричности мировосприятия, стоит обратиться к субкатегории лица, в составе которой можно выделить следующие группы:

– обозначение лица через отношение к нему других лиц, значимость его для субъекта речи: *чика, батат, рак, олень, шакалки, гиены, ебобо, губень, пуськи* и др. Это самая большая группа в данной субкатегории, что в контексте переписки объясняется объективными причинами коммуникации. Выражение отношения неотделимо от эмоциональной окраски, но могут встречаться слова, которые имеют нейтральное значение: *ребзя* (ребята).

Например, *Ребзя, кто знает упражнение 3 или 5 к среде делать?;*

– обозначение лица по социальному статусу: *пекус, препод, монитор, студик* и др.

Например, *Пекусы обнаглели, говоришь надо на последний звонок поздравлялку делать – отвечают тип не наши проблемы;*

– наименование лица, связанное с его видом деятельности в сети Интернет: *фолловер, блогер, уедик (?)*.

Например, *Катя Клеп так интересно с фолловерами общается, прям огонь*.

Субкатегория предмета представлена следующими группами слов, отражающих особенности разных форм студенческой жизни:

– наименование предмета, связанного с учебным процессом и всеми его составляющими (обучением, промежуточными аттестациями и подготовкой к ним): *пара, зачетка, курсач, шпора, байт (плагиат), стипа/стёпа/стипуха, студак/студик/студ, телефонная книжка* и др.

Например, *Стипу не знаешь дадут нет в четверг? Эй, надо срочно завтра волонтеров заполнять телефонную книгу в деканате;*

– связана с предыдущей группой группа с обозначением учебных дисциплин: *матан, античка, заруба, журмас* и т. д.

Например, *Матан опять завалим стопудово;*

– наименование места обучения: *шарага, универ, инстик, пед, педуля* и др.

Например, *В шараге опять новый концик придумали, гоу участвовать. Родители так рады, что я в педуле учусь, а я пока не знаю;*

– наименование явлений виртуальной жизни, которые в своей семантике содержат компонент процессуальности: *хайп, лайк, фэйк, вайн, директ, репост, сторис* и др.

Например, *Расписание отстой, хоть в сторис выкладывай, чтоб сочувствовали. Зачет переносят, фэйк – нет?;*

– наименование предметов, связанных с едой и местами, где ее можно приобрести в пределах учебного заведения: *шавуха, бутик, хавчик, кормушка* и др.

Например, *Ваще место отстойное, еслиб не шавуха. Туркмены плов варят, кормушка седня в 5 секции;*

– наименование места жительства: *общага, спартака, чегири* и др.

Например, *Да он из таких чигерей на спартака переехал – по часу до педа добирался;*

– наименование мест, не связанных с учебной жизнью, часто связанных с развлечением и хобби: *басик, коляз* и др.

Например, *Вечером в басик идем или лень?;*

– наименование абстрактных понятий, выражающих мировоззренческую позицию, отношение к миру: *жиза*.

Например, *У меня уже мешки под глазами и истерика... сессия / – это жиза, братан.*

Глаголы представлены субкатегорией действия и состояния. Субкатегория действия включает следующие группы:

– наименование действия, вызывающего негативную или неоднозначную реакцию окружающих: *не кричать, лагать, рофлить* и др. Сюда же может быть отнесено слово *забить*, которое контекстуально может выражать как негативное отношение (если речь идет о третьем лице, удаленном от собеседников), так и условно положительное (в случае рекомендации кому-либо отпустить ситуацию, изменить свое отношение к ней, как правило, речь идет о собеседниках, вступивших в переписку).

Например, *Я бы на ее месте не крикала и делала как все. Забей ты на домашку, лучшие посты;*

– обозначение действия, проходящего в виртуальной реальности: *ринуться, хайпнуть, лайкнуть* и др.

Например, *Его фотку в инстухе педа выложили, он и хайпит на этом. Вчера играли по сетке, дак я на третьем левеле ринулся;*

– обозначение действия, предопределяющего события: *ванговать, индикатить* и др.

Например, *Вот прям вангую на субботу пары с 8 поставят;*

– наименование действия, связанного с физиологическими процессами: *питонить* и др.

Например, *Питонить на большой перемене пойдём или до дома терпим?*

Субкатегория состояния представлена группой, обозначающей эмоциональное состояние субъекта: *моросить* и др.

Например, *Да не мороси ты, успеем таблицу добить.*

Лексические единицы, содержащие в своей основе категорию модальности и выражающие отношение говорящего к действительности, представлены следующими группами:

– самая большая по объему включает негативное отношение к действительности: *зашиквар, ибд, вот э шейм, фиаско, пипец, баста, капец, облом, лол* и др.

Например, *Баста, ребзя, экзамен в четверг. По структуре реферат не устроил, переделывай говорит – это фиаско;*

– обозначает положительное отношение к происходящим событиям: *ништяк, охаха-ору* и др.

Например, *В Коляз скидка по студенческому, ништяк. Я прям ору с его реприз, он всегда такой или придуривается?;*

– выражающие согласие говорящего: *окаюшки*.

Например, *– Может до Метрика сходим, закупимся, а потом стирать будем? – Окаюшки;*

– выражающие благодарность, стремление извиниться: *сосище, пардоньте, сорян* и др.

Например, *Сосище, у кого есть решение 5 задачи? Пардонте, но мы должны сначала эссе скинуть.*

Молодежный жаргон в современном языковом процессе представляет собой плодотворную почву для изучения динамических процессов специфических явлений речи. Сленг, бытующий в переписках и общении в социальных сетях, безусловно, функционирует и отражает законы виртуальной жизни, которые, тем не менее, не отрицают закономерности бытования русского литературного языка. В смысловом плане молодежный сленг представлен как уже возникшими десятилетия назад лексическими единицами, так и теми словами, которые возникают под влиянием явлений окружающей современной действительности; единицами, которые понятны большинству носителей русского языка, и единицами, которые составляют ядро «своего» особого молодежного языка общения; словами, которые были образованы в молодежной студенческой среде, и тем, что пришли в нее извне. В семантическом плане в молодежном сленге, представленном при учете собственно жаргон-

ных единиц преобладающим количеством имен существительных, глаголов и в меньшей степени других частей речи, можно выделить субкатегории лица и предмета, движения и состояния и модальности. В каждой субкатегории существуют специфические группы слов, обозначающие лица, предметы, действия и т. д., в которых отражены явления студенческой жизни и связанные со временем учебы иные явления.

Примечания

- 1 Стернин И. Общественные процессы и развитие современного русского языка : Очерк изменений в русском языке конца XX века. Воронеж, 1998. С. 3.
- 2 Там же.
- 3 См.: Иванов Л. Язык Интернета : заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи / под ред. Н. Ю. Шведовой, В. Г. Костомарова. М., 2001. С. 131–148.
- 4 См.: Бергельсон М. Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 1. С. 55–67.
- 5 См.: Трофимова Г. Функционирование русского языка в Интернете : концептуально-сущностные доминанты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.
- 6 См.: Виноградова Т. Специфика общения в Интернете // Русская и сопоставительная филология : Лингвокультурологический аспект. 2004. № 11. С. 63–67.
- 7 См.: Асмус Н. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005.
- 8 См.: Кочнова К. Речевая культура интернет-среды // Актуальные проблемы обучения русскому языку, культуре речи и дисциплинам специализации : тез. докл. и ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 05 ноября 2014 г.). Н. Новгород, 2014. С. 78–80 ; *Ее же*. Языковой облик интернет-среды // Наука, образование, общество : тенденции и перспективы : сб. науч. тр. М., 2014. С. 69–71.
- 9 Захарова Л., Шуваева А. Словарь молодежного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета) : учеб.-метод. пособие. Томск, 2014. С. 4
- 10 Матюшенко Е. Современный молодежный сленг : формирование и функционирование : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. С. 3.
- 11 Трофимова Г. Указ. соч. С. 3.
- 12 См.: Сергеева Ю. Социальные сети в 2018 году : глобальное исследование. URL: <https://www.web-canape.ru/business/socialnye-seti-v-2018-godu-globalnoe-issledovanie/> (дата обращения: 16.10.2018).
- 13 См.: Стернин И. Словарь молодежного жаргона. Воронеж, 1992.
- 14 См.: Никитина Т. Молодежный сленг : толковый словарь. М., 2009.
- 15 См.: Захарова Л., Шуваева А. Указ. соч.
- 16 См.: Шагалова Е. Словарь новейших иностранных слов. М., 2017.
- 17 См.: Словарь молодежного сленга. URL: <http://teenslang.su> (дата обращения: 20.10.2018).
- 18 См.: Словарь современной лексики, жаргона и сленга. URL: <http://slovoovo.ru/> (дата обращения: 20.10.2018).
- 19 См.: Тайный язык подростков : словарь для родителей URL: https://life.ru/t/%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B8/422651/tainyi_iazyk_podroستkov_slovar_dlia_roditeliel (дата обращения: 20.10.2018).
- 20 См.: Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org> (дата обращения: 23.10.2018).
- 21 См.: Вокабула : энциклопедии, словари, справочники – онлайн. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/молодежный-сленг> (дата обращения: 23.10.2018).

Образец для цитирования:

Шуплецова Ю. А., Ястремская Ю. А. Лексические особенности функционирования языка социальных сетей в среде провинциальной молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 44–48. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-44-48>

Cite this article as:

Shupletsova Yu. A., Yastremskaya Yu. A. Lexical Features of the Functioning of the Social Networking Language in the Community of Provincial Youth. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 44–48 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-44-48>

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09-3+929[Лесков+Филарет Дроздов+Филарет Амфитеатров]

Два Филарета: о специфике изображения святых в произведениях Н. С. Лескова

Е. В. Рапацевич

Рапацевич Елена Вадимовна, аспирант кафедры истории и теории литературы, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, G141528@yandex.ru

В статье предпринята попытка рассмотреть приемы изображения святых в текстах Н. С. Лескова на примере образов митрополитов Филарета Дроздова и Филарета Амфитеатрова. Акцентирована полярность выразительных средств в характеристиках персонажей, во многом продиктованная пафосом повествователя. Анализ выполнен на материале не только «Мелочей архиерейской жизни», но и некоторых других произведений.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, Филарет Дроздов, Филарет Амфитеатров, святитель, образ, святость, повествовательная манера.

Two Philarets: On the Special Features of the Saints' Images in the Works by N. S. Leskov

E. V. Rapatsevich

Elena V. Rapatsevich, <https://orcid.org/0000-0003-4904-2212>, St. Tikhon's Orthodox University, 23B Novokuznetskaya St., Moscow 115184, Russia, G141528@yandex.ru

The article attempts to study the methods of depicting saints in the texts by N. S. Leskov on the example of the images of saint bishops Philaret Drozdov and Philaret Amphiteatrov. The polarity of expressive means in the descriptions of the characters is emphasized as largely driven by the narrator's pathos. The analysis is based not only on the material of the *Trifles from the Life of Archbishops*, but also of some other works.

Keywords: N. S. Leskov, Philaret Drozdov, Philaret Amphiteatrov, saint bishops, image, holiness, narrative style.

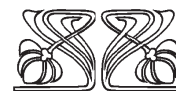
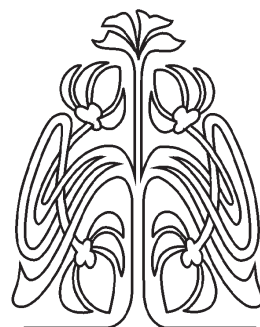
DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-49-53>

Одной из заслуг Н. С. Лескова как литератора стало многостороннее изображение русского духовенства. Писательский выбор такого объекта художественного исследования обусловлен прежде всего происхождением Лескова – из того же «колокольного сословия». В круг духовного чиновничества писатель был введен отцом, который, получив специальное образование, «не ступил на стезю служения в качестве лица духовного и, будучи по природе своей человеком высоких нравственных правил, склонен был скорее критически оценивать поступки некоторых представителей священства»¹. Взгляд будущего писателя на церковных иерархов был не сторонним, иногда пропущенным сквозь призму личного общения.

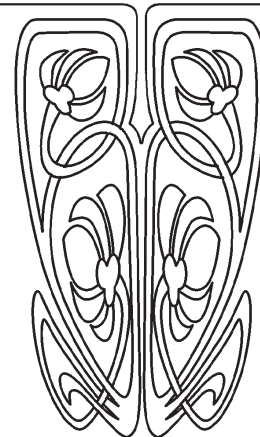
В произведениях Лескова дана галерея священнослужителей, и почти все они современники писателя. Среди них будущие святые, прославленные Русской Церковью в XX в. в чине святителей, – Филарет Московский (Дроздов), Филарет Киевский (Амфитеатров), Иннокентий Херсонский (Борисов), Игнатий Брянчанинов².

Цель данной статьи – выявить особенности изображения на страницах лесковских текстов митрополитов Филарета Дроздова и Филарета Амфитеатрова.

Святители – это разряд святых из епископского чина. Внутри лика святителей можно увидеть самые разнообразные служения: лю-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

дей, посвятивших свою жизнь устройению церковных дел; богословов и церковных писателей; миссионеров; молитвенников и аскетов; общественных деятелей. Епископы с первых веков христианства уподоблены Христу, а пресвитеры, помогающие ему в управлении Церковью, – апостолам. Святость святителей как предстоятелей Церкви (при условии беспорочной жизни и праведной кончины) есть, прежде всего, выражение святости самой Церкви как Тела Христова.

В XIX в. изображение духовенства в литературе традиционно снижено – до саркастического. На это указывает фронтальный анализ не только русских народных, но и некоторых литературных сказок, где представители духовенства попросту высмеиваются. По наблюдениям С. В. Мельниковой³, И. Ф. Гнусовой, в произведениях начала века, несмотря на общую тенденцию «возрождения духовного начала»⁴, образ священнослужителя не так востребован, как в 60-е гг. В лучшем случае он является «прикладным», эпизодическим, служит для обозначения ключевых событий в жизни главных героев повестей, романов той эпохи⁵. Возможно, принцип «камерного», «человеческого» изображения усвоен Лесковым из переводной английской литературы⁶. Однако в целом небеспристрастному отношению образованной части общества к духовенству способствовали условия исторически-культурного контекста, в котором воспринималась Церковь во все время Синодального периода.

Отношение самого Лескова к Церкви принято называть сложным. Истоки этой сложности – в горячей, страстной натуре и личностном неприятии лжи, в равнодушии к вопросам святости Церкви и ее предстоятелей. Писатель ставит задачей дать живой очерк современных ему иерархов (6, 130). Все они представители самого закрытого в России сословия, а изображаемые или упоминаемые (как св. Тихон Задонский) в текстах святители – особый класс «чиновного учебного монашества», внутри которого сосредоточилось церковное управление. Нельзя предположить, что Лесков, будучи строгим в своей оценке, не чувствовал исходящей от них истинной святости. Однако писатель стремится к предельной четкости изображения персонажа и добивается этого, прежде всего, приемом противопоставления («русский народ любит глядеть на пышность, но уважает *простоту*» (6, 448). Максимальной полноты достигают под пером Лескова образы двух митрополитов – Филарета Киевского и Филарета Московского.

В изображении героев основной повествовательной манеры Лескова становится детализация. Актуализирована, как правило, какая-то одна характерная особенность. В образе киевского митрополита акцент сделан на внутренних свойствах характера, а в описании Филарета Дроздова, напротив, на внешних признаках. Наиболее подробно Филарет Амфитеатров изо-

бражен в произведениях «Владычней суд» и «Мелочи архиерейской жизни». Как персонаж святитель вводится в повествование приемом ретроспекции: «В тягостной полосе моих ранних воспоминаний есть одно **исключение**», «самое **светлое воспоминание** о небольшом ... происшествии, бросающем **мягкий и теплый луч света** на меркнувшую в людской памяти личность **благодушнейшего иерарха** русской церкви, покойного митрополита Киевского Филарета Амфитеатрова» (выделено нами. – *Е. Р.*) (6, 92). Портрет владыки наполнен светом, задана доминанта образа – доброта: «Еще ребенком у себя в Орловской губернии, откуда покойный митрополит был родом и потому **в более тесном смысле был моим “земляком”**, я слышал о нем как о человеке доброты бесконечной» (выделено нами. – *Е. Р.*) (6, 130–131). Ретроспекция в изображении героя дает ключ к его пониманию и оценке: рассказчик не просто симпатизирует владыке, но утверждает его духовный приоритет. В дальнейшем приемы повествования направлены на создание очень живого и привлекательного персонажа. Это выражено сменой впечатлений: владыка казался «и очень добрым и грубоватым», затем «первое всё усиливалось, а второе ослабевало». Живость характера передает речевая характеристика героя: повествователь отмечает переливчатость интонаций митрополита Филарета (владыка «то говорил немножко надтреснутым, слабым старческим голосом, как бы с неудовольствием, и потом мягко пускал добрым стариковским баском»). В миролюбии и миссионерских качествах персонажа убеждает, например, обращение им протестантки в православие (6, 131–132).

В одном из эпизодов Филарет изображен Лесковым в саду в окружении детей – учеников монастырской иконописной школы, которые сначала крадут во владычнем саду груши, а затем, смущенные и без всякого принуждения вразумленные, растроганные добротой владыки, «не только руки, но и ряску-то его» целуют. Аллюзия на сюжет иконы «Благословение детей» служит дополнительным средством идеализации образа «превосходного старца» с «превосходною добротою».

«Исключительность» в восприятии Лескова личности Филарета Киевского и Галицкого усиливается сопоставлением с его современником – Филаретом Московским и Коломенским (Дроздовым).

Филарет Дроздов был самый авторитетный иерарх своего времени. Он управлял Московской митрополией на протяжении 46 лет, и период его правления стал «эпохой Филарета». Имя митрополита упоминается в таких сочинениях Лескова, как «Мелочи архиерейской жизни», «Борьба за преобладание», «Синодальный философ», «Сеничкин яд», «Очарованный странник», «Человек на часах», «Чертогон».

Филарет Московский – святитель, святости которого Лесков не увидел, а в последней главе «Мелочей...» даже выразил своего рода опасение по поводу возможной скорой канонизации митрополита (6, 533).

В противоположность «настоящей добродетели» киевского святителя, «истинному, неподдельному смиренству» «истинного человека» Филарет Дроздов предстает в целом ряде очерков⁷ «лицом умным, горделивым», славолубивым, честолюбивым, властным⁸, «уловляемым лестью», «колким», недоверчивым к людям. Писатель по отношению к этому герою выступает как сатирик и потому прибегает в изображении к приемам гротеска, фольклорным формам выразительности (говаривали, будто он «ел по одной просфоре, но целым попом закусывал», «не велик, нарочито худ, а из глаз, яко мнилося, семь умов светит» (6, 425, 522)). По своему положению митрополит обязан был разбирать происшествия во вверенных его ведомству приходах – как особенность Лесков отмечает «неодолимую упорность в невнимании к жалобам» (6, 424). О пресловутой осторожности Филарета упоминается и в «Очарованном страннике» – в рассказе Флягина о «московском попике-запивашке», молившемся за самоубийц и преданном доносительством на суд митрополита Московского. Владыка медлил с принятием решения, даже отлагая ходатайство за «иерея слабого» самого преподобного Сергия. Это «медление» рассказчик считает следствием «расчетливости и осторожности характера»⁹. Данная черта получает гротескное изображение: митрополит якобы «по преданиям, еще в юности употреблял поговорку: “скорость потребна только блох ловить”», «не делал исключения даже для спасения утопающих», и даже «если бы миру угрожал новый потоп и от его преосвященства зависело бы заткнуть дыру в хлябях небесных... он и тогда не ускорил бы движения перста» (6, 426).

В описании персонажа – никакого сходства с изящными характеристиками митрополита Филарета Амфитеатрова. Неприязненность актуализирована лексическими повторами: «особа очень большая, особа, ездившая “на шести животных с двумя человеками на запятках”, особа, имевшая видную роль в истории» (выделено нами. – Е. Р.) (никогда Лесков «особой» не называет Филарета Киевского).

Повествователь придирчив к «мелочам» в поведении, речи, в облике своего персонажа: появление владыки передано словами «что-то зашуршало», не «старичок Божий» – «старик», который «потирает свои как будто зябнувшие руки», «одет в одной легкой ряске и каком-то колпачке», «проницательные глазки» (6, 429) (выделено нами. – Е. Р.). На словообразовательном уровне уменьшительно-ласкательные суффиксы «измельчают» образ, усиливают иронию. То же средство – в описании «престарелого митропо-

лита» Киевского, но с противоположной коннотацией (6, 139). Манера поведения владыки во время разговора в различных эпизодах враждебно дистанцирует его от собеседника: говорит «мягким, замирающим полупешотом», «прошептал», «с медлительными расстановками» (6, 430), фразы разделены многоточиями; паузами: молчанием персонажа, движением век, потиранием рук. Прием звукописи (сонорные согласные полностью нейтрализованы глухими фонемами) также передает напряженность обстановки. Холодность доминирует в цветописии: серые глаза, серебряный колокольчик (6, 429–432). Перемены в облике также резки и неприятны: «тихий голос владыки исчез и угасший взгляд его загорелся»; «пристально воззрился» «во все глаза», «точно вырастая», колокольчик в «дрожавшей руке владыки» «судорожно» звенит (6, 431–432).

Преосвященный митрополит почил незадолго до времени создания «Мелочей...», и Лесков в своей художественной оценке открыто полемизирует с «панегиристами» Филарета. Перо писателя в отношении данного героя заострено под определенный отгалкивающий психотип.

Умалены и аскетизм («прежде всего и после всего монах», «истовый», «ставивший свой аскетизм выше всех своих обязанностей духовного администратора», «скала аскетизма» (6, 426)), и прозорливость духовного сановника: он ошибся в принятии решения по разбору жалобы, поддавшись живому чувству возмущения (хотя владыка был обманом приведен в это состояние¹⁰). В рассказе «Человек на часах» о логику «проницательного владыки» разбивается правда солдата Постникова. Облик Филарета при этом почти статичен, дематериализован: о судьбе часового слушает молча, но внимательно, «слегка шевеля... четками и не сводя глаз с рассказчика». Речь тихая, журчащая, перемежающаяся молчанием с перебиранием четок «сквозь восковые персты», «тихоструйная» (8, 172) (выделено нами. – Е. Р.). Наконец, всякое движение застывает в одних номинациях: «Четки и тихоструйный перебив», «Пауза, четки и тихоструй» (8, 173). Резолюция справедливости в устах владыки сводится (по мнению автора) к мирскому, земному довольству (8, 172–173). Гораздо более проницательности и такта писатель показывает в Филарете Киевском – в таких его непосредственных оценках людей и их поступков: «глупый какой!..»; «Э-эх, глупые, глупые»; «бедная, бедная»; «Ишь какой хороший» (6, 132–133, 135–136) и подобных, а также в «водворении владычным судом милосердного Филарета» (6, 103) правды в отношении жида-интролигатора в повести «Владычней суд».

Дипломатичность Филарета Дроздова в одном «характерном случае» (6, 513) показана несколько более положительно. Хотя оттенен образ другим персонажем – «сорванцом» полицейским генералом, который надоедал всем своим

«вздорливым нравом и зливостью» и не иначе как «наскочил» на Филарета (6, 522). По отношению к полицейскому генералу владыка ведет себя мудро, и «досадительный труд» (6, 522), к которому вынуждает святитель генерала, должен бы послужить последнему к несомненному его благу. Но к нравственному изменению персонажа встреча с митрополитом не приводит. Как и в рассказе «Человек на часах», действия иерарха производят эффект обманутого ожидания. В художественную задачу Лескова показать митрополита Московского с положительной стороны не входило, и он остается верен выбранному ракурсу изображения.

На другом полюсе – повествование о манере ведения чиновных дел Киевским митрополитом: трогательное беспокойство Филарета о том, «не очень ли строг» был он в отношении провинившегося, в то время как одним лишь внутренним действием своей доброты привел того к искреннему покаянию (6, 459–462). Показательно также «взыскание» священнику о. Ботвиновскому (6, 133). Лесковым отмечен интерес владыки к иконописанию. И в данном вопросе оба Филарета противопоставлены: московский «не знал толку в этом деле», «относился равнодушно», киевский «любил иконописное дело», «смело вмешивался» в работы по соборной реставрации, хотя и вызывал этим недовольство государя, который, как известно, ценил и «Филарета мудрого, и Филарета благочестивого» (6, 457), но предпочтение отдавал Дроздову.

Лесковская оценка героев совершается еще по одному евангельскому критерию: Русь-де судит о церковном правительстве, «держась в этом слов своего божественного учителя: “*дерево узнается по плодам*”» (6, 464). Так, перечисляя деяния ушедшего в 1857 г. Филарета Амфитеатрова, рассказчик отмечает оставленное митрополитом после себя «сплошное, одноверное население», укрепившееся верою благодаря своему «старесенькому дидусе» (6, 463), из возможных учеников упомянуты схимник Парфений¹¹ и воспитанник митрополита архиепископ Казанский Антоний.

Плоды Московского владыки остались на страницах лесковских текстов неотмеченными. Основным пастырским подвигом святителя Филарета Московского является дело перевода на русский язык книг Библии. В этом вопросе митрополит столкнулся с противостоянием идейных противников. В числе их был и Киевский Филарет, который возражал против перевода из опасений забвения языка церковнославянского (владыка не изменил своего мнения до конца жизни). Дело завершилось изданием параллельного текста, что утвердило согласие между оппонентами и доказало богоугодность подвига святителя и его сторонников. Отношение Лескова к катехизису слышится в просторечном суффиксе определения – «филаретов» (6, 303)¹².

«Младенческой простоте» митрополита Киевского Лесков противопоставляет видимую «сложность» митрополита Московского – «простое» «непростому», душевной открытости – замкнутость. Отбор выразительных средств в обеих характеристиках продиктован пафосом повествователя. И все же Лесков близок в своей оценке к народной: оба святителя приняли монашеский постриг в честь своего небесного покровителя Филарета Милостивого, но народ «Филаретом Милостивым» прозвал Киевского владыку. Лесков останавливается на определениях «истинное монашество» для одного и «истиннейший монах» (6, 464) для другого. И хотя формы степени прилагательного все-таки передают оценочный нюанс, различие в служении митрополитов явное: преимущественно общественное в деятельности святителя Филарета Московского и личное, в любви к ближнему – святителя Филарета Киевского.

Примечания

- 1 Лесков Н. Собр. соч. : в 11 т. Т. 1. М., 1956. С. 399. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы в скобках.
- 2 Митрополит Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов); 1782–1867; канонизирован в 1994 г. Митрополит Филарет (в схиме Феодосий, в миру Федор Георгиевич Амфитеатров); 1779–1857/1858; канонизирован в 2016 г. Архиепископ Иннокентий Херсонский и Таврический (в миру Иван Алексеевич Борисов); 1800–1857 г.; канонизирован в 1997 г. Епископ Игнатий Брянчанинов (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов); 1807–1867 г.; канонизирован в 1988 г.
- 3 См.: Мельникова С. Жизнеописание приходского священника в русской беллетристике второй половины XIX века // Сюжетология и сюжетография. 2013. № 2. С. 106–114.
- 4 Лихачев Д. Два русла русской культуры. URL: http://likhachev.lfond.spb.ru/articl100/Russia/2_rusla.pdf (дата обращения: 21.11.2019).
- 5 См.: Гнюсова И. «Мелочи архиерейской жизни» Н. С. Лескова в контексте английской прозы о жизни священнослужителей: Дж. Элиот и Э. Троллоп // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 1 (29). С. 98–107.
- 6 Там же.
- 7 Близок Лескову в выражении оценки личности митрополита Филарета Дроздова современник писателя, будущий историк церкви, профессор Московской духовной академии Е. Е. Голубинский (1834–1912), зафиксировавший в «Воспоминаниях» тяжелый характер митрополита. Труды Голубинского, носившие относительно либеральный характер, вызвали против него гонение со стороны К. П. Победоносцева и других официальных представителей Церкви. Лесков неоднократно упоминает о Голубинском в ряде своих статей и очерков. Несмотря на полемический характер высказываний, можно судить о том, что Лесков поддерживал

профессора (10, 470–471). В «Мелочах...» же так сказано о строгости Филарета: «Особенно ученым строго; он вон иерея Беллюстина вызвал, посмотрел на него, да опять пешком в Калязин прогнал... А Голубинского еще хуже: прямо по руке ударил; он к ученым лют» (10, 518–519).

⁸ То, что митрополит действительно внушал опасения своим авторитетом, отмечает в последней главе «Мелочей...» Лесков: «...прозорливым умам казалось кстати поприсмотреть за митрополитом Филаретом, – как бы он, при окружавшем его народном уважении, не воспользовался этим и не ”воздвиг чего-нибудь через церковь”» (6, 534).

⁹ Осторожность и рассудительность митрополита Филарета в судебно-административных делах отмечает в своих работах митрополит Иоанн (Снычев): (См.: Жизнь и деятельность Филарета, митрополита Московского. Самара, 1997. С. 226). В монографии Л. А. Соколова о епископе Игнатии Брянчанинове также есть упоминание об известном «молчании» митрополита по поводу обращения Преосвященного Игнатия в Св. Синод (См.: Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения : в 2 ч. Ч. 1. Киев, 1915. С. 225). Лесков данные качества рисует как отрицательные свойства характера Филарета.

¹⁰ В главе четвертой «Борьбы за преобладание» кстати приведен с известной для автора долей правдоподобности рассказ о доносе на «самого мужа совета» (Лесков Н. Собр. соч. : в 12 т. Т. 6. М., 1989. С. 399) со стороны умевшего организовывать такие вещи обер-прокурора С. Нечаева. Последний, по словам автора, коварством и пронырливостью ума, а проще подлостью «взял перевес» над Филаретом. Владыка же, как видно (тоже не раз оговариваемый современниками за свою хитрость), потому и потерпел поражение, что был чужд человеческой подлости.

¹¹ Парфений Киевский (в миру Петр Иванович Краснопевцев); 1790(1792 или 1793)–1855 – иеросхимонах, подвижник XIX в.; канонизирован в 1994 г.

¹² Известно, что катехизис (Пространный и Краткий) претерпел несколько редакций самого его автора, многочисленные правки. Оценка Лескова отражает также мнение общества о катехизисе: книга якобы еще более поспособствовала выхолащиванию веры. В Примечаниях к «Борьбе за преобладание» Лесков выразился о катехизисе Филарета Дроздова наиболее резко, сославшись на современников (историка С. Соловьева – «старика Д. Галахову»): «Николай погубил тысячи, а Филарет тьмы» (Лесков Н. Собр. соч. : в 12 т. Т. 6. С. 581).

Образец для цитирования:

Рапацевич Е. В. Два Филарета: о специфике изображения святых в произведениях Н. С. Лескова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 49–53. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-49-53>

Cite this article as:

Rapatsevich E. V. Two Philarets: On the Special Features of the Saints' Images in the Works by N. S. Leskov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 49–53 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-49-53>

УДК 821.133.1.09-31+9293оля

Образ сада в романе Э. Золя «Проступок аббата Муре»

О. В. Альбрехт

Альбрехт Ольга Викторовна, аспирант кафедры зарубежной литературы, Литературный институт имени А. М. Горького, Москва, ars-kos@yandex.ru

В статье особое внимание уделено саду как литературному образу, созданному на основе архетипа и мифологических реминисценций, подробно рассматривается структура сада как романного пространства в противоречии и связи с натуралистической эстетической концепцией.

Ключевые слова: художественное пространство, художественный образ, архетип, миф, реминисценция, натурализм.

The Image of the Garden in the Novel *La Faute de l'Abbé Mouret* by Emile Zola

O. V. Albrekht

Olga V. Albrekht, <https://orcid.org/0000-0002-9359-8237>, Maxim Gorky Literature Institute, 25 Tverskoy Blvd., Moscow 123104, Russia, ars-kos@yandex.ru

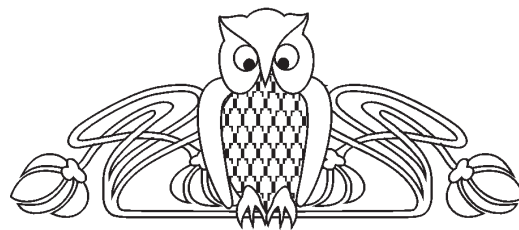
The article focuses on the garden as a literary image based on the archetype and some mythological allusions. The structure of the garden is analyzed in detail as the novel space at variance and in connection with the naturalistic aesthetic approach.

Keywords: artistic space, artistic image, archetype, myth, allusion, naturalism.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-54-58>

Образ сада в литературе – пример универсальной модели художественного пространства, одной из его архетипических форм, «... т. е. первичных схем образов и сюжетов, составивших некий исходный фонд литературного языка, понимаемого в самом широком смысле»¹.

Творческое новаторство романов Э. Золя – не только попытка преодолеть усредненный жанровый стереотип социально-психологического романа XIX в.; использование сказочно-мифологической образности, архетипических сюжетных мотивов и конструирование универсально-архетипических пространственных моделей позволяют противопоставить художественный эксперимент Золя не столько поэтике романтизма, сколько так называемой «реалистической» прозе, где во главу угла ставятся социальность в литературе, эстетические вопросы, связанные с изображением «подлинной» жизни в искусстве, и то, что в широком смысле можно было бы назвать «веризмом». Роман Золя, отчасти примыкающий к этому полю литературы, никоим образом не может быть сведен к такой узкой трактовке.

Пониманию Золя как вериста-социолога или как исключительного сторонника объективной литературы, близкой к научному наблюдению, мешает, прежде всего, очевидное присутствие в его романах мифопоэтического комплекса – как в плане многослойных мифологических реминисценций, по романтическому сценарию переходящих в гротеск (образ женщины-локомотива в «Человеке-звере»), волшебный дворец в «Дамском счастье», сверхизобилие рынка в «Чреве Парижа», чудовище-шахта в романе «Жерминаль»), так и довольно прозрачных мифологических аллюзий и даже прямых цитат (множественно и многообразно представленные в творчестве Золя мотивы инцеста и тема родовых связей, «родового проклятия» – от «Терезы Ракен» до «Доктора Паскаля»; показательной в этом отношении является разработка сюжета о Федре в романе «Добыча»). Следует отметить важную, на наш взгляд, особенность художественного мировоззрения Золя: ключевая для его эстетики концепция биологического детерминизма только одной своей стороной исторически связана с развитием позитивистского научного мировоззрения в середине – второй половине XIX в. и кризисом идеалистических романтических представлений об искусстве и человеке. Другой своей стороной тема природы как биологического рока связана, вероятно, с романтическими натурфилософскими исканиями, в которых поиск смысла и законов взаимоотношений человека и природы упирается в неизбежную попытку переписать миф, приспособив его универсальность к новым историческим и идеологическим условиям. В этом плане натуралисты – не только в известной степени продолжатели романтической тяги к мифопоэтическому, но и своеобразные предшественники модернистского романного мифотворчества. «Даже заглавия книг, составляющих цикл [«Ругон-Маккары»], находятся в прямой связи с визионерской интуицией роковой звериной сути человека, которая, с одной стороны, сопряжена с древними мифами, с другой, – с современной Золя философией утраты цивилизационных иллюзий <...>»²

В образе сада, созданном в романе «Проступок аббата Муре» (1875), воплощена важная идейная составляющая натурализма Золя – доминирование природы над этикой, естественно над умственным, рефлексивным, противопоставление жизни как бесконечного процесса бессмысленного становления – цивилизационным усилиям человека найти в этом процессе некий символический или религиозный смысл.

В книге «Поэзия садов. Сад как текст» Д. С. Лихачев пишет: «Обратная связь с эпохой в садах и парках необычайно велика. Сад – это попытка создания идеального мира взаимоотношений человека с природой. Поэтому сад представляется как в христианском мире, так и в мусульманском раем на земле, Эдемом. Искусство всегда есть попытка создания человеком некоего счастливого окружения <...>. Сад всегда выражает некую философию, эстетические представления о мире; это микромир в его идеальном выражении»³.

Сад как Эдем – первая и очевидная читательская трактовка образа сада в романе «Проступок аббата Муре». Действительно, пространство сада связано для героя с духовным и физическим наслаждением, Серж, попавший с сад Параду (само название которого напоминает о «paradis» – рае), становится как бы первым человеком, Адамом, перед лицом бушующей радости творения, рядом с единственной на свете женщиной – Альбиной-Евой⁴. Сад Параду, как и Эдем, – пространство замкнутое; так же, как в Эдем, туда нельзя вернуться (по многим причинам возвращение в Параду для Сержа чревато только разочарованием, сад увядает, его нельзя узнать, умирает и отвергнутая Альбина). Так же, как и Эдем, Параду становится не только пространством безоблачного изначального счастья первых людей, но и пространством их грехопадения. Так же, как и Эдем, сад Параду противопоставлен миру вовне – миру косного деревенского язычества, торжествующего животного начала, возведенного в основной закон существования, попирающего в конечном итоге все человеческое. Пространству сада Параду противостоят в романе пространство деревни, в которой расположен приход, где служит Серж, и пространство хлева, где хозяйничает сестра Сержа Дезире, которая больше всего на свете любит и ценит животных. Особенной гордостью и радостью для Дезире является уход за козами и свиньями. Если природа деревни и животные, населяющие хлев, – природа «земная», связанная с грубым деревенским язычеством, с его беспечными и омерзительными для Сержа нравами, то природа Параду – многочисленные и часто причудливые растения, остатки полуразрушенного парка, цветы и плоды – природа «эдемская», несущая на себе печать вечного возрождения, поэзии, красоты, тонкой, восходящей к библейской, эротике. Библейские аллюзии, связанные с «закрытым» или «запретным» садом, выражены в не прямой отсылке к «Песни песней» Соломона (Песн., 4:12–16). Сад в Библии – символический образ женщины («Запертый сад – сестра моя, невеста» (Песн., 4:12)). В книге Золя сад становится садом любви, местом эротических переживаний и одновременно пространством священного брака.

Образ сада в культуре амбивалентен сам по себе; в книге Золя двойственность этого образа подчеркнута и выбором главного героя. То, что

Серж – священник, подчеркивает неоднозначность всех вышеперечисленных библейских аллюзий. Кроме них, мы можем указать на то, как ветхозаветный образ сада-Эдема трансформировался в Новом завете в образ Гефсимании – сада страдания. Действительно, для героев романа Золя сад Параду становится не только садом любви, но и садом страданий, физических и моральных. Серж осознает совершенный грех, отрекается от сада и возвращается в мир деревни и в пространство своей религии (храм), а Альбина, покинутая и страдающая, но оставшаяся верной своей любви, погибает.

Редактор сборника «Поэтика дома» А. Левийен, говоря об амбивалентности образа сада в литературе, пишет: «Литература тесно связана с садовым искусством: она связывает с садом тему человеческого счастья через мифы о происхождении мира (de la Genèse. – О. А.), говорит о садах мудрости, об эротизме, о саде детства, а также парадоксальным образом сад связан с темой агонии и гибели (через евангельский дискурс, мотив Гефсимании)»⁵.

В создании художественного пространства сада Золя использует далеко не только библейские аллюзии и реминисценции, хотя они, возможно, являются самыми очевидными, учитывая тему романа – любовь католического священника, связанного узами обета целомудрия. Антиклерикальный и – шире – антихристианский пафос романа рождается из противопоставления пространства сада как места подлинной жизни на лоне природы пространству храма как месту умозрительного, а значит, ложного знания, которое привело Сержа в свое время к галлюцинациям и болезни. Отказ от плотской любви в пользу экстатической, но бестелесной влюбленности в Деву Марию делает из Сержа невротика, склонного ненавидеть реальную человеческую жизнь, ее естественные проявления и законы, ее красоту и поэзию. Но, пережив грехопадение (или наоборот – возрождение), Серж не может вернуться к своей детской вере в Деву Марию, чистой любви к ней, и его последняя, но самая яркая галлюцинация после возвращения в храм – видение дерева, воплощающего идею центра сада Параду, которое прорастает в центре самого храма, разрастается до невероятных, фантастических размеров и своими мощными ветвями и кроной разрушает каменную кладку храмовых стен. Храм покрывается трещинами, рушится – и это символизирует в большом сознании Сержа крушение его детской веры под напором «живой жизни», воплощенной в образе мирового дерева.

Надо сказать, что «Проступок аббата Муре» – одна из тех книг Золя, где практически отсутствуют социальная проблематика и как бы обязательная для автора «научность». Изображение крестьянской жизни нарочито лишено реализма, всякой очерковости, столь принципиального для «меданской школы» изображения трудовых процессов и социальной обездоленности, нет здесь

и идеи вражды сословий, изображения социального противостояния, темы денег. Отсутствие реалистичности как комплекса эстетических и тематических предпочтений в романе подчеркивает значимость философского конфликта, который удобнее всего выразить не через изображение современного общества и его проблем, а через символическую и мифопоэтическую образность. Богатейший дескриптивный компонент романа, представленный, прежде всего, энциклопедически исчерпывающим описанием всевозможных растений и ботанических подробностей в связи с изображением цветения сада Параду, не представляется, тем не менее, научно адекватным: сад одновременно цветет и плодоносит, там как-то невероятно сочетаются и переплетаются времена года и время суток. В описании сада явно подчеркнута пантеистическое начало – деревья похожи на антропоморфные языческие божества.

Можно сказать, что и изображение сада лишено реалистического начала; так же, как и мир деревни, мир сада в «Проступке аббата Муре» – символическая условность, поэтому построение пространства с использованием пространственных моделей-архетипов в данном романе художественно оправданно. Противопоставление пространства храма и пространства сада, вторжение сада в храм (в видении Сержа), уподобление сада храму – где вместо рукотворных и холодных украшений сама природа устроила свое святилище – заставляет два пространства звучать как бы друг через друга, создавать в романе не только образную, но и идейную неоднозначность.

Действительно, Серж не приемлет животной неразумности и грязной неразборчивости в жизни деревни. Как пастырь, наставник в вере Серж не пользуется ни малейшим авторитетом у крестьян – примитивных язычников по убеждениям. Очевидно, что Серж – романтик веры, искренно взыскующий чистоты и истины – никогда не сможет встать на один уровень с деревенскими, вписать себя в пространство хлева Дезире и деревенского культа бессмысленного размножения. С другой стороны, храм, в котором служит Серж, – это тюрьма, которая скрывает от героя истинный смысл происходящего в человеческой жизни. Храм темен и нем, вымучены и мертвы христианские иллюзии Сержа, который искусственно подпитывает свою ненависть к биологической жизни истериками человеконенавистника брата Арканжиаса. «Все в мире грязь»⁶, – говорит сам себе Серж, пытаясь оправдать яростное преследование братом Арканжиасом всего живого. «Я отрицаю жизнь, я говорю, что смерть всего мира предпочтительнее, чем бесконечная мерзость, эту жизнь плодящая» (78), – твердит Серж в молитве, обращенной к Деве Марии. Единственное место, где герой становится собой, – сад Параду. Для того чтобы понять, в чем же сад представляет альтернативу двум пространствам – хлева и храма, нужно обратиться к

использованной в книге Золя переосмысленной мифологической образности.

И хлев, и храм, и сад имеют своих мифологических «хозяек». «Хозяйка» храма – Дева Мария, которой поклоняется и в которую влюблен Серж до встречи с Альбиной. Мария – это, прежде всего, статуя, и храм холоден и мертв, это пространство камня, клетки, тюрьмы, болезни, смерти. «Хозяйка» хлева – сестра Сержа Дезире. В образе этой девушки подчеркнута умственная неполноценность в сочетании с гипертрофированным телесным и женственным началом. Сестра героя занимает сказочную нишу «людоедки»⁷, она крупная, сильная, в связи с ней подчеркнуты мотивы еды и сна (ест и спит Дезире как животное). На протяжении романа Дезире несколько раз ассоциирована с Кибелой, в частности, так называется ее служанка Теза в разговоре с аббатом: «?Не находите ли вы, что она похожа на ту большую каменную даму, что стоит в Плассане, у хлебного рынка?» Она говорила о статуе Кибелы, возлежащей на снопах, изваянной одним из учеников Пюже на фронтоне рынка» (38). В конце книги изображено торжество Дезире-Кибелы: она врывается к Сержу и радостно сообщает ему, что корова отелилась (241). Мы узнаем также, что этот победный крик Дезире совпадает по времени с похоронами Альбины. Трагическая ирония финала повествования состоит в том, что для Сержа как отступника закрыты и пространство храма (он более не верит), и пространство сада (Альбина умерла, вместе с ней и сад), осталось только пространство хлева – неизбывного человеческого скотства, в котором хозяйничают Дезире и ее беспрерывно плодящиеся звери. Серж отступил и от веры, и от любви – теперь он узник своей сестры-Цирцеи, готовой превратить и его в бессмысленное животное.

В отличие от первых двух пространств, пространство сада имеет не только хозяйку – Альбину, которая воплощает любовь человеческую, эдемскую, одновременно и невинную, и чувственную, – но и хранителя. Это дядя Альбины, старик Жанберна, воплощающий тип мудрого старца, которого все в деревне называют «философом». Жанберна – хранитель Параду в одной из его ипостасей – в ипостаси парка. В романе Золя Параду называется тремя разными способами – лесом (*la forêt, le bois*), собственно садом (*le jardin*) или плодовым садом (*le verger*), а также парком (*le parc*)⁸. В связи с последним наименованием важно, что Параду – усадьба, хотя и заброшенная. Галантные любовные мотивы, связь с XVIII в., либертинажем и культом естественности, понятным полемично по отношению к христианству, – все эти аспекты, ассоциируемые с садом как парком, присутствуют в романе. Но так же, как и текст библейский, текст просветительский здесь «переписан»: усадьба мертва, разрушена, живопись в стиле рокайль проступает на стенах в виде устрашающих призраков, а статуя некой женщины («богини»), обычно по-

мещавшаяся в центре французского регулярного парка, утоплена в источнике.

В аспекте же понимания образа сада у Золя как совокупности мифологических реминисценций важен мотив «цикличности», повторяемости, который подчеркнут в образе сада как парка. Бывший владелец Параду, обустроивший усадьбу в XVIII в., пережил здесь свою единственную любовь с некой загадочной дамой, которой суждено было и умереть в этом парке. То, что переживают Серж и Альбина, – своеобразное повторение истории столетней давности. Парк с тех пор одичал, превратился в лес, но любовная магия, заключенная в мире Параду, продолжает действовать.

В построении пространства сада в романе «Проступок аббата Муре» обнаруживается некий «кольцевой принцип» – сад состоит как бы из нескольких концентрических кругов, один в другом, и герои, по мере приближения к кульминации книги, пересекают их от периферии к центру. Стоит отметить в этой связи и характерную композиционную особенность романа – он состоит из трех частей, причем события первой и третьей происходят соответственно до и после жизни Сержа в саду. Вторая же часть – центральная – целиком посвящена Параду, и сама эта часть сюжетно построена как история поисков Альбиной и Сержа некоего таинственного дерева, тень которого, по легенде, связанной с историей предыдущих владельцев усадьбы, дает невероятное блаженство, познание бессмертной любви. Здесь очевидны не только ассоциации с райскими деревьями – и деревом жизни, и деревом познания, – но и в широком смысле мифологические ассоциации с «мировым деревом», находящимся в центре мироздания, составляющим «ось вселенной». Найти это дерево – понять смысл миропорядка, приобщиться к чуду бытия. Найти «волшебное дерево», связанное с легендарной любовью хозяев Параду, для Альбины в каком-то смысле детская игра; но именно дойдя до «центра мира», найдя дерево, Альбина и Серж познают и блаженство любви, и тяжесть греха.

Внешний круг сада, куда Серж попадает еще в первой части книги, до своей болезни, охраняем Жанберна, философом-атеистом, в духе Вольтера ненавидящим церковь (в усадьбе сохранилась масса книг французских энциклопедистов, ими-то и зачитывается Жанберна, заступив на должность сторожа заброшенного парка). Но самим садом Жанберна не интересуется, его волнует только огород, высаженный, собственно, у ограды Параду. Подлинной хозяйкой сада становится Альбина – в начале романа она благоухает цветами и травами, оставляет за собой дождь цветов: «Она радовалась цветам, буйным цветам, которые вплела в свои белокурые косы, повесила на шею, прикрепила к корсажу, несла в своих позолоченных солнцем худеньких руках. Вся она была точно букет, издававший сильный аромат» (32). Для Альбины сад – действительно

заколдованный мир, живущий по своим законам. С самого первого упоминания в книге Альбина вызывает ассоциации с лесным божеством, нимфой. Ее овевают запахи травы, летящие с деревьев листья – ее поцелуи, и умирает Альбина очень экзотическим и не вполне понятным образом – задохнувшись в цветах.

Альбина – не только хозяйка пространства сада. По отношению к герою, попавшему в сад чужаку, больному телесно и душевно, истерзанному аскезой и противоестественной ненавистью к жизни, Альбина становится сначала целительницей, буквально поднимающей Сержа с одра болезни, а потом и матью – она учит Сержа видеть мир, радоваться жизни, пробуждает в нем человеческое начало как совокупность духовных и телесных качеств. В отличие от мира деревни и хлева, где царствуют разврат и культ безудержного размножения, жизнь в мире сада осмысленна, а любовь – чиста. Альбина открывает Сержу, что человеческая любовь противоположна тому скотскому физическому соблазну, который вызывал отвращение у Сержа в Арто, в деревне. Таким образом, Альбина – это и хозяйка сада, и целительница-волшебница, и мать, и возлюбленная для Сержа.

Первый круг сада, куда Серж попадает в бессознательном состоянии и где приходит в себя уже не аббатом Муре, а именно Сержем, молодым человеком, не знающим жизни, – это, собственно, старая усадьба, дом, некоторые комнаты которого Альбина приспособила для жилья и ухода за больным. Первый шаг Сержа на пути к обретению себя и выздоровлению – не только физическому, но и моральному – пересечение порога, выход из комнаты в сад, который сразу поражает героя своей буйной растительностью.

Надо сказать, что, в отличие от хозяйки хлева Дезире, хозяйка сада Альбина связана с растениями, а не с животными; ее запах – аромат трав и цветов, ее пища – плоды и ягоды, тогда как Дезире связана с запахом навоза и тяжелыми животными испарениями хлева. Второй круг, который осваивает Серж под руководством Альбины, досконально знающей почти все в Параду, – цветник (ч. 2, гл. 7). «Растительность здесь была пышная, великолепная, дико могущественная; скопление случайностей создало это чудовищное цветение без помощи заступа и лейки садовника» (103). Именно в этой части романа мы встречаем необыкновенно развернутое описание всевозможных цветов, многообразия их окраски и запахов. Третий круг сада, в который попадают герои, – плодовый сад. Там Альбина и Серж не только гуляют и любуются многообразием и красотой растений, но и едят плоды (ч. 2, гл. 9). Наконец, четвертый круг, в котором уже Альбина не чувствует себя как дома и так же, как и Серж, испытывает религиозный трепет перед сверхчеловеческими природными силами, – это роща, полная огромных деревьев, описанных как антропоморфные божества, среди которых есть и прекрасные,

и чудовищные (ч. 2, гл. 11). «Клены, ясени, буки, кизил теснились точно толпа гигантов, простодушных, гордых и добрых героев <...> То были деревья-титаны, пораженные молниями, стоявшие в позах непобежденных бойцов» (127–128). И только в самом центре сада, в заповедном пятом круге, Альбину и Сержа начинают сопровождать животные – птицы, насекомые и кролики, которые живут в непосредственной связи с растительным миром. В центре этого круга и находится «колдовское дерево» (ч. 2, гл. 15). Вокруг дерева «воздух вкусен, как плод», а «трава совсем живая» (148) – говорят друг другу Серж и Альбина, попав в тень «мирового дерева». Герои испытывают здесь священный трепет, благоговение, и это пространство становится пространством их священного брака.

Говоря о круговой, концентрической природе пространства сада, стоит отметить, что снаружи сад обнесен стеной, и эта стена отделяет Параду от внешнего мира как мира профанации и нечистоты. Отречение Сержа от Альбины и от блаженной жизни в Параду символически выражается в том, что он бежит из сада, в ужасе от нарушения своих священнических обетов, через пролом в садовой ограде (ч. 2, гл. 17). Именно у полома в стене Сержа встречает безобразный и грубый монах, брат Арканжиас, своеобразная пародия на херувима с пламенным мечом, поставленного сторожить ворота утраченного Эдема и путь к древу жизни (Бытие 3:22).

Сад в романе Золя становится не только пространством любви для главного героя, но и пространством испытаний для него. Серж взрослеет в саду, но его взросление связано не с хронологическим продолжением жизни, а с возобновлением жизненного цикла, как бы с возвращением обратно – он снова обретает свое детское имя, в саду его никто не назовет «аббатом Муре» или «месье кюре». Очнувшись в саду больным и разбитым, Серж словно начинает жить сначала, и это пересекается с его желанием, выраженным в молитве к Марии, – желанием вновь оказаться ребенком. «О, я буду теперь совсем иной! Слово меня очистило болезнью» (83), – говорит Серж Альбине. «Инициация включает временную изоляцию от социума, контакты с иными мирами и их демоническими обитателями, мучительные испытания и даже временную смерть с последующим возрождением в новом статусе»⁹.

Сад – это и пространство взросления, и пространство инициации – начиная с мотива перешагивания порога (из дома в сад – ч. 2, гл. 2), затем обучения, знакомства заново с миром жи-

вых существ, с материнской заботы Альбины и заканчивая мотивом «священного брака» или «грехопадения»/«падения до уровня животного» (не стоит забывать, что все события, происходящие с Сержем, оцениваются сразу с трех имеющихся в романе точек зрения – сада, храма и хлева/деревни). Серж в некотором смысле попал в сад, как в сказку, и Альбина – та самая «сказочная царевна», которая является хозяйкой этого сказочного пространства и волшебницей-невестой, способной сделать из обыкновенного человека настоящего сказочного героя. Только Серж отказывается от предложенного ему дара. Совершая грех, ошибку, проступок («la faute»), герой совершает его тоже сразу в трех смысловых измерениях: для деревни это именно «проступок» – т. е. Серж нарушил скандальным образом некие общественные установления, не очень важные для жителей Арто, но в каком-то плане этот «проступок» ставит кюре «на одну доску» с деревенскими язычниками, которых он хотел перевоспитать. С точки зрения церкви Серж совершил не «проступок», а «грех» – не только блуд, но и нарушение священнических обетов. С точки зрения центрального пространства книги – сада – Серж совершил «ошибку», человеческую ошибку: предал Альбину, покинул ее, испугавшись греха и осуждения.

Таким образом, анализ специфики художественного пространства в романе Золя «Проступок аббата Муре» дает ключ к пониманию всего объема неоднозначности в интерпретации книги и – шире – в понимании творческой манеры французского писателя.

Примечания

- 1 Мелетинский Е. О литературных архетипах. М., 1994. С. 10.
- 2 Mitterand H. E. Zola : Les délires de la vérité. Paris, 2002. P. 72.
- 3 Лихачев Д. Поэзия садов. Сад как текст. М., 1998. С. 11.
- 4 См.: Ripol R. Réalité et mythe chez Zola. Lille, 1981. P. 166.
- 5 Levillain H. Poétique de la maison. Paris, 2005. P. 5.
- 6 Золя Э. Проступок аббата Муре / пер. с фр. Вл. Пяста // Золя Э. Проступок аббата Муре. Его превосходительство Эжен Ругон. Рассказы. Нальчик, 1989. С. 51. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- 7 Мелетинский Е. Указ. соч. С. 48–49.
- 8 См.: Zola E. La Faute de l'Abbé Mouret. Paris, 1927. P. 406.
- 9 Мелетинский Е. Указ. соч. С. 21.

Образец для цитирования:

Альбрехт О. В. Образ сада в романе Э. Золя «Проступок аббата Муре» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 54–58. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-54-58>

Cite this article as:

Albrecht O. V. The Image of the Garden in the Novel *La Faute de l'Abbé Mouret* by Emile Zola. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 54–58 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-54-58>

УДК 821.161.1.09-32+821.131.1.09-1+929 [Чехов+Данте]

Дантовские мотивы в рассказе А. П. Чехова «Студент»

Н. В. Мокина

Мокина Наталия Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский научный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nat.mokina2011@yandex.ru

Предмет исследования в статье – мотивы первой песни «Ада» в рассказе А. П. Чехова «Студент». Возможные аллюзии на первую песнь содержатся в выборе Чеховым времени и места переживания его героем духовной драмы, в семантике и функции локусов и опорных мотивов, маркирующих путь героя. Автор полагает, что идеалы Данте могли быть и одним из источников чеховской идеи единства жизни мира.

Ключевые слова: А. П. Чехов, «Студент», Данте, «Божественная Комедия», время, локусы, идея единства.

Dante's Motives in A. P. Chekhov's Story *Student*

N. V. Mokina

Natalia V. Mokina, <https://orcid.org/0000-0002-6314-0823>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, nat.mokina2011@yandex.ru

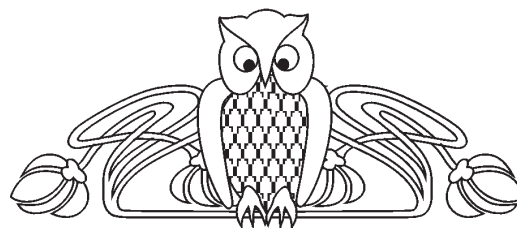
The article focuses on studying the motives of the first canto of *Inferno* in A. P. Chekhov's story *Student*. Possible allusions to the first canto are evident in Chekhov's choice of the time and place of where the character experiences his spiritual drama, in the semantics and function of the locuses, and key motives highlighting the character's path. The author assumes that Dante's ideals might have given rise to Chekhov's idea of the unity of life in the world.

Keywords: A. P. Chekhov, *Student*, Dante, *Divine Comedy*, time, locuses, idea of unity.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-59-64>

Статьи, посвященные «Студенту», традиционно начинаются словами Чехова о рассказе 1894 г. как «самом любимом» им произведении. Но это чеховское признание, впрочем, – один из многих поводов для исследовательских дискуссий, порождаемых подлинной сложностью замысла «одного из самых лаконичных»¹ рассказов писателя и, как всегда у Чехова, неочевидной авторской позицией. Таким же поводом для дискуссий становятся характерность (или нехарактерность) «стратегии письма»² и ключевых элементов поэтики рассказа³ для творческой манеры Чехова, соответствие (или несоответствие) героя чеховским типам, а «правды» героя – философии жизни самого Чехова⁴ и т. д.

За последние десятилетия высказано немало версий замысла рассказа, основные коллизии которого – нравственный перелом, пережитый студентом духовной академии Иваном Велико-

польским в вечер Страстной пятницы, и – как «прелюдия»⁵ – пробуждение души двух бедных вдов (признаваемых исследователями даже «подлинными героями» «Студента»⁶), которым герой пересказывает историю отречения Петра от Христа.

Значительность и глубина содержания, чеховский лаконизм, умолчание автора о внутренних причинах вселенской (и одновременно глубоко личной) тоски героя и нарушения им традиций Страстной пятницы⁷, связанных с ней запретов⁸, не объясняемое автором внезапное желание студента вспомнить историю отречения Петра, «очнувшегося» после крика петуха⁹ и раскаявшегося, «вплетенность» «драмы Пасхи в смысловую структуру рассказа»¹⁰, проникновенно-личные интонации в пересказе этой драмы студентом, символическая многозначность опорных образов и мотивов – все это, несомненно, осложняет обретение «стылого света обобщения», который, по известной метафоре В. Набокова, должен появиться после того, как «при солнечном свете» «заботливо собраны все мелочи»¹¹.

Исследование рассказа в разных аспектах, сосредоточенность внимания чеховедов на евангельских мотивах¹², включенных и в «слово» героя, и в «слово» автора¹³, на динамике опорных мотивов (тьмы – света, холода – жара, запада – востока и др.¹⁴), на специфике художественного пространства¹⁵, на возможных аллюзиях (в том числе и на произведениях современников писателя), сквозящих в повествовании¹⁶, способствуя постижению мастерства Чехова и «отделанности» поэтики его «самого любимого» рассказа, однако, могут приводить интерпретаторов к выводам, отличающимся не только в частностях, но и в главном – в истолковании «подлинного сюжета» (вновь воспользуемся выражением В. Набокова), т. е. глубинного замысла, и авторской позиции.

Абсолютно непримиримыми кажутся две версии. Согласно одной, объединяющей, впрочем, многих исследователей, «Студент» – пасхальный рассказ с характерным для этого типа рассказов сюжетом восстановления человека¹⁷. Это истолкование «подлинного сюжета» было оспорено в одной из последних посвященных чеховскому рассказу статей, автор которой видит в «Студенте» «тонкую и неброскую иронизацию», в сущности, тотальную иронию, очевидную для исследователя на всех уровнях текста и пронизывающую и сферу героя, и сферу автора. Иначе говоря, и герой «сыграл в религию» перед жен-

щинами-вдовицами и перед самим собой»¹⁸, и автор иронизирует – над героем (а в его лице и над интеллигенцией, играющей в религию) и над возможным источником идеи воскресения человека и той «правды», которая вдохновила героя, – Л. Н. Толстым¹⁹.

Однако приведенные в статье О. В. Богдановой свидетельства «игры» героя – «обытовленная форма» рассказа о драме евангельского Петра и «подмена “высокого” стиля на “низкий”»²⁰ – могут быть истолкованы (и на самом деле истолковываются так в работах других исследователей) как проявления глубоко личного отношения студента к «вечной» истории предательства Петра, восприятия и Иваном Великопольским трагедии евангельского Петра «всем своим существом», именно так, как восприняли эту историю, тоже «всем своим существом» (С. VIII, 308), и слушательницы студента.

Более чем спорным представляется и другой аргумент, подтверждающий, по мнению автора статьи, «игру» героя и – одновременно – чеховскую иронию над героем: высказывание Чехова (в одном из писем) об интеллигенции, играющей в религию, которому исследователь придает особый смысл, так как именно это «серьезное и важное жизненное наблюдение» писателя и формирует, как полагает О. В. Богданова, «чеховский подтекст»²¹.

Чехов в письме от 30 декабря 1902 г. действительно писал С. П. Дягилеву о том, что «<...> интеллигенция же пока только играет в религию и главным образом от нечего делать» (П. XI, 106). Но эти слова сказаны об участниках религиозно-философских собраний («религиозного движения»), в том числе, вероятно, и о «сытейшем Мережковском» (П. X, 141–142), и Чехов явно не абсолютизировал это «наблюдение». Что же касается героя рассказа «Студент», написанного задолго до этих «игр в религию» на религиозно-философских собраниях, то Иван Великопольский, скорее, представляет ту Россию, которую Чехов (в том же письме 1902 г.) отделял чертой от «религиозного движения» «в интеллигенции»: «Вы пишете, что мы говорили о серьезном религиозном движении, – отвечает Чехов С. П. Дягилеву и уточняет: – Мы говорили про движение не в России, а в интеллигенции. Про Россию я ничего не скажу <...>». А далее как раз и следуют приведенные выше слова об игре интеллигенции в религию (П. XI, 106).

Однако спорным в статье представляется не только то, что О. В. Богданова называет «чеховским подтекстом», но и то, что определяется как «толстовский дух», также ставший, как предполагает автор статьи, объектом «легкой насмешки» Чехова²². Не включаясь в дискуссию о духовно-творческих перипетиях в отмеченных серьезными противоречиями отношениях Чехова и Толстого, уже не раз бывших предметом глубоких исследований и приводивших их авто-

ров к полярным итогам, выскажем, прежде всего, сомнение в соотносительности идеи «духовного воскресения и перерождения» человека (в сущности, общечеловеческой) и мысли о «правде и красоте», направляющих человеческую жизнь и определяющих ее единство, именно и только с Л. Н. Толстым. Сомнение вызывает и возможность «легкой насмешки» автора «Студента» над этими идеями.

Мысль об общечеловеческой связи, которая и дала герою Чехова ощущение «радости» и стала источником его нравственного воскресения, исследователи справедливо признают основной той «новой философии», которая формируется после пережитого писателем духовного кризиса. Отражение этой «новой философии», «соединяющей человека и мир в гармоничном и плодотворном “сотрудничестве”»²³, чеховеды находят не только в рассказе «Студент». «Чувство духовной слитности с окружающим», «ощущение себя частью великого целого» обоснованно определяется исследователями как важная интенция в творческих исканиях Чехова 1890-х гг.²⁴

Формы репрезентации этого представления о единстве мира различны. Чеховские герои могут создавать образ Мировой души, как писатель Треплев, или подтверждать ее существование своими жизненными наблюдениями, как Дорн («Чайка», 1895), или размышлять об «одной душе» и «общей мысли», соединяющей людей, как следователь Лыжин («По делам службы», 1899), внезапно осознавший связь «отрывков жизни» с «одним организмом, чудесным и разумным, для того, кто и свою жизнь считает частью этого общего и понимает это» (С. X, 99).

Как правило, эти размышления героев о духовной связи между людьми резко контрастируют с подлинными взаимоотношениями персонажей. Но сама идея существования «общей мысли» и «одной души», духовной связи, соединяющей человечество, никогда не становится предметом иронии, не опровергается ни как ложная, ни как иллюзорная. И главное: эксплицируемая героями, она имплицитно утверждается и Чеховым. Об этом свидетельствует целый комплекс чеховских приемов, доказывающих именно существование духовной связи между людьми, которую они могут и не замечать: это и «общие точки» между героями, их «частичное» двойничество, одинаковые слова и даже одинаковые мысли нередко очень разных героев и т. д.²⁵

Сама идея о существовании общечеловеческой связи, о «непрерывной цепи событий», связывающей прошлое и настоящее, прозвучавшая в финальных переживаниях героя «Студента» и, несомненно, значимая и для автора рассказа, восходит к разным источникам (философским идеям Вл. Соловьева, А. Шопенгауэра, Н. Минского и др.), уже в основном установленным исследователями²⁶. Непосредственным литературным источником могли быть (и, скорее всего,

действительно были) и произведения Л. Н. Толстого, герои которого в минуты прозрения осознавали себя (как и чеховский герой) именно «звеном» «огромного, гармонического целого», «бесчисленного количества существ, в которых проявляется божество <...>»²⁷. И для поэтики произведений Л. Н. Толстого одним из основополагающих становится представление об особенной связанности многообразных явлений, которое исследователи называют «всеобщим резонансом» и истолковывают как проявление идеи всеединства²⁸.

Однако, думается, можно назвать и еще одно имя в числе тех авторов, чей идеал единства мира оказал влияние и на концепцию мира Л. Н. Толстого, и на формирование «новой философии» Чехова. Это Данте, автор «Божественной Комедии».

Идея единства мирового целого – одна из доминирующих в творчестве Данте, воспринимавшего человечество и как «некое целое, состоящее из частей», и как «некую часть по отношению ко всей вселенной»²⁹. Видя свою задачу в том, чтобы «вырвать живущих в этой жизни из состояния бедствия и привести к состоянию счастья»³⁰, и объясняя эти бедствия «распадом мира», Данте, как утверждают исследователи, «по-своему пытался преодолеть этот распад» в «Божественной Комедии»: основополагающим для ее поэтики является именно «ощущение внутреннего единства мира людей и природы» (идеальным воплощением которого оказывается дантовский рай)³¹, а сам «мотив нравственного очищения», сопутствующего Данте-герою, соотносился именно со «стремлением к общности с миром <...>»³².

Но позволяет ли это совпадение идеалов Чехова и Данте говорить именно о дантовских мотивах в рассказе 1894 г.? Следует отметить, что проблема «Чехов и Данте» сравнительно мало исследована и относится к числу периферийных в чеховедении, что можно объяснить крайне редким упоминанием Чеховым и его героями имени Данте и его «Божественной Комедии». Тем не менее, и чеховеды, и дантоведы признают многоаспектность связей между творческим наследием Данте и чеховскими исканиями, в частности, пишут о «влиянии (тщательно прикровенном, но для внимательного специалиста очевидном)» «Божественной Комедии» на решение Чехова ехать на остров Сахалин³³ и отмечают весьма значительный «дантовский» слой в произведениях писателя, прежде всего, отразивших его впечатления от этой поездки (в книге «Остров Сахалин» и в рассказе «В ссылке», 1892)³⁴. Но дантовские аллюзии появляются в чеховских произведениях, написанных и до поездки, и много позднее: сама метафора жизнь-как-ад (например, в рассказе 1885 г. «Циник»³⁵) или жизнь-как-смерть (в монологе Андрея Прозорова, героя драмы «Три сестры») эксплицитно или им-

плицитно отсылает к дантовскому «Аду»³⁶, возможно, – к описанию «безрадостных» жителей города Дита, находящегося в пятом круге Ада³⁷.

Рассказ «Студент», не связанный темой жизни-как-ада с другими «дантовскими» произведениями Чехова, вполне объяснимо не упоминается как часть «дантовского текста» русской литературы. Однако можно предположить, что Данте был близок Чехову не только описаниями «страждущих селений». Речь действительно может идти о многоаспектном «диалоге с Данте», включающем и проблему идеала человеческого существования.

Безусловно, можно найти и другое объяснение «общих точек» между писателями: они могли быть следствием не сознательного «диалога с Данте», в который вступал Чехов, а «литературного припоминания при воспроизведении сходных тем», если воспользоваться выражением А. Л. Бёма³⁸. Такое предположение, например, может возникнуть при сравнении сюжетных коллизий «Студента» и первой песни «Ада»: духовная драма Данте-героя, описанием которой начинается «Божественная Комедия», также переживается и преодолевается в «день кончины Спасителя», в вечер Страстной пятницы (вероятно, как полагают дантоведы, пришедшейся на 25 марта³⁹).

Но есть и более веские основания для возможных параллелей – на дантовский «след» указывает и поэтика «Студента»: несомненная символическая связь физического и духовного пути Ивана Великопольского, выбор опорных локусов, маркирующих этот путь и являющихся «природными» эквивалентами духовных перипетий, ключевые образы-символы, имеющие параллели в первой песне «Ада» (мрака – света, запада – востока и др.), а также мотив оглядки на пройденный путь как условия восхождения, означающего не завершение, а, вероятно, начало трудного пути героя. Все эти «мелочи», уже «заботливо собранные» исследователями и представляющие чеховский рассказ как «пасхальный», свидетельствуют, думается, также о «диалоге с Данте».

Учитывая многочисленные интерпретации чеховского рассказа, в том числе и сквозь «призму» пространственности, отметим только символично-композиционную функцию локусов в описании пути героя, имеющих, вероятнее всего, и «дантовские» коннотации: точками на пути студента Ивана Великопольского становятся *лес*, *костер на лугу у реки*, *переправа через реку и гора*. Каждому из них соответствует новый поворот душевно-духовных переживаний героя: *смятение, отчаяние*, *вселенская тоска*, затем – *«невъизримо сладкое ожидание счастья»* (С. VIII, 309).

Чеховский «язык» пространственных представлений, как известно, крайне сложен, в том числе и потому, что «энергия» символизации в произведениях писателя неочевидна: локус, пре-

жде всего, – слагаемое ландшафта, отмеченного конкретными реалиями, и конкретика как будто исключает символические коннотации. Исследователи, подчеркивая характерность локусов «Студента» для русского деревенского ландшафта, тем не менее, признавали возможность и символических коннотаций⁴⁰. Но, думается, эти символические коннотации активизирует, прежде всего, последовательность локусов: она складывается в пространственную аллегория (лес – луг – гора), уже более отчетливо указывающую на первую песнь дантовского «Ада». «Точками» в знаменитом духовном странствии Данте-героя, предшествовавшем нисхождению в Ад, тоже были, как известно, «сумрачный лес», «тьма долины», «холмное подножье»⁴¹, и каждый из этих локусов соответствовал разным этапам духовного пути героя.

Думается, такая ассоциация не относится к числу интертекстуальных излишеств и попыток (воспользуемся известными словами Чехова) «свалить все на текст» (П. IX, 30), правда, не Евангелия, а «Божественной Комедии». Возможность аллюзии подтверждают и другие параллели с первой песнью «Ада» в «Студенте»: свои варианты обретают в чеховском рассказе и опорные образы и мотивы в описании начала странствия Данте-героя – ужаса, мрака (сумрака), сна как метафоры душевной слабости (правда, не самого героя, а евангельского Петра), восхождения, мотив обращенного назад взгляда.

В начале первой песни «Ада», где описывается душевное смятение героя (а именно состояние душевной смуты переживает и чеховский студент), пространственные образы и опорные мотивы имели, как известно, четыре смысла (буквальный, аллегорический, моральный и анагогический, т. е. сверхсмысл⁴²): маркируя «физический» путь героя, они оказывались и слагаемыми в картине души Данте-героя, и знаками сверхсмысла его пути.

В рассказе Чехова аллегорические смыслы тех же локусов и мотивов, казалось бы, утрачивают доминирующие у Данте позиции. Однако и в чеховском повествовании символический смысл природных образов и локусов постепенно открывается, прежде всего, благодаря «припоминанию» «схожей темы» в дантовской песне. И в чеховском рассказе лес, где «неуютно, глухо и нелюдимо», косвенно представлен причиной душевной смуты героя (С. VIII, 306). Традиционная (в том числе и дантовская) семантика локуса леса как символа «жизни, исполненной заблуждений, обуреваемой страстями»⁴³, и как места, где обитают силы, враждебные человеку⁴⁴, является периферийной, но она также включается в «пейзаж души» чеховского героя, как и имеющие «двойную» семантику мотивы сумрака, холода, глухоты. И сам герой чувствует связь собственных душевных переживаний с состоянием природы, которой тоже «жутко», воспринимая эту

«жуткость» как причину нарушения мирового порядка, так как «вечерние потемки спустились быстрее, чем надо» (С. VIII, 306).

Далее чеховский герой идет «во тьме долины» (воспользуемся образом Данте), причем «холодная вечерняя мгла», в которой все пространство *кругом*⁴⁵ «сплошь утопало», также оказывается символическим эквивалентом душевного отчаяния героя, вызванного мыслью о неизменности «ужаса», тоски, пустыни, мрака, чувства гнета в человеческой жизни (С. VIII, 307)⁴⁶. Свидетельством глубины отчаяния, переживаемого героем, становится не только непризнание смысла земной жизни, но и разрывание последней нити, связывающей его с этой земной жизнью: ему не хочется возвращаться в родной дом (С. VIII, 307).

У костра рядом с *рекой*⁴⁷ студент рассказывает двум вдовам об отречении Петра. Причины воспоминаний именно об этом событии вечера Страстной пятницы не объясняются автором, но очень личные ноты в рассказе о переживаниях отреченного от Христа Петра (как и, думается, свидетельствующая о внутренней драме странная охота на птиц студента духовной академии в Страстную пятницу, о чем уже писали исследователи) косвенно указывают на связь евангельского события с душевной смутой героя.

Весь дальнейший путь студент, вновь вернувшись в «потемки», под власть «жесточкого ветра» и «зимы», думает о слезах Василисы, плакавшей так, как будто «все, происходившее в ту страшную ночь с Петром, имеет к ней какое-то отношение», и о смущении ее дочери. Причем объяснение причин плача Василисы тем, что она «всем своим существом» (отметим попутно глубокое наблюдение Р. Л. Джексона о евангельских коннотациях этого выражения⁴⁸) была заинтересована «в том, что происходило в душе Петра», сознание связи собственного смятения с переживаниями двух вдов и их общей связи с судьбой евангельского Петра возникает, когда герой *оглядывается* на «одинокий огонь в темноте» (С. VIII, 308).

«Перемена мест» и далее соотносится с душевными переменами. Вера в то, что «правда и красота» направляли «человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника», и что они «продолжались непрерывно до сего дня и, по видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле» (С. VIII, 309), а значит, что отступничество и душевная мука – не итог пути, а испытание на этом пути, пробуждает в Иване Великопольском, когда он *переправляется* на пароме *через реку* и поднимается в гору.

Эти подробности также обладают «энергией» символизации: они актуализируют универсальный смысл душевной борьбы героя. Традиционная семантика мотива *переправы через реку*, восходящего к мифологии и фольклору⁴⁹ и, как правило (в том числе и в других чеховских рас-

сказах, например, в рассказе «Святою ночью» (1886)), связанного с мотивом духовного «восстановления» героя, дополняет и углубляет повествование о душевном переломе чеховского героя, переживающего в этот момент новые чувства – молодости, здоровья, ожидания счастья.

Такие же дополнительные смыслы включает в финал чеховского рассказа и описание *восхождения* Ивана Великопольского, идущего в *родную*⁵⁰ деревню и как будто соединяющего взглядом *родную* деревню на востоке и солнце на западе. Символический, сакральный смысл образа горы признается не всеми исследователями. Думается, сама соотнесенность духовного преобразования с мотивом восхождения позволяет говорить об актуализации традиционной (в том числе и дантовской) семантики горы как элемента сакральной топографии и локуса, традиционно связанного с представлением о духовном преобразении. Характерно, что одновременно утрачивает доминирующее значение мотив тьмы, который, казалось бы, должен усиливаться, если учитывать реальное время действия. *Поднимаясь на гору*, идя на восток, герой вновь *оглядывается назад* – на светившуюся узкой полосой «холодную багровую зарю» (С. VIII, 309).

Дважды повторяющийся мотив обращенного назад взгляда героя тоже, скорее всего, содержит символические коннотации и аллюзию – на признание Данте-героем оглядки назад, воспоминания о пережитых духовных заблуждениях (грозящих духовной смертью) необходимым условием для восхождения, с которого начинается новый и трудный путь: «И как успевши бурю превозмочь, / Ступив чуть дышущий на брег из моря / С опасных волн очей не сводит прочь: / Так я, в душе еще со страхом споря, / Взглянул назад и взор впери́л туда, / Где из живых никто не возвращался. / И отдохнув в пустыне от труда, / Я вновь пошел <...>»⁵¹.

Скорее всего, «таинственное счастье», о котором мечтает герой, и «радость», которая волнует в его душе (С. VIII, 309), – иллюзии, знакомые, кажется, всем чеховским героям. Но неосуществимость мечты о личном счастье, как уже отмечалось выше, не ставит под сомнение истинность прозрения героя о «правде и красоте» как законах человеческой жизни, определяющих ее неразрывное единство.

Возможно, отмеченные в рассказе «Студент» знаки «идеологической солидарности» с Данте могли быть следствием чеховского «кузнания» своих же мыслей в мысли другого» – т. е. примером «встречи» писателей, как эти случайные совпадения называли младшие современники Чехова, – те самые интеллигенты, которые «играли в религию»⁵². Однако множественность отсылок к дантовской песне позволяет предположить и более глубокую связь между нравственно-философскими исканиями Данте и Чехова, включив и

рассказ «Студент» в «дантовский текст» русской литературы.

Примечания

- 1 Собенников А. «Между “есть Бог” и “нет Бога”...». Иркутск, 1997. С. 138.
- 2 См.: Богданова О. Самый любимый рассказ А. П. Чехова // Звезда. 2019. № 1. С. 214–224.
- 3 См.: Злочевская А. Рассказ А. П. Чехова «Студент» // Русская словесность. 2001. № 8. С. 24–29.
- 4 Богданова О. Указ. соч. С. 215.
- 5 Джексон Р. «Человек живет для ушедших и грядущих» (О рассказе А. П. Чехова «Студент») // Вопр. литературы. 1991. № 8. С. 128.
- 6 Там же.
- 7 См.: Капустин Н. О библейских цитатах и реминисценциях в прозе Чехова конца 1880-х – 1890-х годов // Чеховиана : Чехов в культуре XX века. М., 1993. С. 24.
- 8 Богданова О. Указ. соч. С. 218–220.
- 9 См.: Чехов А. Полн. собр. соч. : в 30 т. М., 1974–1983. Сочинения : в 18 т. Письма : в 12 т. Т. 8. С. 307. В дальнейшем произведения А. П. Чехова цитируются по этому изданию; в скобках буквой «С» обозначаются Сочинения, «П» – Письма, римской цифрой – том, арабской – страница.
- 10 Джексон Р. «Человек живет для ушедших и грядущих»... С. 125.
- 11 Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М., 1998. С. 23.
- 12 См.: Есаулов И. Авторский тест и православный подтекст у Чехова // Есаулов И. Русская классика : новое понимание. СПб., 2017. С. 267–294.
- 13 См.: Джексон Р. «Человек живет для ушедших и грядущих»... С. 121–130.
- 14 См.: Собенников А. Указ. соч. С. 121–141.
- 15 См.: Разумова Н. Размыкание круга : Сибирские истоки рассказа А. П. Чехова «Студент» // Вестн. Том. гос. пед. ин-та. 1999. Вып. 6 (15). С. 16–22.
- 16 См.: Богданова О. Указ. соч. С. 215–224.
- 17 См.: Собенников А. Указ. соч. С. 121.
- 18 Богданова О. Указ. соч. С. 223.
- 19 Там же. С. 215, 223.
- 20 Там же. С. 221.
- 21 Там же. С. 223–224.
- 22 Там же. С. 215, 223.
- 23 Разумова Н. Указ. соч. С. 17.
- 24 Головачева А. Монолог о «мировой душе» («Чайка») в творчестве Чехова 1890-х годов // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История. Язык. Литература. 1981. № 2, вып. 1. С. 52.
- 25 О приемах воплощения идеи более подробно см.: Мокина Н. Идея «общей мировой души» и формы ее репрезентации в произведениях А. П. Чехова и Ф. Соллогуба // «Чайка». Продолжение полета : по материалам Третьих международных Скафтымовских чтений «Пьеса А. П. Чехова “Чайка” в контексте современного искусства и литературы» – к 120-летию со дня напи-

- сания и 125-летию со дня рождения А. П. Скафтымова (Саратов, 5–7 октября 2015 г.). М., 2016. С. 246–250.
- 26 См.: *Мурьянов М.* О символике чеховской «Чайки» // *Чеховиана. Полет «Чайки»*. М., 2001. С. 206–221.
- 27 *Толстой Л.* Собр. соч. : в 12 т. Т. 4. М., 1984. С. 121.
- 28 *Сливицкая О.* О поэтической антропологии Л. Н. Толстого // *Рус. лит.* 2016. № 3. С. 177.
- 29 *Данте Алигьери.* Малые произведения. М., 1968. С. 311.
- 30 Там же. С. 389.
- 31 См.: *Елина Н.* О художественном своеобразии «Божественной Комедии» // *Данте и всемирная литература* : сб. ст. / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького ; под ред. Н. И. Балашова [и др.]. М., 1967. С. 85, 101.
- 32 *Гайдук В.* К вопросу о цветовой символике «Божественной Комедии» Данте // *Дантовские чтения*, 1971 : сб. ст. / под общ. ред. И. Бэлзы. М., 1971. С. 174.
- 33 См.: *Кара-Мурза А.* Чехов и Данте (к истории итальянских путешествий А. П. Чехова) // *Проблемы российского самосознания : мировоззрение А. П. Чехова* : материалы 7-й Всерос. конф. (Москва, Ростов-на-Дону, 12–16 октября 2010 г. / под общ. ред. С. А. Никольского. М., 2011. С. 163.
- 34 См.: *Джексон Р.* Мотивы Данте и Достоевского в рассказе Чехова «В ссылке» // *Чехов и Достоевский. По материалам Четвертых международных Скафтымовских чтений* (Саратов, 3–5 октября 2016 г.) : сб. науч. работ. / редкол. : А. Г. Головачева (отв. ред.) [и др.]. М., 2017. С. 358–367.
- 35 Там же. С. 359–360.
- 36 См.: *Кара-Мурза А.* Указ. соч. С. 163.
- 37 См.: *Долженков П.* Мотивы и образы «Божественной Комедии» Данте в произведениях Чехова // *Дантовские чтения*, 1998 : сб. ст. / под общ. ред. А. А. Илюшина. М., 2000. С. 78–88.
- 38 *Бём А.* «Сумерки героя (Этюд к работе : Отражение «Пиковой дамы» в творчестве Ф. М. Достоевского) // *Достоевский Ф. М. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»*. Антология русской критики / сост., подгот. текста, посл., коммент. Л. И. Сараскиной М., 1996. С. 667.
- 39 Споры по поводу точной даты см.: *Адъ Данта Алигьери / Перевел с итальянского размером подлинника Дмитрий Минь. М., 1855. С. 363.*
- 40 См.: *Собенников А.* Указ. соч. С. 137, 141.
- 41 *Данте Алигьери.* Божественная Комедия / пер. М. Лозинского. М. ; Л., 1950. С. 3. В переводе Д. Мина, в котором, возможно, Чехов читал «Божественную Комедию», лес – «дикий», «темный» и «лютый» (См.: *Адъ Данта Алигьери. С. 7.*)
- 42 См.: *Данте Алигьери. Пир* // *Данте Алигьери. Малые произведения*. М., 1968. С. 135–136.
- 43 *Адъ Данта Алигьери. С. 7–8.*
- 44 См.: *Соколов М. Лес* // *Мифы народов мира : энциклопедия* : в 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 49–50.
- 45 Можно предположить, что аллюзию на дантовский «Ад» содержит и повторяемое слово «кругом»: оно имплицитно представляет героя внутри круга, где все подчиняется власти тьмы и где все кажется «ужасом».
- 46 Психологическое состояние чеховского героя также представляет параллель переживаниям Данте, которому «дол» сжал сердце «ужасом и дрожью» (*Данте Алигьери. Божественная Комедия. С. 3.*)
- 47 Возможная параллель чеховской *реки* в дантовской песне – «море» (в переводе Д. Мина) или «пучина пенная» (в переводе М. Лозинского) как символ пережитого испытания (См.: *Адъ Данта Алигьери. С. 7; Данте Алигьери. Божественная Комедия. С. 3.*)
- 48 См.: *Джексон Р.* «Человек живет для ушедших и грядущих»... С. 128.
- 49 См.: *Топоров В. Река* // *Мифы народов мира. Т. 2. С. 376.*
- 50 О дополнительных коннотациях эпитета см.: *Собенников А.* Указ. соч. С. 141.
- 51 *Адъ Данта Алигьери. С. 10.* Здесь же см. комментарий переводчика.
- 52 *Гиппиус З.* О любви // *Русский Эрос, или Философия любви в России* / сост. В. П. Шестаков. М., 1991. С. 187.

Образец для цитирования:

Мокина Н. В. Дантовские мотивы в рассказе А. П. Чехова «Студент» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 59–64. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-59-64>

Cite this article as:

Mokina N. V. Dante's Motives in A. P. Chekhov's Story *Student*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 59–64 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-59-64>

УДК 821.111.09-3+929Хилтон

Образ России в «Рыцаре без доспехов» Джеймса Хилтона

И. В. Кабанова

Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ivk77@hotmail.com

На фоне моды в английской путевой прозе 1930-х гг. на отчеты о путешествиях в Россию впервые рассматривается образ России в романе английского писателя Джеймса Хилтона «Рыцарь без доспехов» (1933). Развлекательный роман полузабытого автора противостоит в этом плане политизированной путевой прозе, сочетая в образе России общие стереотипы западной культуры о России с рядом оригинальных оттенков в смысле образа и способа его создания.

Ключевые слова: образ России, Джеймс Хилтон, шпионский роман, пространство, национальный характер, история.

Russia in James Hilton's *Knight Without Armour*

I. V. Kabanova

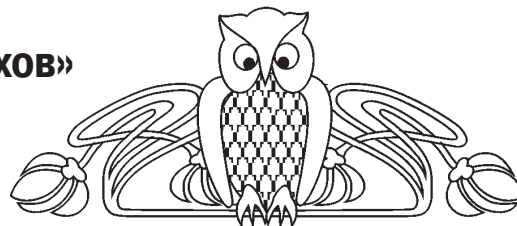
Irina V. Kabanova, <https://orcid.org/0000-0003-3545-2763>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ivk77@hotmail.com

Against the vogue for Russia in British travel books of the 1930s, the paper brings back to light James Hilton's novel *Knight Without Armour* (1933), set mainly in Russia in Revolutionary years. This entertainment novel is shown to lack the excessive political stance on Russia found in the travel genre of the period. Hilton creates a nice balance between general Western stereotypes of Russia and his individual vision, thus normalizing the reception of Russia for Western reader.

Keywords: image of Russia, James Hilton, spy novel, space, national identity, history.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-65-70>

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. – пора дипломатического признания СССР со стороны Великобритании (1929) и США (1933), пора учреждения «Интуриста» (1929) для организации поездок западных туристов в Советскую Россию, пора активизации деятельности Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), пропагандировавшего успехи Советского Союза среди зарубежных деятелей науки и культуры. Среди факторов, обуславливающих беспрецедентный рост интереса широких кругов западного читателя в этот период к опыту русской революции, к реалиям советской жизни, на первом месте следует назвать экономический кризис 1929 г. и его последствия. Великая депрессия 1929–1939 гг. заставила многих англичан усомниться в действенности их модели ры-

ночной экономики и либерального государства и обратить внимание в качестве возможной – а для некоторых неизбежной – альтернативы на социалистическое планирование и государство диктатуры пролетариата, которое возникло в России. Мировой экономический кризис, больно ударивший по миллионам людей по обе стороны Атлантики, создал благоприятную почву для роста популярности социалистической идеи и страны, где, как тогда казалось, эта идея торжествовала, наглядно воплощалась в реальность.

Не следует также недооценивать успешность советской пропаганды на Западе, которая искусно формировала образ СССР как страны, разрешившей все самые острые для западного общественного мнения проблемы: Советская Россия изображалась как общество, покончившее с эксплуатацией, создавшее всеобщее подлинное равенство на основе коллективного владения средствами производства; здесь нет места безработице, разрешены религиозный, национальный и женский вопросы, здесь самые справедливые в мире законы. Но главный подспудный тезис советской пропаганды, столь привлекательный для кризисного сознания Запада, – в Советской России возник «советский человек», небывалый в истории тип личности, цельный и свободный, лишенный мучительной внутренней борьбы, унаследованной современным западным сознанием от христианства. Правда о коллективизации, о цене индустриализации, о внутренних последствиях сталинского тезиса об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма, о голоде и лагерях замалчивалась, а в ряде случаев, когда она прорывалась на страницы западной прессы, западные корреспонденты в Москве выступали с ее опровержениями.

После 1929 г. в Россию устремился поток визитеров с Запада – общественных деятелей, писателей, просто любопытствующих, многие из которых по возвращении публиковали книги и брошюры об увиденном. Документальные свидетельства о Советской России составили отдельный поджанр в британской путевой прозе 1930-х гг.¹ Это были либо отчеты официальных делегаций профсоюзов, представителей местных рабочих и молодежных ассоциаций, либо впечатления о краткой поездке по утвержденному «Интуристом» маршруту, либо ангажированные, тенденциозные памфлеты, в которых русский материал служил авторам только аргументом для утверждения их политических взглядов. В свою

очередь, эти репортажи повышали меру актуальности советского опыта для Запада.

Относительно малочисленными были романы на русском материале, поскольку роман требует иной степени погружения в материал, более глубокого проникновения в описываемую действительность, чем это доступно туристу или человеку, путешествующему с профессиональными целями. Роман, как правило, имеет более глубокое и длительное воздействие на читателя по сравнению с документальными жанрами, больше влияет на формирование читательских представлений и стереотипов. Историки литературы 1930-х гг. обычно говорят о малой эстетической ценности «русской» путевой прозы, коллективно упрекая ее авторов в том, что они впопыхах спешили присоединиться к новейшей интеллектуальной моде, проявляя при этом политическую наивность или идеологическую незрелость². Тем более в этих работах редко упоминаются полузабытые сегодня романы о России, поскольку, согласно общепринятому мнению, только А. Кёстлеру удалось раскрыть глаза англоговорящего мира на ужасающую правду о Советской России в романе «Слепящая тьма» («Darkness at Noon», 1941). Тем любопытней взглянуть на однажды выходившие и более не переиздававшиеся английские романы о России, выпавшие из поля зрения историков литературы. Рассмотрим один из них – роман «Рыцарь без доспехов» («Knight Without Armour», 1933) Джеймса Хилтона. В центре анализа будет прежде всего смысловая наполненность образа России; при этом будут затронуты вопросы поэтики романа.

Джеймс Хилтон (1900–1954), автор двадцати романов, восьми сборников рассказов и нескольких сценариев для Голливуда, лауреат премии «Оскар» за лучший сценарий 1942 г., был автором многочисленных бестселлеров. Два его романа переиздаются по сей день: «Прощайте, мистер Чипс» («Good Bye, Mr. Chips», 1934) и «Потерянный горизонт» («Lost Horizon», 1934). В последнем Хилтон создает вымышленную тибетскую страну Шангри Ла, название которой стало символом интереса к восточной эзотерике в западной культуре XX в. «Рыцарь без доспехов» принадлежит к периоду расцвета таланта Хилтона-романиста. В 1937 г. роман был экранизирован студией «Лондон филмз» ведущего британского кинодеятели десятилетия Александра Корды. Режиссером фильма выступил бельгиец Жак Фейдер, известный мастер кинематографа «поэтического реализма»; звезды первой величины Марлен Дитрих и Роберт Донат в главных ролях обеспечили фильму не только признание критики, но и кассовый успех. Широкая популярность фильма и романа объясняется, прежде всего, авантюрным сюжетом – английский шпион спасает русскую аристократку от ужасов революции и гражданской войны, а также тем, что роман вливается в актуальную дискуссию о Рос-

сии, сочетая стереотипность и оригинальность в изображении событий недавней русской истории. Поскольку Хилтон никогда не бывал в России, можно предположить, что сюжет и изображение России в романе многим обязаны фигурам по крайней мере двух британских разведчиков.

Исчезновение в России Сиднея Рейли в 1925 г. стало национальной сенсацией; в момент публикации «Рыцаря без доспехов» его судьба все еще не была прояснена. Обилие сенсационных публикаций о Рейли, особенно печатавшийся в газете «Ивнинг Стандарт» в 1931 г. комикс «Главный шпион» («Master Spy»), способствовало превращению Рейли в массовом сознании в прототипический образ английского шпиона, на который будет ориентироваться Йэн Флеминг при создании Джеймса Бонда. В 1932 г. появилась и нашумевшая книга Р. Г. Брюса Локхарта «Мемуары британского агента» («Memoirs of a British Agent»), рассказывающая о его участии в революционных событиях в России. Только для Рейли и Локхарта русская революция означала работу в столицах по свержению большевистского правительства, а для героя Хилтона, давно выдающего себя за русского, революция протекает в Сибири и Поволжье, в гуще русского народа. Хотя мы не можем однозначно утверждать, что Хилтон использовал эти источники, стоит отметить сходство отдельных имен и деталей в описании России у Хилтона с историями Рейли и Локхарта.

Роман начинается с некролога в «Таймс» от 19 октября 1929 г., извещающего о смерти в ирландском отеле на сорок девятом году жизни Эйнсли Джергвина Фозергилла, сына провинциального священника, выпускника Кембриджа, который в молодости был журналистом в Лондоне, но решил «искать счастья за границей» («to seek his fortune abroad»)³. После 1920 г., говорится в некрологе, он был связан с промышленностью и стал автором стандартного руководства по производству каучука на плантациях. «Fortune» – слово с двумя значениями; в контексте некролога оно скорее означает «состояние, богатство», поскольку далее речь идет о том, что Фозергилл разбогател на каучуке; но второе значение – «счастье», и это значение очень важно для интерпретации смысла русского опыта героя. За этим официальным подведением итогов вроде бы ничем не примечательной жизни следует обмен мнениями о покойном, после его похорон по католическому обряду, в баре ирландского отеля, где он провел последний месяц жизни. Хозяин отеля плохо отзывается о Фозергилле, потому что эта смерть не идет отелю на пользу и он всего раз заказал спиртное, а хозяйка прямо говорит о том, что он ухлестывал за другой постоялицей, молоденькой американкой, которая годится ему в дочери. Она обвиняет мать девушки, которая якобы хочет поймать для дочери богатого немолодого жениха, и тот факт, что американки съе-

хали в день кончины Фозергилла, для хозяйки является доказательством ее подозрений. Скучным заносчивым бизнесменом и стареющим ловеласом предстает герой в прологе к роману, с тем чтобы создавался более значимый контраст с его истинным обликом и родом занятий.

Далее повествование ведется как психологизированный, реалистический роман о жизни героя. Довольно подробно дана история его сиротского детства и жизни в лондонском доме богатого дяди, его средних успехов в школе и университете. Эй Джи (как он именуется в авторском повествовании, под каким бы именем ему ни приходилось выступать) начинает свой жизненный путь как застенчивый, несколько упрямый, очень симпатичный молодой идеалист, без особого призвания. Он подвергается краткому аресту за участие в акции суфражисток, и восьмидесятилетний дядя, накануне женитьбы на своей молодой секретарше, к которой герой испытывает романтический интерес, в последний раз дает племяннику денег, чтобы тот убрался за границу. Первая и последняя, «английские» части романа, отличаются более тонкой нюансировкой повествования по сравнению с тремя центральными, «русскими» частями.

Эйнсли попадает в Россию зимой 1904–1905 г. в качестве военного корреспондента лондонской газеты, и во время путешествия по Транссибирской железной дороге, и позже в Харбине и Мукдене он, не зная русского языка, чувствует себя среди добрых, непринужденных, смешливых русских взрослым среди детей. В день начала операции под Мукденом он заболевает дизентерией и, едва выжив, к концу своего пребывания в госпитале обнаруживает, что может общаться по-русски. Газета не намерена печатать его статьи, полные симпатии к русским солдатам, и отказывается от его услуг; на обратном пути в Европу Эйнсли, лишь бы не возвращаться в Лондон, принимает предложение случайного попутчика стать учителем английского языка в частной школе в Ростове-на-Дону. Четыре года спустя, уже в Петербурге, накануне высылки из страны по распоряжению охранки, в совершенстве овладевшего русским языком Эйнсли вербует английская разведка и внедряет его в революционное подполье под именем Петра Уранова. Его задача – ни во что не вмешиваться, просто информировать, но он оказывается замешан в дело о покушении на министра и без суда попадает в ссылку к северу от Якутска, откуда его через восемь лет освобождает Февральская революция. Основная часть романа повествует о приключениях Эй Джи на посту комиссара сибирского городка, где он пытается обеспечить жителям нормальную жизнь среди хаоса Гражданской войны, о его постепенно возникающей любви к важной пленнице, графине Марии Адраксиной, которую ему поручено доставить в Москву, и о том, как вместо этого они

пытаются бежать на Юг. Однако Дэли, как он зовет возлюбленную, умирает от тифа в Саратове, взяв с Эй Джи слово, что он вывезет из России маленькую княжну, родственницу Романовых, которую укрывают в Саратове верные слуги. На пути через линию фронта Эй Джи и девочка едва не погибают, их спасает Американская миссия помощи в России, которая отправляет ребенка в США в приемную семью, тогда как сохранивший документы о происхождении девочки Эй Джи покидает Россию летом 1919 г., воссоединяется с братом и становится управляющим на его каучуковой плантации в Малайзии.

В заключительной, пятой части романа Эй Джи через 23 года возвращается в Лондон, видится со вдовой своего дяди, узнает от доктора, что может умереть в любую минуту, и получает известие о том, что та, кого он разыскивает, с матерью в настоящее время находится в Ирландии. Здесь, подле девушки, которая не помнит ничего из своего русского детства и не подозревает, кто она такая, в которой он видит последнюю живую связь с Дэли, он принимает решение не выталкивать княжну в опасный мир большой политики и уничтожает документы о ее рождении. Эй Джи умирает абсолютно счастливым человеком.

Характер главного героя призван служить воплощением кодекса английского джентльмена, в котором за сдержанным, скучноватым фасадом скрывается умение глубоко мыслить и чувствовать. За кого бы герою ни приходилось выдавать себя в России – за студента Петра Уранова, за ссыльнокаторжного, за полковника Николая Андреева, за комиссара или простого крестьянина, за графа Адраксина, – окружающие всегда ощущают его внутреннюю силу, он вызывает уважение. Его героизм носит повседневный характер и заключается в следовании долгу человечности в любых обстоятельствах. Долгие периоды бездействия, духовного оцепенения сменяются у него необходимостью принятия решения в исключительных обстоятельствах; тогда он проявляет фантазию, знание человеческой природы, хладнокровие. Пятнадцать лет в России не делают из героя русского человека; Эй Джи – персонаж с достаточно условным внутренним миром. Интрига в романе также страдает известной ходильностью: основная сюжетная ситуация сводится к формуле «рыцарь, спасающий даму в беде», только против беды такого масштаба, как революция, бессильны любые рыцарские доспехи. Ежедневный риск одновременно истощает Эй Джи и Дэли и заставляет их острее ценить красоту жизни, каждое мгновение, проведенное вместе.

Образ России в романе, однако, получился не просто экзотическим фоном для романтической истории. Разберем его подробнее.

Представление об огромности, бескрайней протяженности русского пространства – это общее место в западной идее России. Эй Джи в

романе впервые проникается симпатией к русским, путешествуя третьим классом на Дальний Восток, на театр военных действия русско-японской войны. Десять дней в поезде не дают в повествовании ни одной пейзажной зарисовки (напомним, Хилтон не бывал в России, пейзаж в романе минимален и шаблонно-символичен). На протяжении всего этого времени герой либо погружен в русскую грамматику, либо, пока не понимая языка, удивляется обходительности и юмору попутчиков, русских солдат, следующих на фронт. Транссибирская магистраль приковывала к себе воображение многих на Западе, о ней уже были написаны многочисленные английские и американские книги. Транссибирская железная дорога становится в центральных частях романа основной осью художественного пространства; автор упоминает не только реально существующие города (Иркутск, Красноярск, Екатеринбург), но и вымышленные городки романа располагаются вдоль Транссиба, или указывается, на каком расстоянии от него. Эта железная дорога в романе дает герою передышку по пути на каторгу, катапультирует его на обратном пути, как гоголевского Хлестакова, в кресло комиссара Временного правительства в Сибири, здесь происходит его сближение с Дэли. Интересно, что действие романа мало затрагивает европейскую часть России – эпизоды в Ростове-на-Дону, Петербурге, Саратове не содержат топографических деталей и описаний отличительных черт городов, железнодорожная сеть этой части страны не играет почти никакой роли в повествовании, потому что на последнем этапе своего пути герои идут пешком, а от Самары до Саратова двадцать дней сплавляются по Волге на барже, где прячутся среди груза бревен.

Длительность и затрудненность перемещений персонажей уже способствует созданию ощущения протяженности пространства. Автор к тому же использует множество подлинных географических названий с карты Российской империи, которые употребляют случайные встречные Эй Джи, рассказывая о своих скитаниях. Но основные события в романе происходят в вымышленных городках (Таркаровск, Халинск, Новародар), чьи имена образованы как созвучные реальным Хабаровску, Южно-Сахалинску, Павлодару. Все эти поначалу процветающие города подвергаются нашествию беженцев, погромам, переходят то к красным, то к белым, в каждом городке особым пространством выступает тюрьма, зона расстрелов. В конечном счете города означают для героев смертельную опасность. В деревнях, считает Эй Джи, люди добрее и менее склонны к предательству. Именно крестьяне, хуторяне, на протяжении романа неоднократно укрывают героев от погони, которая разворачивается то в сибирской тайге, то в лесистых уральских предгорьях. Лес со всеми его опасностями, однако, служит героям скорее убежищем,

любовным приютом среди всеобщей ненависти городов.

Пространство России в романе имеет имманентными свойствами холод, стужу, голод и болезни. Ничего уж не говоря об арктической стуже колымского поселения героя, повествование подчеркивает ценность для персонажей зимних обносков, пальто и шинелей, сапог и ботинок. Казалось бы, действие в романе равномерно покрывает смену времен года, но тепла весны и лета в нем нет, что создает впечатление крайней суровости жизни, вечной зимы. С момента своего ареста в Санкт-Петербурге герой романа познает то, на что он раньше не обращал внимания, – ценность еды. С началом революции голод становится нормой жизни, люди от него слабеют и тупеют. В попытках спастись от голода идет штурм поездов на Транссибирской магистрали; желая помочь истощенной попутчице, Эй Джи идет на кражу еды у пассажиров вагона первого класса и убивает человека, выбрасывающего еду в окно купе, лишь бы еда не досталась голодным. В городках, которыми ему приходится управлять, герой своей главной задачей видит организацию карточного снабжения продовольствием. Рука об руку с голодом идут болезни и эпидемии; на протяжении романа герой болеет дизентерией, холерой, тифом, которым заражается от Дэли, а та – от маленькой княжны. Мужчины русской аристократии в романе погибают от рук революционеров, их жены и дочери – от голода и болезней.

Казалось бы, уже в силу профессии героя Россия предстает в романе как пространство повышенного риска. Но это не обычные риски шпионского романа – риск разоблачения, провала операции. Эй Джи как разведчик в романе не активен, а, наоборот, пассивен. Он предупрежден, что в случае неприятностей британское правительство отречется от него; после ареста он утрачивает связь с британской разведкой и отныне полностью предоставлен самому себе. Эй Джи оказывается песчинкой, подхваченной потоком русской истории. После Колымы он испытывает бесконечную усталость, и к полноценной жизни его пробуждает только любовь. Риски России в романе – это, прежде всего, риски ее социального пространства, ее менталитета.

Автор представляет две точки зрения на русский народ. Первая основана на личных впечатлениях героя, отличается гуманностью, сочувствием, важно, что Эй Джи не встает в позу учителя, но авторское повествование выводит на первый план «детскость» русского народа: «Позже он стал видеть в этом периоде [в госпитале в Манчжурии] время, когда он впервые узнал Россию и русских. Начать с того, что он сильно продвинулся в языке. Никто из сестер и пациентов не знал английского, и после трех недель на больничной койке он начал относительно свободно общаться с ними. Больше всего

его поражала общая готовность помочь ему; он не мог себе представить, чтобы так обращались с иностранцем в лондонской больнице. Два его соседа были тяжело ранены, один в живот, другому ампутировали ноги, и оба с искренним удивлением учили его новым словам. Оба были среднего возраста, в тысячах миль на запад у них были жены и дети; оба принимали свою судьбу с фатализмом скорее удивленным, чем стоическим. Читать и писать они не умели, но когда Эй Джи читал им, запинаясь и с ужасным произношением, Гоголя, они зачарованно слушали. Они были очень религиозны и верили в приметы. Не имели понятия, почему их страна воюет с Японией, объясняли войну божьей волей. Ампутант не горевал, скорее, был озадачен. Все произошло так быстро, едва началось сражение; он не успел увидеть никаких врагов; как будто он уехал за семь тысяч миль от дома только затем, чтобы ему оторвало ноги. У него было смутное ощущение, что он чем-то лично обидел японцев. Но мстительного чувства он не испытывал. В палате был тяжелораненый японец, с которым все были очень вежливы и сочувственно говорили о нем между собой»⁴. Для героя русские – простые сердца, наивно открытые миру, привлекательные в своей органичности.

Противоположная точка зрения высказана богатым ростовским учеником Эй Джи, который предостерегает его: «Все они воры и негодяи. Мы это знаем, и они знают, что мы знаем. Они крадут все, что могут, не знают, что такое верность, лгут на каждом шагу. С ними надо обращаться, как с подонками, потому что они и есть подонки. В этом столько же их собственной вины, как и нашей»⁵. На реплику Эй Джи, что среди народа он видел обаятельных людей, которым доверил бы свою жизнь, ученик отвечает: «Хорошо, что не доверили. Очень может быть, что обаятельные, но спорю, что все-таки они разбойники и убили бы вас за гроши. У нашего народа нет морали – разве что внешняя веселость, которая так нравится иностранцам»⁶. Обе точки зрения подтверждаются дальнейшими событиями, разве что повествование подчеркивает национальную принадлежность особо жестоких комиссаров – «еврей». В русских в романе нет никаких особых признаков «славянской души», загадочности или мистицизма, среди них, как и среди англичан, встречаются люди разного склада. Их отличает от людей Запада только привычка к страданию, по сравнению с которым беды западного человека вызывают у героя тайную усмешку.

Роман совершенно необычно изображает события русской революции. Здесь нет специального социально-политического анализа, который подводил бы читателя к пониманию исторической закономерности происходящего, есть только ощущение остроты конфликта между народом и властью, неизбежности взрыва

при описываемой степени поляризации общества. Общая атмосфера беззакония, точнее, возведенного в закон произвола, создается уже в истории вербовки Эй Джи в Санкт-Петербурге, усиливается в описании первого ареста героя. В ссылке он полностью отрезан от цивилизации, ход истории для него прерывается. Весть о свержении царя доходит до Эй Джи в конце апреля 1917 г. Когда он в августе добирается до Иркутска, провожающие его выражают надежду, что «Керенский найдет ему работу в Петрограде»⁷. События Октябрьской революции застают героя в Халинске: «В течение октября беспокойство нарастало, ясно было, что Петроград ускользает из рук умеренных. Потом в ноябре пришла весть о большевистской революции, и в Халинске и подобных местах усилилась тенденция к анархии»⁸. Повествование последовательно следит только за судьбой царской семьи в Сибири, она служит единственным индикатором ступеней развития революции. Роман не упоминает поименно вождей революции, из белых назван только генерал Деникин. Революцию в романе осуществляют присланные из европейской части страны красноармейцы, вдохновляемые комиссарами-агитаторами. Им противостоят такие же безымянные, такие же разбросанные отряды белых и чехов, Гражданская война развивается как по видимости бесцельная чехарда перемещений мелких военных отрядов, сопровождающаяся арестами и казнями. Революция показана как тотальная катастрофа, с точки зрения ее невольного участника, который в обеих сторонах видит зеркальное отражение друг друга и отказывается принять чью-либо сторону. На Эй Джи влияет общая атмосфера обесценивания человеческой жизни, и до встречи с Дэли он готов принять любую судьбу, которая ему уготована. Но любовь заставляет его пробудиться к жизни, начать бороться за выживание, за будущее. Его отношение к России в финальной части романа окрашено благодарностью и ностальгией, только в этой стране он был настоящим жив.

Таким образом, в отличие от предельно политизированной путевой прозы о России 1930-х гг., роман Дж. Хилтона предлагает куда менее специальный, зато более уравновешенный взгляд на Россию начала XX в. как на готовый взорваться котел социального напряжения. Революция поэтому выглядит в романе логическим, неизбежным этапом русской истории. Но Хилтона мало интересуют общественные процессы, ему важнее частная жизнь персонажей, которых он изображает с данной ему в меру таланта реалистической достоверностью. Внешне не отличимый от русских, его герой-разведчик не вовлекается полностью в русскую жизнь, сохраняет свою английскую идентичность. Он стоит в романе «над схваткой» русской революции и Гражданской войны и действует исключительно в своих

личных интересах. Авантюрные эпизоды романа строятся на контрасте любви героев и окружающего их ужаса, постоянной угрозы смерти. Для английского и американского читателя роман, с одной стороны, являл знакомую, ставшую стереотипной Россию (необъятность пространства, мотивы холода, опасности, внутренней противоречивости, детскости народа), а с другой стороны, представлял Россию непривычную (действие не в столицах, в провинции, в полувымышленной Сибири, русские не как демоны или ангелы, а как обычные люди). Тем самым роман «Рыцарь без доспехов» внес свой особый вклад в нормализацию восприятия России в западном сознании не как исторической аномалии, а как страны со специфическим укладом и историей.

Примечания

- ¹ См., например: Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941. М., 2015.
- ² См.: *Cunningham V.* British Writers of the Thirties. Oxford, 1988. P. 396–406.
- ³ *Hilton J.* Knight Without Armour. L., 1933. URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks10/1000051h.html> (дата обращения: 10.11.2019). (Здесь и далее перевод наш. – И. К.).
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Ibid.

Образец для цитирования:

Кабанова И. В. Образ России в «Рыцаре без доспехов» Джеймса Хилтона // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 65–70. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-65-70>

Cite this article as:

Kabanova I. V. Russia in James Hilton's *Knight Without Armour*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 65–70 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-65-70>

УДК 821.161.1.09-3+929Некрасов

Особенности жанра портрета в русской литературе XX века: «Маленькие портреты» В. П. Некрасова

Л. И. Демина

Демина Людмила Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Кубанский государственный университет, Краснодар, de-li@yandex.ru

В статье исследуются особенности жанра портрета в русской литературе XX в. В. П. Некрасов в цикле «Маленькие портреты» наряду с традиционными жанровыми приемами использует авторские, направленные на раскрытие индивидуальности героя, что позволяет говорить о жанровой эволюции.

Ключевые слова: жанр, литературный портрет, русская литература XX в., В. П. Некрасов, «Маленькие портреты».

Special Features of the Portrait Genre in the Russian Literature of the 20th Century: V. P. Nekrasov's *Little Portraits*

L. I. Demina

Lyudmila I. Demina, <https://orcid.org/0000-0002-8344-5923>, Kuban State University, 149 Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russia, de-li@yandex.ru

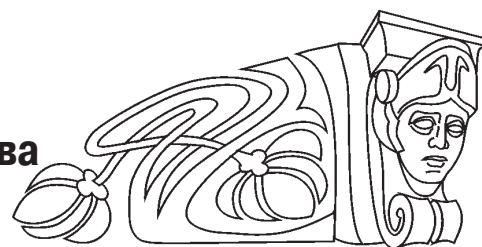
The article studies special features of the portrait genre in the Russian literature of the 20th century. Alongside traditional genre techniques in his cycle *Little Portraits*, V. P. Nekrasov uses his signature ones designed to reveal the individuality of the character, which allows us to talk about the genre evolution.

Keywords: genre, literary portrait, Russian literature of the 20th century, V. P. Nekrasov, *Little Portraits*.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-71-74>

Литературный процесс XX в. характеризуется новыми тенденциями жанрового развития, это касается и художественной публицистики. Жанр литературного портрета, успешно развивающийся на протяжении длительного времени, в свое время привлек внимание крупных ученых-теоретиков, таких как Ю. М. Лотман, В. С. Барахов, В. Е. Хализев и другие, рассматривавших проблему с разных точек зрения.

В частности, Ю. М. Лотман на материале живописи и литературных произведений в статье «Портрет» рассуждал о жанре портрета, считая, что в нем, прежде всего, выделяются доминирующие черты человеческой личности. Анализируя портрет в искусстве, Ю. М. Лотман выделил несколько особенностей жанра и его основные функции, которые можно сформулировать следующим образом: во-первых, портрет – это документальное свидетельство времени, во-вторых, в этом жанре всегда присутствует динамика, важная для созда-

ния образов и характеров. «Очень часто это включение динамики распределяется по пространству портрета неравномерно: оно может быть сосредоточено в глазах; иногда руки более динамичны, чем вся остальная изображенная фигура»¹.

По утверждению Ю. М. Лотмана, техника создания портрета в живописи совершила «перескок» в литературу, что позволило ученому говорить о художественной полифонии жанра и доказывать этот тезис портретными зарисовками из произведений Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и др. «Но портрет как жанр имел и другую художественную доминанту: он настойчиво требовал проникновения в быт и внешнего сходства. Эти константы могли варьироваться, подвергаться различным изменениям, но сама природа живописи настойчиво требовала соотношения с действительностью»².

На наш взгляд, Ю. М. Лотман в этой статье сформулировал принципиальные теоретические положения, касающиеся создания литературного портрета в художественном произведении и портрета как жанра публицистики.

Мысль В. С. Барахова, высказанная в известном его научном труде «Литературный портрет (Истоки, поэтика, жанр)» (1985), о существующей связи между жанром литературного портрета и портретом в живописи как в генетическом, так и функциональном планах перемежается в идейном плане с приведенными выше тезисами Ю. М. Лотмана.

Учитывая различные научные подходы к поставленной проблеме и множество существующих определений жанра, можно сказать, что литературный портрет – это описание не только определенных черт внешности, но облик человека, сформированный культурной, национальной, социальной средой. Литературный портрет рассматривается учеными сквозь жанровую призму и стилевые особенности произведения, выявляя психологизм героя.

С учетом большого научно-исследовательского материала в науке сложилось устойчивое мнение, что жанр литературного портрета, с одной стороны – это разновидность писательской мемуаристики, с другой – особая форма или синтез документалистики и художественного материала.

Подтверждение данной мысли находим в работе О. В. Марковой «Литературный портрет как вид “писательской” критики». Она рассматривает литературный портрет как «сложное синте-

тичное образование, развивающееся на границе художественных и документальных жанров, в тесном взаимодействии с собственно критическими жанрами (статья, рецензия, обзор, эссе), обнаруживающее генетическое родство с литературными портретами иного ряда (биографическими, мемуарными, очерковыми)³.

Жанровые разновидности литературного портрета активно использовались писателями в первой половине XX в. И. А. Буниным, М. Горьким, З. Н. Гиппиус, Б. К. Зайцевым, Вяч. Ивановым и др. Во второй половине XX в. к ним обращались многие известные писатели, в том числе В. П. Некрасов.

«Маленькие портреты» – это цикл, который В. П. Некрасов начал создавать в 60-е гг. XX в. Содержание в «Маленьких портретах» интерпретируется писателем сквозь призму личных воспоминаний, в связи с этим можно сказать, что канонической жанровой реализации мы не найдем, собственно, ее не существует. Однако есть ключевые моменты, которые подчеркивают принадлежность произведений данного цикла к жанру литературного портрета.

Заметим сразу, что ни один очерк В. П. Некрасова не повторяет композиционную схему. Как правило, она также направлена на выражение «портретности» и играет немаловажную роль в жанровом выражении.

Самым проникновенным и эмоциональным в цикле «Маленькие портреты» является очерк «Алина Антоновна», посвященный родной бабушке писателя. Воспоминания рождаются с легкостью, нежно и тонко, начиная с картины «в белой с позолотой раме», висящей «у изголовья кровати моей матери», «на которой изображён букет бледно-розовых роз и ещё каких-то неведомых мне белых цветов», принадлежавшей кисти «благородной девицы» Алины Эрн и сделанной «на уроке рисования в Смольном институте, когда ей было семнадцать лет»⁴, и до самой последней зарисовки этого произведения создается портрет необыкновенного человека.

Память в данном очерке является смыслообразующим фактором, создающим авторские воспоминания с включенными в них заметками из «Минувшего», сделанными теткой писателя, с разговорами-диалогами, притчей, рассказанной самой бабушкой о фарфоровой чернильнице в виде юного всадника в клетчатом берете с пером. Чернильница – деталь-воспоминание, часть утраченной жизни, то, что не удалось уничтожить немцам в годы войны.

В очерке «Алина Антоновна» внимание и мысль автора сосредоточены на желании выделить самое главное в портрете героини. Обаятельность образу придают такие слова: «Приветливость, доброта, исключительное гостеприимство, умение легко переносить трудности (а их в её жизни было предостаточно) и необыкновенная лёгкость в обращении с людьми

любого положения и происхождения. К тому же она была на редкость обаятельна. Друзья мои всех возрастов – от мальчишек со школьной скамьи до институтских курящих и пьющих студентов – души в ней не чаяли. Все её любили»⁵.

Пожалуй, любовь – главное слово в этом очерке, поскольку это основное качество героини, которое выделяет автор сразу же в начале очерка и всем дальнейшим повествованием доказывает это через отношения в семье, к друзьям, знакомым. Красота внутренняя совпадает с красотой внешней. Огромная выдержка, сила характера, потрясающее жизнелюбие и желание приносить пользу людям – ключевые качества героини, выделенные в этом портретном очерке.

Писатель не акцентирует внимание на жизненных трудностях Алины Антоновны, а сосредоточивается на ее деятельности, поступках, отношении к людям, рельефно выделяя главное в ее характере и образе.

В этом портретном мемуарном очерке четко прослеживается авторская позиция: трепетное отношение к героине, проникновенная любовь к ней, восхищение жизненным опытом, достоинством и благородством.

В. П. Некрасов героями своих «Маленьких портретов» иногда делал людей совершенно неизвестных, хотя принято писать в жанре литературного портрета об известных людях, легко узнаваемых и знаменитых, подтверждением чего является очерк «Чужой» из указанного цикла писателя.

Сразу следует сказать, что этот портретный очерк с точки зрения жанровой дифференциации в полной мере можно отнести к мемуарным, поскольку в нем писатель пытается достичь некоего равновесия повествования за счет воспоминаний о герое и собственно его «портретного» воссоздания.

В самом начале В. П. Некрасов поясняет выбор героя для своего произведения – Иван Платонович Чужой (настоящая фамилия Кожич) был для него учителем в театральной студии и кумиром. Во время прослушивания в студии этот человек внешне выделялся среди других, на него нельзя было не обратить внимания. «Он был длинноногий, – пишет В. П. Некрасов, – с небольшой красивой головой и серьезными, устремленными на меня глазами сорокалетний человек в коричневом костюме, сидевший в дальнем углу»⁶.

Внимательность – это то, что сразу писатель выделяет в своем герое и неоднократно подчеркивает на протяжении всего повествования. Во время вступительных испытаний «...он сидел молча, слушал, прикрыв глаза рукой», «прикрыл глаза рукой и слушает, слушает» (289). Он никого не перебивал, давая возможность раскрыться юным дарованиям во время этюда или исполнения песни. Во время занятий «Иван Платонович: говорил негромко, без всякого пафоса, сначала сидя за столом, потом встав и расхаживая перед нами на длинных своих ногах, сунув правую

руку в карман. Из левого кармашка пиджака выглядывал кожаный плоский портсигарчик с двумя папиросами – у него был туберкулёз, курить ему нельзя было, но две штуки, на занятиях, он всегда выкуривал» (290).

Иван Платонович производил впечатление человека вдумчивого, глубокого, но при этом скромного и непритязательного. В его работе со студийцами нельзя было не почувствовать огромную силу и преданность театральному делу, но при этом он был взыскателен к своим ученикам, настойчив и требовал от них полной отдачи. Не все выдержали такой темп и уровень, однако потом у студийцев это не вызывало ничего, кроме благодарности.

В. П. Некрасову повезло с учителем, который дал гораздо больше, чем просто обучение театральному мастерству. Через всю жизнь писатель пронес воспоминания об этом человеке: «От Ивана Платоновича сохранилось у меня немного – его фотография, сделанная мною и Иончиком, мой собственный шарж на него, два письма и восемь открыток (последних дней войны) и крохотная записочка, которую я обнаружил ещё до войны, но уже по окончании студий, на дверях своей квартиры: “Звонил, стучал – не открывают. Обнимаю. Чужой”. Вот и всё. Из вещественного, осязаемого. Из более хрупкого и дорогого – светлая память о нём, память о человеке, которому я бесконечно многим обязан, открывшем мне глаза на явления, мимо которых я спокойно раньше проходил, научившем меня по-настоящему понимать и любить искусство и в первую очередь правду в нём. Я прошу прощения за эту несколько высокопарную фразу, но это действительно было так» (291).

Пожалуй, глубже, откровеннее этих слов в очерке не найти, поскольку в них заключается ключевой концепт, реализованный через память и сознание автора. В. П. Некрасов сознательно включает в произведение письма и открытки Чужого, адресованные автору, тем самым подчеркивает не просто связь «ученик – учитель», но и фактографическое, документальное подтверждение высказанных мыслей об этом человеке. Более того, за счет использования данного композиционного приема портрет героя приобретает рельефные очертания. И еще одна важнейшая деталь, передающая идейную направленность портретной зарисовки, выраженная в словах самого В. П. Некрасова: «Фотография Ивана Платоновича (сделанная мною и Иончиком) стоит у меня на столе. Он красивый, грустный, задумчивый, голову подпер левой рукой – так сидел он на наших репетициях в те далёкие, счастливые времена, когда, как мне тогда казалось, всю свою жизнь я посвятил театру. Я изменил ему. Осудил ли бы меня за это Иван Платонович? Думаю, что нет. Театр требует полной отдачи себя. У меня это не получалось. И я ушёл из театра. Вернее, после фронта не вернулся назад. Думаю, что театр не многое потерял, а я всё же остался в выи-

грыше – моё юношеское увлечение театром свело меня с Иваном Платоновичем. А это большое счастье...» (297).

Увлечение театром В. П. Некрасова было серьезным и привело его в Москву к Станиславскому. Очерк «Станиславский» можно назвать «штрихи к портрету», в нем представлена единственная встреча. Но этот день писатель считал знаменательным днем в своей жизни, незабываемым, значимым, поскольку судьба свела его с великим человеком.

В очерке содержится много деталей, подчеркивающих психологическую направленность подготовительного этапа этой встречи – «глядятся брюки, выбираются и даже стираются носки, чистятся ботинки, полчаса завязывается галстук перед зеркалом...» (300). Мучительно долго тянется время до назначенной встречи: «В голове бродят различные мысли. Пожалуй, это самый ответственный день в моей театральной жизни, а может, и вообще в жизни» (301).

Психологическая детализация усиливает напряженность ожидания встречи и составляет большую часть повествования, что позволяет говорить о своеобразной композиции этого очерка, включающей в себя кульминационную составляющую, вынесенную практически в финал произведения.

Напряжение концентрируется у автора в мгновенную реакцию на внешние детали портрета Станиславского: «круглые стекла пенсне с тесемкой», «иронические глаза», «малоприветливое лицо», «ни тени улыбки». Во время разговора и чтения напряженность спадает, все захвачено творческим процессом, но после этого вновь возникает многозначительная пауза ожидания результата. Станиславский начинает говорить, «холодно», бесстрастно, «громоздкие музыкальные пальцы волосатых рук переплетены. На коленях скатерть, смятая во время этюда. Сидит глубоко. Колени высоко подняты» (304).

Результат прослушивания не был утешительным, но советы великого мастера в виде маленьких «правдочек» оказались важнее всего для юного дарования.

Портрет Станиславского очень емкий, глубокий за счет психологизации деталей и композиционного рисунка очерка, он передает не только впечатление от встречи, но и создает образ, в котором величие перемежается с естественностью, что делает его по-настоящему привлекательным, и после общения с этим человеком уже невозможно остаться равнодушным к театру. По признанию В. П. Некрасова, встреча со Станиславским стала настоящим уроком большой любви к театру.

«Маленький портрет» «Ле Корбюзье» – логическое продолжение разговора о личности самого В. П. Некрасова и его увлечениях. Помимо театра, к которому он не был никогда равнодушным, было и другое увлечение – архитектурой. Ле Корбюзье, выдающийся архитектор про-

шлого века, стал его кумиром. В декабре 1962 г. произошла личная встреча В. П. Некрасова и Ле Корбюзье в Париже, поэтому материалом для создания «маленького портрета» великого архитектора послужили письма и встреча, что делает архитектуру произведения совершенно своеобразной и неповторимой.

Важно отметить еще прием, существенно влияющий на композицию этого очерка, – это сравнительный элемент. Параллель «Станиславский – Ле Корбюзье» значима для воссоздания величия этих людей. Безусловно, здесь нет прямого портретного сходства, но есть «неуловимо осязаемое величие» этих людей. Более того, отмечена и совершенная противоположность в поведенческом мотиве: Станиславский больше вслушивался и всматривался, Корбюзье больше любил говорить, чем слушать. В этом очерке создан детальный портрет: «У Корбюзье большое умное лицо с резкими складками возле рта, редкие, гладко зализанные назад седые волосы, очки в толстой оправе и, как я уже сказал, очень большие, с длинными сильными пальцами руки, на которые всё время смотришь, – они чуть-чуть дрожат. Он немного глуховат, переспрашивает... К нам отнёсся с большим вниманием, но без особого любопытства» (307).

Беседа была содержательная, Ле Корбюзье много говорил о проблемах современных городов, о своих планах, показал мастерскую, подвел к «большой черной ученической доске», с которой начинается воплощение больших проектов. Ле Корбюзье был полон идей и замыслов, В. П. Некрасов неоднократно в очерке подчеркивает желание художника еще «так много успеть» сделать. Возраст у него был уже преклонный, и «рука у него крепкая, совсем не стариковская». Писатель сознательно акцентирует внимание на этой детали, подчеркивающей желание художника творить и создавать, поскольку Ле Корбюзье всегда искал свой путь в искусстве и нашел, открыл красоту. «Красоту, рожденную не только рацио, но и эмоцио, красоту, которая заставляет тебя говорить шёпотом, молчать, иногда плакать. Когда ты стоишь перед настоящим произведением искусства, тебе не хочется кричать, размахивать руками, тебе хочется молча впитывать в себя прекрасное» (310).

Для В. П. Некрасова искусство, творчество всегда были смыслом в жизни. И театр Станиславского, и архитектура Ле Корбюзье явились

неотъемлемой частью его мировосприятия и творчества. Литература сфокусировала эти увлечения, сделав В. П. Некрасова художником слова.

В очерке «Вас. Гроссман» традиционного портретного описания не представлено, оно складывается из наблюдений и впечатлений писателя об этом человеке. Не менее значимыми для портретной зарисовки являются рассуждения писателя о литературе, а точнее, дискуссии писателей, прошедших войну. В В. С. Гроссмане тогда В. П. Некрасова покорили «...не только ум его и талант, не только умение работать и по собственному желанию вызывать “хотение”, но и его невероятно серьёзное отношение к труду, к литературе» (315). Через отношение к литературе и писательскому труду в очерке воссоздается портрет-характер писателя, человека искреннего, преданного литературе.

«Маленькие портреты» В. П. Некрасова созданы в неповторимой манере, где удивительным образом сочетаются традиционные признаки жанра портрета и авторские приемы, раскрывающие его характер, мировидение. В каждом отдельном случае писатель находит индивидуальный подход к герою, чтобы рельефно выделить в нем самое главное, создав тем самым необычную композицию очерка. Именно неповторимость архитектурного рисунка делает эти портретные зарисовки уникальными и особенными в литературе второй половины XX в.

Примечания

- 1 *Лотман Ю.* Портрет // Лотман Ю. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. (Серия «Мир искусств»). URL: <http://philologos.narod.ru/lotman/portrait.htm> (дата обращения: 22.02.2019).
- 2 Там же.
- 3 *Маркова О.* Литературный портрет как вид «писательской» критики // *Художественное творчество и литературный процесс* : сб. ст. Вып. VIII. Томск, 1988. С. 212.
- 4 *Некрасов В.* Маленькие портреты. Алина Антоновна. URL: <http://nekrassov-viktor.com/Books/Nekrasov-Alina%20Antonovna.aspx> (дата обращения: 22.02.2019).
- 5 Там же.
- 6 *Некрасов В.* Маленькая печальная повесть. Проза разных лет. М., 1990. С. 289. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страницы в скобках.

Образец для цитирования:

Демина Л. И. Особенности жанра портрета в русской литературе XX века: «Маленькие портреты» В. П. Некрасова // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 71–74. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-71-74>

Cite this article as:

Demina L. I. Special Features of the Portrait Genre in the Russian Literature of the 20th Century: V. P. Nekrasov's *Little Portraits*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 71–74 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-71-74>

УДК 821.161.1.09-32+929Солженицын

Реальность зла в «Одном дне Ивана Денисовича» А. И. Солженицына

В. Ш. Кривонос

Кривонос Владислав Шаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы, Самарский государственный социально-педагогический университет, vkrivonos@gmail.com

Проблема зла, явленного в рассказе Солженицына как страшная реальность павшего мира, рассматривается в аспекте значимых здесь ситуаций испытания, которому подвергаются лагерный социум и главный герой. Как показывает анализ, в ходе рассказывания, в которое вплетены ситуации испытания, раскрывается сущность лагерного социума как определенного устройства жизни и проходят проверку характер героя и его система ценностей. **Ключевые слова:** Солженицын, рассказ, зло, ситуация, испытание.

The Reality of Evil in *One Day in the Life of Ivan Denisovich* by A. I. Solzhenitsyn

V. Sh. Krivonos

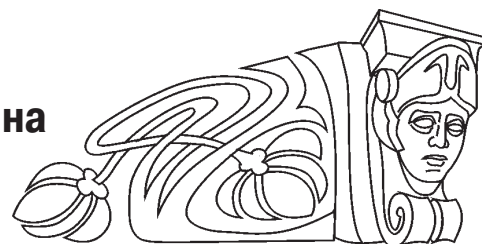
Vladislav Sh. Krivonos, <https://orcid.org/0000-0001-8138-0057>, Samara State University of Social Science and Education, 65/67 Maxima Gorkogo St., Samara 443099, Russia, vkrivonos@gmail.com

In the article the problem of evil revealed in Solzhenitsyn's story as the terrible reality of the fallen world is considered in the aspect of the significant situations of the test to which the camp society and the hero are subjected. According to the analysis, in the course of the narration, into which the situations of testing are interwoven, the essence of the camp society is revealed as a definite structure of life, and the character of the hero and his system of values are tested.

Keywords: Solzhenitsyn, story, evil, situation, test.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-75-80>

В «Одном дне Ивана Денисовича» рассказывается о жизни в особом лагере, представляющем собой не просто замкнутое пространство неволи, но место, где предельно обнажено действие зла в мире, который отвернулся и отрёкся от Бога. Причем речь идет не о зле вообще, а об «организованном зле»¹. Было отмечено, что зло у Солженицына, показанное в различных его формах и проявлениях, переживается и ощущается так, как оно переживается и ощущается в христианстве, т. е. как *надшесть*². В рассматриваемом рассказе зло осмыслено и явлено как страшная реальность павшего мира; автор акцентирует присутствие зла, разлитого в окружающей персонажей действительности и укорененного в самой человеческой душе, как очевидную для него данность. Выбор подобного ракурса изображения укрепляет онтологический статус повество-

вания: автора интересует влияние и воздействие зла, явное и скрытое, которое выражается в принуждении и растлении, в раздоре и разделении, превращающих существование в ад. Отсюда и роль ситуаций испытания, вплетенных в сюжет рассказывания, когда раскрывается сущность лагерного социума как определенного устройства жизни и проходят проверку характер героя и его мировосприятие³. В пределе внутренняя готовность к восхождению, так как «...и в лагере (да и повсюду в жизни) не идёт растление без восхождения»⁴.

Территория зла

Лагерь потому предстает в «Одном дне...» как территория зла, что его обитатели, включая тех, кто еще не потерял веру в существование законности и не утратил окончательно «веру в доброту человеческого сердца», встречаются с «настоящим зверем»⁵. Звериные коннотации окружают фигуру начальника режима, лейтенанта Волковóго, которого «...не то что ээки и не то что надзиратели – сам начальник лагеря, говорят, боится. Вот Бог шельму метит, фамильицу дал! – иначе как волк Волковóй не смотрит. Тёмный, да длинный, да насупленный и носится быстро. Вынырнет из барака: “А тут что собрались?” Не ухоронишься. Поперву он ещё плётку таскал, как рука до локтя, кожаную, кручёную. В БУРе ею сёк, говорят» (I, 31). И говорящая фамилия, которой недаром он отмечен, и выразительные черты внешности (*тёмный* – не просто цвет лица; проявляемая им жестокость порождена внутренней *тьмой*) актуализируют присущую волку хтоническую символику⁶. В этом наводящем страх человеку человеческое задавлено звериным.

Начальник режима ведет себя, как вожак в волчьей стае; стоило ему крикнуть на надзирателей, так те, «...шмонавшие кое-как, тут зарьялись, кинулись, как звери», а старшина, несмотря на мороз, приказал: «– Ра-ас-стегнуть рубахи!» (I, 31). У Волковóго нет человеческих эмоций, только звериные; от страха перед ним звериные инстинкты мгновенно пробуждаются и у его подчиненных. Действия, раскрывающие живущее в них звериное начало, вызывают знаменательные ассоциации с поведением апокалипсических зверей, представителей сил зла⁷. Для зла же законов не существует; в основе бесчеловечного отношения к заключенным лежит убеждение, что с этими, с *врагами народа*, которых разрешено и даже

велено было не считать людьми, «все позволено»⁸. Надзиратель, недовольный тем, как Шухов вымыл в надзирательской пол, называет его «чушкой» и привычно выговаривает: «Ничего, падлы, делать не умеют и не хотят. Хлеба того не стоят, что им дают. Дерьмом бы их кормить» (I, 21). Ведь зэки для него действительно не люди.

В обыденной лагерной жизни происходит приучение и привыкание к насилию, физическому и словесному, и к злу, которое в насилии проявляется; при этом активизируется способность зла *заражать*. Зло у Солженицына «... всегда в человеке и через человека», это «прежде всего злые люди», сознательно «выбирающие зло»⁹. Выбор в пользу зла означает не просто подчинение ему, но соучастие в насилии, формы и характер которого определяются местом и положением в лагерном социуме, «иерархично» организованном и поделенном «на разряды»¹⁰. Система власти устроена здесь так, что дистанция, установленная режимом, с одной стороны, разделяет лагерную охрану и заключенных, с другой, разделяет и самих заключенных, так что одни получают возможность властвовать над другими.

Ставку лагерная администрация делает на *сволочь*, как характеризует Шухов ее прислужников; бранное слово точно выражает суть характера тех, чье поведение служит прямым свидетельством реальности зла. Дэр, десятник из зэков, потому «сволочь хорошая», что «своего брата-зэка хуже собак гоняет» (I, 39). Ничем не лучше него и парикмахер с бухгалтером, «налипшие лагерные придурки, первые сволочи, сидевшие в зоне», не считающие «серых зэков» за людей и ведущие себя соответственно; связываться с ними бесполезно, так как «у *придурни* меж собой спайка и с надзирателями тоже» (I, 91). С ними в связке и «сволочь старшая», старший барака, сам «держится начальством», а других держит в страхе: «Кого надзору продаст, кого сам в морду стукнет» (I, 106). Хромой, дневальный по столовой, «гвоздит» с крыльца берёзовым посохом, «кто не с его команды лезет»; он «дюжий», хоть и инвалид, недаром «с поварами дружит» (I, 93). Повара же «мордovorоты на подбор», а застоловой просто «откормленный гад, голова как тыква, в плечах аршин», уж он-то «никому не кланяется, а его все зэки боятся» (I, 93–94).

Селекция заключенных с точки зрения выполняемых ими функций, диктующих тот или иной механизм поведения, определяет разную степень зараженности злом и, соответственно, нравственного падения; тем, кто выбирает служение злу и признает тем самым победу зла над их душой, позволено самоутверждаться посредством насилия, остальным же отводится и навязывается роль исключительно объектов насилия. Испытание, которое проходит в ходе рассказывания лагерный социум (вместе с включенными в него персонажами, отражающими и выражаю-

щими своими действиями и поступками его сущностные черты), и есть прежде всего проверка на отношение к злу и его носителям; при этом зло в рассказе не объясняется, но демонстрируется и саморазоблачается.

Разделению зэков служат и придуманные, чтобы «в лагере горбить», бригады, т. е. «такое устройство, чтоб не начальство зэков понукало, а зэки друг друга», так как от одного зависит, чтобы всем не сидеть «голодными» (I, 46–47). В каждой бригаде, как и вообще в лагерном социуме, своя иерархия: «Снаружи бригада вся в одних чёрных бушлатах и в номерах одинаковых, а внутри шибко неравно – ступеньками идёт» (I, 22). Власть же бригадира, чьи распоряжения выполняются беспрекословно, абсолютна; в его руках жизнь и смерть лагерника: «...хороший бригадир тебе жизнь вторую даст, плохой бригадир в деревянный бушлат загонит» (I, 38). Связывая «части лагерного мира, палачей и зэков», которых он «заслоняет от случайных опасностей», бригадир вместе с тем «укрепляет привычку к холопству»¹¹.

Лагерный мир, каким его видит Иван Денисович, полон абсурда, ставшего обыденностью; так, шпионов «в каждой бригаде по пять человек, но это шпионы деланные, снарошки», как и сам Шухов, который «такой же шпион» (I, 80). Абсурден вообще весь уклад лагерной жизни, основанный на подменах, обмане и произволе: «Хлеб растёт в хлеборезке одной, овёс колосится – на продскладе. И хоть спину тут в работе переломи, хоть животом ляжь – из земли еды не выколотишь, больше, чем начальник тебе выпишет, не получишь. А и того не получишь за поварами, да за шестёрками, да за придурками» (I, 54). И абсурд, ставший нормой и воспринимаемый как норма, невозможно объяснить, как не поддается объяснению зло: его не должно быть, но оно *есть*¹². Именно так, а не по-другому устроен лагерный социум, где явлена реальность зла: «Кто кого сможет, тот того и гложет» (I, 55).

«Советские люди»

В том, что зло всегда действует через человека, Шухов мог не раз убедиться на собственном опыте, когда еще был вольным. Он и в лагере оказался по вине и по воле конкретных людей, с которыми столкнулся, когда бежал из плена, где побыл *нару дней*, выходя их окружения; *чудом* попав к *своим*, принужден был дать показания, что он изменник родины и фашистский агент: «В контрразведке били Шухова много. И расчёт был у Шухова простой: не подпишешь – бушлат деревянный, подпишешь – хоть поживёшь ещё малость. Подписал» (I, 52). Произвол и насилие в разных формах, исходившие от конкретных людей, установивших свой порядок, пришлось ему испытать на себе затем в общем лагере, на севере, где отбыл семь лет и где бригаду, не вы-

полнившую «дневного задания», оставляли «на ночь в лесу» (I, 52). А еще работяг обрекали там на голод, когда, «с работы возвращаясь, блатные опередают, и пока задние войдут, их тумбочки обчищены» (I, 107).

Бессмысленность ссылок на *законы*, когда имеешь дело с конкретными людьми, выбравшими служение злу и отказавшимися от человечности, Шухову с его лагерным опытом слишком понятна. Вот Буйновский, «в лагере трёх месяцев нет», услышав, что надзиратели велят для проверки телогрейки «распустить» и «рубачи расстегнуть», кричит: «Вы права не имеете людей на морозе раздевать! Вы девятую статью уголовного кодекса не знаете!...». Иван Денисович поправляет его, думая про себя: «Имеют. Знают. Это ты, брат, ещё не знаешь» (I, 32). Но тот действительно *не знает* и потому продолжает возмущаться: «Вы не советские люди! – долбаёт их капитан». И получает в ответ от Волковóго: «Десять суток строгого!» (I, 33).

Обличения Буйновского «...неадекватны, потому что лагерные охранники как раз *вполне советские люди*»¹³. Такие же, как и сам кавторанг, чувствующий свое единство с государством, репрессивную сущность которого не сознает. Рассказывая, как он, сопровождая морской конвой, «прожил почти целый месяц на английском крейсере», и, услышав, что этого «уже достаточно, чтобы вмазать вам двадцать пять», отвечает так, как подобает *советскому* человеку: «Нет, знаете, этого либерального критицизма я не придерживаюсь. Я лучшего мнения о нашем законодательстве» (I, 83). Он не только не отделяет себя от надзирателей и их начальника, но отождествляет себя с ними по общему признаку, который должен бы, по его представлению, их объединить: *советские люди*. Ведь и в лагере была такая же «советская жизнь», что позволяло заключенным, если они обнаруживали готовность, обусловленную соответствующим жизнеощущением, идентифицировать себя с «гонителями и охранниками»¹⁴.

Что на воле, что в лагере советская идентичность предполагала принятие утвердившейся практики насилия как *исторически* и *объективно* мотивированного условия строительства государства нового типа¹⁵. Показательно в этом смысле поведение Цезаря Марковича, казалось бы, человека по своим задаткам и характеру совсем не злого, но при этом такого же *советского*, как Буйновский, которого одного в бригаде «придерживается, больше ему не с кем душой отвезть» (I, 79). С ним он и заводит разговор о знаменитом фильме о *броненосце*; если для капитана «морская жизнь там кукольная», то Цезарь, сам снимавший на воле кино, уверяет, что «мы избалованы современной техникой съёмки...», а что офицеры, чего просто не могло быть, «все до одного мерзавцы», то «исторически» (ведь они, следуя риторике насилия, *враги*) именно «так и

было» (I, 80). Человек он даже более *советский*, чем кавторанг, ставший простым бригадником и так наработавшийся за день, что «еле спину распрямил» (I, 79), тогда как Цезарь «...всем сунул, кому надо, – и *придурком* работает в конторе, помощником нормировщика» (I, 39). На это прямо указывают его житейские навыки и установки поведения, побуждающие принять существующий порядок вещей и приспособиться к нему.

Цезарь не только адаптировался к окружающей его реальности, но и, как показывает спор со стариком-кагоржанином о другом уже фильме, цинично оправдывает апологию насилия, демонстрируя, как и в случае с кавторангом, превосходство над собеседником, подобного цинизма не понимающего: «– Нет, батенька, – мягко этак, попуская, говорит Цезарь, – объективность требует признать, что Эйзенштейн гениален. “Иоанн Грозный” – разве это не гениально? Пляска опричников с личиной! Сцена в соборе!». И возражение, что в сцене этой «гнуснейшая политическая идея – оправдание единоличной тирании», с легкостью отвергает: «– Но какую трактовку пропустили бы иначе?..» (I, 60). Подобный спор, как было отмечено, «...в январе 1951 года состояться не мог никак»¹⁶, поскольку персонажи не могли видеть вторую серию фильма, но автору важно было подчеркнуть неприятие обозначенной трактовки «даже за счет сознательного отказа от исторической точности»¹⁷. Между тем именно эту трактовку отстаивает Цезарь, оправдывая тем самым и собственный конформизм; такова, по его логике, действительность, принуждающая к соучастию во зле.

Привычка к насилию, превратившемуся в обыденность, диктовала не всегда замечаемое, особенно если оно не сопровождалось грубостью и жестокостью, но весьма характерное отношение к другому, свидетельствуя об утраченных моральных нормах. Шухов, принесший Цезарю миску в контору, так как тот «сам никогда не унижался ходить в столовую» (I, 58), и ставший невольным свидетелем спора, кашлем, «стесняясь прервать образованный разговор», выдает свое присутствие: «Цезарь оборотился, руку протянул за кашей, на Шухова и не посмотрел, будто каша сама приехала по воздуху и за своё». Так и не дождавшись, чтобы Цезарь, который «совсем об нём не помнил, что он тут, за спиной», угостил бы его «покурить», Шухов, «поворотясь, ушёл тихо» (I, 60–61). Равнодушие и безразличие к другому, демонстрируемое Цезарем, обнажая неознаваемую им самим зараженность его личности злом, порождают выразительную картину нравственного падения *советского* человека.

Уязвимость человека

В рассказе Солженицына изображаются различные проявления *падшести*, которые объясняются не одним только растлевающим влиянием

лагеря или негативными свойствами характера какого-либо персонажа, но и уязвимостью человека, зависимого от непредсказуемых событий, от обстоятельств, резко и необратимо меняющих его жизнь. И героя своего, которому досталась участь жить в бедственное время, автор, оценивая его поведение и его поступки в тех или иных ситуациях, считает нужным не только понять, но и, если приходится выбирать между оправданием и обвинением, «лучше оправдать, чем обвинить», как и «всех страдавших» (V, 209).

В столовой, когда подходит очередь его бригады, чтобы очистить для нее место, «...вклинился он за столом, двух доходяг согнал, одного работягу по-хорошему попросил...» (I, 55). Было замечено, «...что чувство справедливости у Шухова не безукоризненно, а чувство сострадания весьма выборочно, да и поведение его не безупречно...»¹⁸. И что «...все-таки общая система нравственных координат у него сдвинута...»¹⁹. Но так же ведет себя и его бригадир, озабоченный, чтоб «другую бригаду, нерасторопную, заместо себя туда толкнуть», где «поле голое» и «месяц погреться негде будет» (I, 16). Можно сказать, что его поведение тоже безупречно и что у него еще сильнее смещены нравственные координаты. Да ведь и не у них одних; у других персонажей, в зависимости от их места в лагерной иерархии, подобного рода *сдвинутость* бывает куда заметнее. Так, задумал было Шухов, заболев, отлежаться две-три недели «в больничке», да вспомнил, что выдумал новый доктор «всех ходячих больных выгонять на работу», чтоб «загородки городить» или «дорожки делать», убежденный, будто работа лечит: «Ухайдакался бы сам на каменной кладке – небось бы тихо сидел» (I, 25–26).

Шухов показан автором вовсе не как тип *положительного героя*; он несовершенен, как бывает несовершенен обычный человек (чьи «...греховные поползновения нормальны, потому что с православной точки зрения лишь Бог без греха...»²⁰), тем более в условиях каторжного лагеря и с учетом лагерных нравов, к которым пришлось приспособиваться. Как и его бригадир, он лагерник со стажем, из тех, «кто знает лагерную жизнь» (I, 15). Известны ему и принципы существования в лагерном мире: «Это верно, кряхти да гнись. А упрёшься – переломишься» (I, 42). Освоил Шухов и правила выживания здесь, уже обладая опытом выживания в общем лагере, в Усть-Ужме, когда «он доходил» и от цинги «кровавым поносом начисто его пронесило» (I, 21). Потому и утверждает, сравнивая лагерь, где сидит сейчас, с прежним, где отсидел семь лет: «← Тут – жить можно. Особый – и пусть он особый, номера тебе мешают, что ль?» (I, 53). Но и в особом лагере *жить можно* разве что в сравнении с тем, северным: «Вот этой минуты горше нет – на развод идти утром. В темноте, в мороз, с брюхом голодным, на день целый. Язык отнимается. Говорить друг с другом не захочешь» (I, 29).

Холод и голод, мучившие его в Усть-Ужме, остро переживаются им и в *особом*, почему к неотступным мыслям о еде Шухов, рассказывая о перипетиях лагерного существования, постоянно возвращается и почему всякий раз подробно описывает, что ел за завтраком, за обедом и за ужином: «Главное, каша сегодня хороша, лучшая каша – овсянка. Не часто она бывает. Больше идёт магара по два раза в день или мучная затирка. В овсянке между зёрнами – навар этот сытен, он-то и дорог» (I, 55). А лагерный опыт подсказывает, что «черпак обжигающих вечерних пустых щей», когда ээк, наработавшись за день и чувствуя, как «обветрен, вымерз, выголодал» возвращается наконец в лагерь, «для него сейчас дороже воли, дороже жизни всей прежней и всей будущей жизни» (I, 89). Важно ему передать в подробностях и свои ощущения от самого процесса еды: «Начал он есть. Сперва жижицу одну прямо пил, пил. Как горячее пошло, разлилось по его телу – аж нутро его всё трепыхается навстречу баланде. Хор-рошо! Вот он, миг короткий, для которого и живёт ээк» (I, 97).

Шухов, побывавший до лагеря и на войне, и в плену, переживший допросы с пристрастием и признавшись в преступлении, которое не совершал, ясно сознает всю незащищенность человека от внезапных ударов судьбы, круто меняющих его жизнь. Будучи зорким и наблюдательным, как и полагается опытному ээку, не мог не заметить он реакцию Буйновского на неожиданно доставшуюся ему лишнюю порцию каши: «Виноватая улыбка раздвинула истресканные губы капитана, ходившего и вокруг Европы, и Великим северным путём. И он наклонился, счастливый, над неполным черпаком жидкой овсяной каши, безжирной вовсе, – над овсом и водой» (I, 59). И хоть кажется ему *чудно*, но совсем не удивляет, что «... человек, кому без золотых погон и жизни было не знато, с адмиралом английским якшался, а теперь с Фетюковым носилки таскает», потому что человека «можно и так повернуть, и так...» (I, 83).

Сознает Шухов и то, каким уязвимым делает человека подверженность искушениям и соблазнам, особенно в лагере, где платить придется своей душой; поведение разного рода *придурков* и *шестёрков* у него перед глазами. За собой Шухов знает, что, в отличие от Фетюкова, превратившегося в *шакала*, «он бы себя не уронил» (I, 30). Потому что и в лагере не утратил чувство собственного достоинства: «Но он не был шакал даже после восьми лет общих работ – и чем дальше, тем крепче утверждался» (I, 102). А Фетюкова, всеми презираемого, Шухову по-человечески «жаль», так как «ему не дожить» срока: «Не умеет он себя поставить» (I, 103). Не умеет, так как не может справиться с внутренним злом, с тем злом, которое не вне человека, а в *сердце* человека. Шухов же помнит, в чем убедил его опыт лагерной жизни и в чем не раз убеждались дру-

гие арестанты, «...что пока душа не потеряна – главное еще не потеряно...»²¹.

Соппротивление злу

В столовой, во время ужина, Шухов заметил высокого старика, о котором слышал, что «по лагерям да по тюрьмам сидит несчётно, сколько советская власть стоит...»; не похож был Ю-81 на советского человека, чувствовалось в нем по манере держаться иное происхождение: «Изо всех пригорбленных лагерных спин его спина отменна была прямизною, и за столом казалось, будто он ещё сверх скамейки под себя что подложил» (I, 98). И не только воспитан он, видно, был по-другому, но и силой духа обладал, почему и не сделал до сих пор никакой уступки лагерным правилам и привычкам: «А засело-таки в нём, не примирится: трёхсотграммовку свою не ложит, как все, на нечистый стол в росплесках, а – на тряпочку стираную» (I, 99). Шухов же отличил его от остальных и выделил взглядом, так как признал в нем человека, «в ком сохранилось достоинство человеческого»²².

То, что и в лагере возможно сопротивление злу, говорит и поведение баптиста Алёши, со смирением принимающего посланные ему испытания; вера служит ему внутренней опорой, помогающей переносить тяготы лагерной жизни. Шухова, который «не против Бога» и в Бога «охотно» верит, но считает, что «сколько ни молись, а сроку не скинут», он убеждает: «Что тебе воля? На воле твоя последняя вера терниями заглохнет! Ты радуйся, что ты в тюрьме! Здесь тебе есть время о душе подумать!» (I, 111–112). Шухову не нравится, что баптисты любят «агитировать, вроде политруков» (I, 28), но за твердость, с которой переносят религиозные гонения, уважает: «По двадцать пять лет вкатили им за баптистскую веру – неуж думают тем от веры отвадить?» (I, 38).

Сам Шухов, разделяющий мифические представления об устройстве мира, «...не похож на убеждённо верующего человека»²³. Кавторангу, смеющемуся над его рассуждениями, будто «старый месяц Бог на звёзды крошит», и удивляющемуся, что он еще и в Бога верит, Шухов отвечает: «Как громыхнёт – пойдешь не поверь!» (I, 77). Его вера похожа на веру бригадира, тоже крестьянина, рассказывающего, что комполка и комиссар, выгнавшие его из армии как сына кулака, были «растреляны в тридцать седьмом»; узнав об этом, Тюрин перекрестился и сказал: «Всё ж Ты есть, Создатель, на небе. Долго терпешь, да больно бьёшь» (I, 62–63). Религиозное чувство, мифологически окрашенное, не делает Шухова фаталистом и не превращает в праведника, но дает силы выживать, не поддаваясь лагерному растлению: «Переживём всё, даст Бог кончиться!» (I, 98).

Между тем собственный срок его подходит к концу, почему и стал беспокоиться, чем занять-

ся бы ему на воле. Написала жена о новом промысле – по трафареткам «ковры красить», но не привлекает его увлекший «своих деревенских» легкий заработок *красилёй*: «Но, по душе, не хотел бы Иван Денисович за те ковры братья. Для них развязность нужна, нахальство, милиции на лапу совать. Шухов же сорок лет землю топчет, уж зубов нет половины и на голове плешь, никому никогда не давал и не брал ни с кого, и в лагере не научился» (I, 36–37). А потом «проясниться стало, что домой таких не пускают, гонят в ссылку», а ему только б и хотелось «у Бога попросить, чтобы – домой» (I, 112). Но сомневаться теперь начал, что просьба его выполнима, так как домой все равно не пустят. Только и радоваться, что вот сегодня «хороший день» выпал, и благодарить: «Слава тебе, Господи, ещё один день прошёл!» (I, 110). Особенно если день этот оказался «ничем не омрачённый, почти счастливый» (I, 114).

День, вместивший в себя столько событий и переживаний, сюжетно завершен, но не завершена история героя, поведавшего, как сложился *один* из дней «в его сроке» (I, 114); то, как устроилась его жизнь после лагеря, за пределами авторского замысла. Между тем всем ходом повествования автор убеждает, что герой его наверняка остался таким же стойким перед лицом испытаний и совестливым, сохранившим душу и не готовым примириться со злом, каким предстал в рассказе о лагерной жизни.

Примечания

- ¹ Новак М. О Боге и человеке // Солженицын в Гарварде / пер. с англ. Л. Ворониной. N. Y., 1981. С. 201.
- ² См.: Шмеман А., *прот.* О Солженицыне // Шмеман А., *прот.* Собрание статей, 1947–1983 / сост. Е. Ю. Дорман. 2-е изд. М., 2011. С. 769.
- ³ В ситуациях испытания проходят проверку социум и герой (См.: Тмарченко Н. Русская повесть Серебряного века: Проблемы поэтики сюжета и жанра. М., 2007. С. 12–13).
- ⁴ Солженицын А. Собр. соч.: в 30 т. Т. 5. М., 2010. С. 505. Далее цитаты приводятся по данному изданию с указанием в скобках тома римскими и страниц арабскими цифрами.
- ⁵ Новак М. Указ. соч. С. 201.
- ⁶ См.: Гура А. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 123–130.
- ⁷ См.: Виноградова Н. Почему антихрист и его лжепророк называются зверями? // Апокалипсис в истолковательном и назидательном чтении: сб. ст. / сост. М. Барсов. М., 1993. С. 205.
- ⁸ См.: Геллер М. Концентрационный мир и советская литература. L., 1974. С. 260–261.
- ⁹ Шмеман А., *прот.* О Солженицыне. С. 769–770.
- ¹⁰ Темпест Р. Геометрия ада: поэтика пространства и времени в повести «Один день Ивана Денисовича»: пер. с англ. // «Ивану Денисовичу» полвека: Юбилейный сборник (1962–2012) / сост. П. Е. Спиваковский,

- Т. В. Есина ; вступ. ст. П. Е. Спиваковского. М., 2012. С. 551.
- ¹¹ Ковтун Н. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков. Генезис, мифопоэтика, контексты. М., 2017. С. 129.
- ¹² См.: Шмеман А., прот. О Солженицыне. С. 769.
- ¹³ См.: Спиваковский П. Через полвека // «Ивану Денисовичу» полвека... С. 7.
- ¹⁴ Лейбович О. Лагерный социум как объект исследования : источники и методологические подходы // История сталинизма : Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 28–20 октября 2011 г.) / отв. ред. Л. И. Бородин, С. А. Красильников, О. В. Хлевнюк. М., 2013. С. 345.
- ¹⁵ См.: Гудков Л. Идеологема «врага» // Гудков Л. Негативная идентичность : Статьи 1997–2002 годов. М., 2004. С. 600–601.
- ¹⁶ Михайлик Е. Один? День? Ивана Денисовича? или Реформа языка // НЛО. 2014. № 126. С. 298.
- ¹⁷ Там же. С. 300.
- ¹⁸ Токер Л. Некоторые особенности повествовательного метода в «Одном дне Ивана Денисовича» : пер. с англ. // Солженицын : Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008 : сб. ст. / сост. и автор вступ. ст. Э. Э. Эрикссон, мл. ; коммент. О. Б. Василевской ; пер. с англ. и фр. М., 2010. С. 540.
- ¹⁹ Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература : 1950-е – 1990-е годы : в 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 264.
- ²⁰ Панченко А. Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика : Итоги и перспективы изучения : сб. ст. / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; редкол. : М. Б. Храпченко [и др.]. М., 1986. С. 241.
- ²¹ Михайлов М. Мистический опыт неволи // Михайлов М. Планетарное сознание. Michigan, 1982. С. 194.
- ²² Павлов О. Русский человек в XX веке. Александр Солженицын в зазеркалье каратаевщины // «Ивану Денисовичу» полвека... С. 597.
- ²³ Темпест Р. Геометрия ада : поэтика пространства и времени в повести «Один день Ивана Денисовича». С. 561.

Образец для цитирования:

Кривонос В. Ш. Реальность зла в «Одном дне Ивана Денисовича» А. И. Солженицына // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 75–80. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-75-80>

Cite this article as:

Krivosnos V. Sh. The Reality of Evil in *One Day in the Life of Ivan Denisovich* by A. I. Solzhenitsyn. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 75–80 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-75-80>

УДК 821.161.1.09+929Солженицын

Комментарий в скобках как способ проявления авторской личности в мемуарной книге А. И. Солженицына «Бодался телёнок с дубом»

Г. М. Алтынбаева

Алтынбаева Гульнара Монеровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, gulnarama@gmail.com.

В статье на материале «очерков литературной жизни» «Бодался телёнок с дубом» проанализированы помещенные в скобки высказывания А. И. Солженицына. Доказывается, что такой нарратив – важный способ проявления авторской личности в писательской мемуаристике.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, «Бодался телёнок с дубом», образ автора, литературная жизнь 1960-х, комментарий в скобках.

**A Commentary in Parentheses as a Means of Manifesting the Author's Personality in the Memoir Book
by A. I. Solzhenitsyn *The Oak and the Calf***

Г. М. Алтынбаева

Gulnara M. Altynbaeva, <https://orcid.org/0000-0001-5168-7138>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, gulnarama@gmail.com

The article analyzes parenthetical statements by A. I. Solzhenitsyn on the material of the 'sketches of literary life' – *The Oak and the Calf*. It is proved that this type of narrative is an important means of manifesting the author's personality in the writer's memoirs.

Keywords: A. I. Solzhenitsyn, *The Oak and the Calf*, author's image, literary life of the 1960s, commentary in parentheses.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-81-84>

Впервые на скобки у А. И. Солженицына обратил внимание известный отечественный лингвист А. Д. Шмелев, давший на материале публицистики и художественной прозы писателя «схематичный и тезисный обзор разнообразных функций»¹ скобок как пунктуационного знака со «смысловой нагрузкой». Мы взяли на себя труд продолжить в этом направлении исследование мемуарного текста А. И. Солженицына, учитывая, что жанровые границы такого текста, в солженицынском понимании, расширяются под влиянием материала: «...сам материал продиктует то, что надо»².

В 1967 г. А. И. Солженицын закончил работу над основным текстом мемуаров «Бодался телёнок с дубом», в 2004 г. предпринята последняя правка³. Книга, на наш взгляд, является примером нового типа современной отечественной мемуаристики⁴. В «очерках литературной жизни»

читатель узнает о подробностях общественной борьбы; прочитает мысли Солженицына о свободе художника, о цензуре и идеологии, об опасностях «игры на струнах пустоты»; столкнется с проблемой «художник и власть», с вопросами теории и истории литературы, проникнется сложностью писательского труда⁵.

Мемуарные книги Солженицына полифоничны на всех уровнях текста. К такому утверждению мы приходим, обратив внимание и на авторские комментарии в скобках, которые присутствуют практически на каждой странице «Телёнка». Задача данной работы – проанализировать высказывания Солженицына, помещенные в скобки, с целью показать их как важный способ проявления авторской личности.

«Бодался телёнок с дубом» – хронологически последовательные заметки о литературной жизни, в которой Солженицын принимал непосредственное участие. В очерках представлены образы эпохи, описана обстановка жизни и творчества писателя в Советском Союзе. Сознательное мемуарное повествование началось в период новомирского обсуждения рассказа «Щ-854» в январе 1962 г.: «С этого времени я догадался, что сгодятся когда-нибудь записи литературных встреч, и стал записывать всегда посвежу, а то и при самих обсуждениях» (28). Читателю не только открываются моменты творческого процесса писателя, но, прежде всего, дана подробная стенограмма тогдашних литературных событий, детально составленная Солженицыным и разносторонне прокомментированная. Обратимся к тексту и проанализируем комментарии в скобках, опираясь на типологию солженицынских скобок, предложенную А. Д. Шмелевым.

В 1983 г. в «Некоторых грамматических соображениях» Солженицын выводит свою формулу авторского письма: «Я считаю нужным следить, чтоб не происходило такого резкого отрыва письменной речи от гибкой устной»⁶. Писатель – сторонник «живого дыхания речи». В этом, на наш взгляд, причина функционального разнообразия авторских высказываний в скобках. Кроме того, важно учесть еще один фактор: Солженицыну, стороннику исконно русской языковой традиции, близка, как нам представляется, нарративная форма, когда описание произошедшего события неразрывно связано с моментом речи об этом событии. Не раз в мемуарах звучит

формула «потом я узнал...». В этом видится продолжение пушкинской манеры воспоминаний, обозначенной в «Капитанской дочке». Дистанцированность и аналитизм давали возможность Солженицыну выдвигать **возможные варианты развития событий**, определяли поиск нереализованных возможностей, о чем он откровенно высказывается в скобках: «А если бы нагрязнили, то – смерть, ничто меньшее не ждало меня при тогдашней безвестности и беззащитности» (10), «О, если бы!» (169). Так читатель узнает солженицынские размышления о парадоксах истории, о поступках, которых можно было избежать или которые можно было предопределить.

Читатель «Телёнка» замечает, что Солженицын создавал *комментарии в двух временах*: непосредственно в момент события (таких комментариев немного) и позже, когда формировался текст «очерков литературной жизни». Следовательно, и *автор* выступает в *двух ролях*: как участник (как историк – стенографирует события со скрупулезной детальностью) и как воспоминатель (как писатель или мыслитель – анализирует события, подчеркивая важность дистанции между событием и пересказом). В «Оговорке», предваряющей основной текст, автор пишет: «Мы не то чтоб открыто говорить и писать и друзьям рассказывать, что думаем и как истинно было дело, – мы и бумаге доверять боимся, ибо по-прежнему секира висит над каждой нашей шеей, гляди опустится. <...> И я подумал, что, может быть, время пришло кое-что на всякий случай объяснить» (5).

Не секрет, что высказывания Солженицына всегда оценочны. В «Телёнке» *авторские оценки* выделяются *двух типов*: оценка других мнений и оценка/переоценка собственного мнения. Солженицыну важно и интересно и других услышать, и свою точку зрения высказать. Так складывается полилог мнений, вариант знаменитой солженицынской полифонии.

Следуя своей этической и эстетической задаче, выраженной в «Нобелевской лекции» в формуле «Одно слово правды весь мир перетянет»⁷, Солженицын приводит в скобках кратко или развернуто **уточнения, пояснения** для читателя-современника, касающиеся событий и лиц, подробностей собственной жизни. Из этих комментариев можно *составить дополнения к «Словарю языка Совдепии»* («просто перехватить инициативу (“вставить фитиля”»)» (43), «*деды* (ленинские соратники)» (70) и др.); **подобрать материалы к энциклопедии советской жизни** («меня позвали в их большую редакционную комнату (новомирцы тогда располагались тесно, и кабинет Твардовского считался в углу той же комнаты)» (25), «Властно и радостно распорядился Твардовский тут же заключить со мной договор по высшей принятой у них ставке (один аванс – моя двухлетняя зарплата)» (27), «На даче в Пицунде Лебедев стал читать Хрущёву вслух

(сам Никита вообще читать не любил, образование старался черпать из фильмов)» (40), «для Лебедева была лестна дружба с *первым поэтом* страны (по таблице рангов это было с какого-то года официально признано)» (58) и др.); **расширить представление о биографии самого писателя** («мало было тридцати учебных часов в школе, классного руководства, одинокого кухонного хозяйства (из-за тайны своего писания я и жениться не мог)» (8), «А за одним ремеслом потянулось другое: самому делать с рукописей микрофильмы (без единой электрической лампы и под солнцем, почти не уходящим за облака)» (9), «С трибуны пленума Хрущёв заявил, что это – важная и нужная книга (моей фамилии он не выговаривал и называл автора тоже Иваном Денисовичем)» (46) и др.

Комментарии могут быть очень простыми, носить уточняющий характер, выполнять роль простых **примечаний**: «Второй раз (уже осенью 1964)» (57), «ничтожный вкрадчивый Сатюков (редактор “Правды”»)» (59), «“Застава Ильича” (фильм Хуциева)» (76), «“Ал Григ” (Дементьев)» (104), «Поликарпов (“отдел культуры” ЦК)» (110).

Еще одним из характерных типов комментария является **ремарка**. В этом, как нам кажется, проявляется намеренное использование Солженицыным драматургических инструментов при воссоздании «литературной жизни». Например, такими авторскими ремарками сопровождаются выступления: «Голоса: “Доло-ой!”» (81), «Сурков (с места)» (83), «Соболев (полканисто)» (182), «Марков (жалостливо)» (182), «Марков (страдательно)» (183), «Я (с изумлением)» (183), «Соболев (ужасаясь попасть в такое беззащитное положение)» (184), «Лакшин (подобранно, вдумчиво)» (202). Кроме того, ремарки обращают внимание на поведение действующих лиц, чтобы усилить драматизм происходящего: «Хрущёв даже подпрыгивает от смеха. И Сусллов выражает смех, так: вымахивая обе длинные руки по диагонали и так всплескивая ими» (74), «Ильичёв нахмурился» (78), «Всю его речь ему благожелательно кивал Ильичёв» (79), «Твардовский (встал в волнении, начинает расхаживать)» (184) и др.

Редко, но встречается прием, когда два типа комментариев соединяются в одном высказывании. И тогда возникают двойные скобки – **скобки в скобках** как «текст в тексте». Например, «Ну как самому защищать свою вещь? Допускаю, что не драматургия (хотя очень живые характеры, сцены). Но уж и не перепыхивание, потому что пахать как следует и не начинали!» (51–52).

Пожалуй, наиболее характерным для Солженицына и ожидаемым от него являются **комментарии, содержащие обобщения** («И это не Твардовский так сложил, это само так сложилось в журнале, естественно, по подобию всякой части своему целому, это сложилось как во

всяком учреждении, во всяком звене советской системы» (37); «это распространённый советский ораторский приём: не самому ругать – а получил письмо от Пролетарского Читателя, поди поспорь» (75); «Так и всегда: в сумрачной столице идут политические бои, а у дальних мужиков головы летят» (144)). А еще **философские, этические и эстетические рассуждения**. Автор приходит к ним не сразу, а лишь к концу своих воспоминаний. Эти комментарии предваряются **риторическими вопросами и восклицаниями**, тоже выведенными в скобки. Так, сначала заинтересовывая читателя истиной, затем настраивая на рассуждения, в итоге автор приводит к выводам и себя, и своего собеседника. «Куда утесилась русская нация? Знаем куда, всосалась в землю Архипелага» (220); «(А правда: нужно или не нужно? Как же не желать, не добиваться первой всего – своего печатания на родине? Но вот уродство: так опоздано, что уже не стоит жертв. Символический тираж, чтобы только трёп пустить о нашей свободе? Продать московским интеллигентам, у кого и так самиздатский экземпляр на полке? Или, показавши в магазинах, да весь тираж – под нож? Вот сложилось! – я уже и сам не хочу. Москва – прочла, а России – в с я правда нужней, чем старый “Раковый”. Препятствовать? – не смею, не буду. Но уже – и не нужно...)» (354–355).

Примечательно, что по комментариям в скобках можно составить композицию «очерков литературной жизни» и почувствовать движение авторской мысли. Структура напоминает драматургическое действие: 1. Завязка: сначала идут комментарии-уточнения, комментарии-пояснения, писатель прокладывает читателю путь к правде. Здесь срабатывает этическая позиция автора, выработанная жизнью и судьбой. 2. Развитие действия: акцент на полемике с оппонентами, на литературных спорах, литературной и идеологической борьбе, звучат комментарии-восклицания, комментарии к выступлениям и речам участников дискуссий, комментарии в сослагательном наклонении. Так передается полифоничность общественного сознания эпохи, на которую автор настраивает своего читателя, расставляет акценты для того, чтобы произвести на него впечатление полнотой правды и остротой оценок. В этой части мемуаров писателю помогает личный эпический и драматургический опыт. 3. Кульминация. Она включает философские комментарии, комментарии-парадоксы, открывающие перед нами Солженицына-мыслителя. Писатель и сам хочет понять, кто он, проверяет себя на прочность (он на пути к пониманию ценности «раскаяния и самоограничения как категорий национальной жизни»), хочет найти ответы на важнейшие вопросы и в читателе пробуждает эти желания и способности. Риторические приемы здесь больше публицистические, потому и вектор убедительности фактов и выводов силь-

нее направлен на читателя наивного и сомневающегося. 4. Развязка. В этой части мемуарной книги прошлое и настоящее сливаются, повествование становится интерактивным. Биографически это период высылки из Советского Союза – подробно описана процедура выдворения Солженицына, а в скобках – по сути, воспоминания Наталии Дмитриевны Солженицыной о том, что в это время было дома с родными. В конце две параллельные сюжетные линии соединяются. Эта часть – романное повествование. Таков «Телёнок», включающий основной текст, пять Дополнений и Приложение.

Писатель утверждает: «Я всё это пишу для общей истины, а не о себе вовсе» (55), «в этом право и в этом задача художника: дать с в о ю картину, заразить читателей» (102). Мемуарная книга «Бодался телёнок с дубом», охватывая важный период жизни А. И. Солженицына, даёт *его глазами* увиденный литературный контекст. При этом важной становится мера, какой меряется и русская литература, и советская эпоха, с их болями, опасностями, перспективами. И именно комментарии в скобках, как еще одна степень погружения в прямые авторские суждения наравне с голосом автора в мемуарном повествовании, дают возможность понять позицию А. И. Солженицына во всей полноте.

Надо сказать, что комментарий в скобках не единственный формально-содержательный прием проявления авторской личности в мемуаристике А. И. Солженицына. Впереди – анализ графических приемов (курсив, разрядка), синтаксических конструкций (риторические вопросы, риторические восклицания), других пунктуационных знаков (тире, многоточие), сносок и примечаний. Только системный анализ всех уровней структуры текста – от идейного до графического – позволит проникнуть в глубину смыслов мемуарной книги А. И. Солженицына, ощутить – сколько возможно – полноту его личности.

Примечания

- ¹ Шмелев А. Скобки у Солженицына // Солженицынские тетради. Материалы и исследования : альманах. Вып. 1. М., 2012. С. 168.
- ² Солженицын А. Телеинтервью на литературные темы с Н. А. Струве, март 1976 // Солженицын А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. М., 2001. С. 203.
- ³ См.: Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 28. Бодался телёнок с дубом : очерки литературной жизни. М., 2018. С. 764. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁴ Специально об этом см.: Алтынбаева Г. Книги А. И. Солженицына «Бодался телёнок с дубом» и «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» как новый тип современной отечественной мемуаристики // Poetica : межвуз. сб. науч. тр. Ставрополь, 2007. С. 214–221.

- ⁵ См. об этом: *Алтынбаева Г.* Проблемы художественной литературы в мемуарных книгах А. И. Солженицына // Интерпретация семантических отношений текста : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2006. С. 133–142.
- ⁶ *Солженицын А.* Некоторые грамматические соображения // Русская речь. 1993. № 2. С. 46.
- ⁷ *Солженицын А.* Нобелевская лекция // Солженицын А. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. С. 32.

Образец для цитирования:

Алтынбаева Г. М. Комментарий в скобках как способ проявления авторской личности в мемуарной книге А. И. Солженицына «Бодался телёнок с дубом» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 81–84. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-81-84>

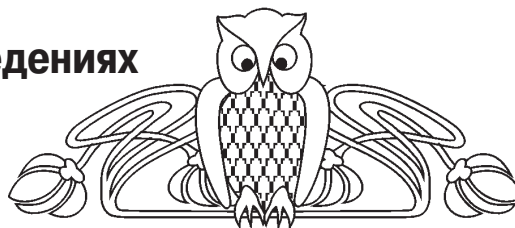
Cite this article as:

Alтынбаева G. M. A Commentary in Parentheses as a Means of Manifesting the Author's Personality in the Memoir Book by A. I. Solzhenitsyn *The Oak and the Calf*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology: Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 81–84 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-81-84>

УДК 821.111.09-31+929[Байетт+Дарвин]

Проблема «гибридности» в произведениях А. С. Байетт «Ангелы и насекомые» и «Свистящая женщина»

Я. Ю. Муратова

Муратова Ярослава Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы, Литературный институт имени А. М. Горького, Москва, Y_Muratova@mail.ru

Предлагаемый в работе термин «гибридность» соотносится с проблемой смешения животного и человеческого начала в постдарвиновской модели человека, как она представлена в творчестве Байетт. Гибридность принимает в ее романах разнообразные формы и мыслится как глубинная генетически сформированная структура, далекая от примитивного смешения бестиарного толка.

Ключевые слова: Байетт, гибридность, гибридная структура, нео-викторианский роман, ученый-биолог, Дарвин, социальные насекомые, бихевиоризм, сказка.

The Problem of 'Hybridity' in the Novels *Angels and Insects* and *A Whistling Woman* by A. S. Byatt

Ya. Yu. Muratova

Yaroslava Yu. Muratova, <https://orcid.org/0000-0002-2229-8675>, Maxim Gorky Literature Institute, 25 Tverskoy Blvd., Moscow 123104, Russia, Y_Muratova@mail.ru

The term 'hybridity' used in the article refers to the issue of how human and animal features merge in the post-Darwinian idea of the human model, as it is presented in the works of Byatt. In her novels hybridity takes many various forms and is perceived as an inherent genetically developed structure unlike the crude mixture of bestial creatures.

Keywords: Byatt, hybridity, hybrid structure, neo-Victorian novel, biologist, Darwin, social insects, behaviorism, fairy-tale.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-85-90>

«Гибридность» в данной статье понимается как способность гибрида в результате гибридизации, т. е. скрещивания, совмещать в себе признаки двух видов или подвидов¹. Предлагаемое здесь понимание гибридности близко к бахтинскому определению «гибридной конструкции»: «Мы называем гибридной конструкцией такое высказывание, которое по своим грамматическим (синтаксическим) и композиционным признакам принадлежит одному говорящему, но в которой в действительности смешаны два высказывания, две речевых манеры, два стиля два «языка», два смысловых и ценностных кругозора. Между этими высказываниями, стилями, языками, кругозорами, повторяем, нет никакой формальной – композиционной и синтаксической – границы, раздел голосов и языков проис-

ходит в пределах одного синтаксического целого <...>². М. Бахтин заимствует свой термин из области биологии и ботаники и вводит в контекст романного языка. В данной работе предлагается использовать термин «гибридность» как аналог «гибридной конструкции» в идейно-образном контексте творчества современной британской писательницы А. С. Байетт (род. 1936).

В настоящей статье термин «гибридность» применяется для описания концепции человека как существа, в котором смешаны два начала: одно из них идет из животного мира, в связи с чем ряд черт (поведенческих, физиологических) человек разделяет с миром животных – от насекомых до высших приматов. Другое – собственно человеческое, понимание и определение границ которого – одна из тем творчества А. С. Байетт. В данной работе исследуются образы и идеи Байетт, касающиеся интрузии животного элемента в постдарвиновское представление о человеке.

Проблема гибридности впервые отчетливо обозначается в образе легендарной Мелюзины, героини одноименной поэмы вымышленной викторианской поэтессы Кристабель Ла Мотт («Обладание», 1990)³, и присутствует в той или иной форме практически во всех последующих романах А. С. Байетт. Статья сосредоточена на двух произведениях: первой части диптиха «Ангелы и насекомые» («Angels and Insects», 1992) «Morpho Eugenia» и романе «Свистящая женщина» («A Whistling Woman», 2002), являющемся последней частью тетралогии об Англии двух начальных десятилетий правления Елизаветы II, в которых размышления об устройстве человеческой природы приобретают весьма отчетливые и интересные формы.

Проблема гибридности в творчестве Байетт тесно связана с фигурой ученого, чаще всего биолога: Саймон Маффетт («Игра», 1967), Уильям Адамсон («Morpho Eugenia»), Жаклин Винвор и Люк Лисгаард-Пикок («Свистящая женщина»); в роман «История одного биографа» (2000) Байетт вводит исторические фигуры биологов – Карла Линнея и Фредерика Галтона. Фигура биолога является двойником фигуры художника, которая находится в центре почти всех текстов А. С. Байетт: читателю предлагается история человека, который, будучи в начале повествования начинающим филологом, как Джулия Корбетт («Игра»), Фредерика Поттер («Дева в саду» (1978), «Натюрморт» (1985), «Вавилонская башня» (1996),

«Свистящая женщина») или профессиональным ученым-литературоведом, как Роланд Митчелл («Обладание») или Финеас Дж. Нансон («История одного биографа»), обнаруживает в себе способности к творчеству и к концу произведения смещается с полюса науки к полюсу искусства. С другой стороны, существует некое притяжение персонажей художников – вымышленного викторианского поэта Рэндольфа Эша («Обладание»), в какой-то мере А. Теннисона («Ангел супружества») и Г. Ибсена («История одного биографа») – к естественно-научным концепциям своего времени. Художник и ученый-биолог в творчестве Байетт представляют разные полюса единой сферы человеческой культуры.

В произведениях Байетт есть другой повторяющийся структурный элемент – сказка. В ней проблематика и образность романов достигают наибольшей выразительности. Приведем комментарий южноафриканской исследовательницы творчества Байетт Джессики Тиффин: «Большинство ее [А. С. Байетт] сказок призваны развивать тематические и структурные аспекты ее более длинных текстов»⁴ (перевод наш. – М. Я.). Жанр сказки позволяет беспрепятственно играть и экспериментировать с гибридными конструкциями, как на уровне жанра, так и в образном плане⁵.

Важный момент в освещении проблемы гибридности у Байетт – это оптика, т. е. телесно-ментальный аппарат, с помощью которого люди воспринимают окружающий мир. Писательница часто напоминает о том, что человеческая оптика весьма ограничена и к тому же сильно «искажена», поскольку антропоцентрична. Хорошая иллюстрация того, как человек обычно видит то, к чему привык, приводится во второй части «Ангелов и насекомых» – «Ангеле супружества», где один из персонажей, капитан Джесс, пересказывает историю встречи капитана Кука с аборигенами Новой Зеландии: те были не способны видеть парусный корабль, бросивший якорь в бухте, потому что не встречали ничего подобного в своей жизни прежде, и продолжали заниматься своими делами на берегу; но «дикари» заметили шлюпки с людьми, спущенные с корабля на воду, так как это было им знакомо⁶. Оптика исследователя (и художника) позволяет видеть то, что находится за пределами нашего повседневного, привычного видения.

Центральный персонаж «Morpho Eugenia» – вымышленный английский естествоиспытатель Вильям Адамсон. Он является собирательным портретом викторианских ученых-естествоиспытателей XIX в., таких как Альфред Рассел Уоллес (1823–1913), Уолтер Генри Бейтс (1825–1892), Ричард Спрус (1817–1893) и, конечно же, Чарлз Дарвин (1809–1882). Пристальное изучение природного мира в XIX в. показало, что там действуют такие процессы, которые весьма далеки от библейских представлений о Творении

и Творце, что имеется определенная общность между homo sapiens и animal. «Происхождение видов» («The Origin of Species», 1859), которое планировалось Ч. Дарвином как небольшое вступление к более фундаментальному исследованию, описывает важнейшие биологические законы, например, возникновение видов как самопроизвольный, саморегулируемый, лишенный какой бы то ни было метафизики процесс, где ключевыми механизмами являются борьба за существование («the struggle for existence») и естественный отбор («Natural Selection») ⁷.

С другой стороны, в результате новых энтомологических открытий в XIX–XX вв. признаки коллективного интеллекта, традиционно закрепленные за человеком, были замечены и в иных природных объектах, таких, например, как муравейник, пчелиный улей или термитная колония. Если Дарвина взаимодействие индивидуального и общего интересовало с точки зрения того, как индивидуально приобретенные признаки передаются виду, то в контексте жизни социальных насекомых ученых интересовал вопрос о том, какова природа интеллекта муравейника или улья – это разум индивидуальный или коллективный? Некоторые соображения по этому поводу и, главное, сама постановка вопроса о разуме насекомых сообществ перешли в философско-содержательный план «Morpho Eugenia».

Выразительная параллель между сообществами людей и насекомых конструируется в романе через восприятие Адамсона, который прибыл в Англию после 10 лет, проведенных в джунглях Амазонии среди «диких» племен и дикой природы, и теперь смотрит на мир через призму своего опыта этнографических и естественнонаучных наблюдений. Жизненный уклад цивилизованных земляков, живущих в изысканном викторианском особняке в окружении ухоженного парка, невольно сопоставляется Адамсоном с поведением «диких» племен, с одной стороны, и с поведенческими моделями животных, с другой: «<...> наиболее яркие экземпляры [тропических бабочек], которые парят неторопливо и гордо <...> это, разумеется самцы; их величие привлекает невзрачных самочек. В этом индейцы на них похожи: мужчины украшают себя пестрыми перьями, краской разнообразных оттенков, самоцветами. Женщины гораздо неприметнее. У нас же мужчины носят, словно черные тараканы, подобие хитиновых панцирей, а вы, женщины, напоминаете пышно расцветший сад»⁸. Сама писательница, рассказывая о создании этого произведения, описывает, что сначала возник кинематографический образ большого викторианского дома, где служанки в незаметном темном платье делают черную работу, а богатые дамы, матери семейств, лежат, развалясь, на кушетках. Это должно было перемежаться кадрами из жизни муравейника изнутри, где по коридорам снуют муравьи-рабочие, а в специ-

альных камерах покоятся муравьиные королевы⁹. Мотив гибридности слышен в многочисленных параллелях между миром людей и миром насекомых, встроенных в рамки центрального сюжета. Например, большой дом семейства Алабастеров и его хозяйство соотносятся с жизнью и устройством муравейника. Любовное увлечение Уильяма Адамсона старшей дочерью семейства, Евгенией Алабастер, иронично сопоставляется с поведением бабочек, летящих на огонь, мотыльков-самцов, привлеченных запахом бабочек-самок, и пчелы, захваченной запахом цветка.

По мере развития сюжета проблема гибридности приобретает оттенок антитезы, когда выясняется, что именно животное, инстинктивное, чувственное начало мешает главному герою видеть истинное положение вещей, заключающееся в том, что Евгения Алабастер, ставшая его супругой и матерью многочисленных детей, состоит в инцестуальной связи и дети биологически не являются его потомством. Животная чувственность и агрессия в характере Эдгара Алабастера диктуют его животное поведение, жертвами которого становятся его родная сестра и шестнадцатилетняя служанка Эйми.

Во вставных текстах категория гибридности приобретает еще более выразительные и интересные формы. Яркий пример – книга Уильяма Адамсона о домашнем фурмикарии «Бурлящий город. Естественная история лесного государства, его устройство, экономика, оружие и средства обороны, его возникновение, экспансия и упадок», написанная в духе научно-популярных романов Ж. Верна. Приведенные в романе названия глав говорят сами за себя: «Исследователи обнаруживают город», «Наименование и картографирование колоний». Муравьиная жизнь описывается в терминах и моделях человеческого сообщества, где есть общественное устройство и власть, ремесленные цеха (строители, уборщики, землекопы), социальная стратификация (питомцы, паразиты, хищники, гости и муравьиный скот), милитаристская тематика (война и вражеское вторжение), любовная сфера (пленники любви: царицы, трутни, брачный полет, основание колоний) и т. д. Антропоморфный язык, который использует Уильям, прекрасно это осознающий, представляет, на наш взгляд, одну из граней проблемы гибридности, где уже природный мир рассматривается в свете человеческих мер и ценностей. Размышления викторианца Адамсона созвучны концепции «суперорганизма», которую разработал американский энтомолог XX в. Эдвард О. Уилсон. По словам Байетт, она опиралась на его известную книгу о социальных насекомых, где термин «суперорганизм» (the superorganism) описывает «<...> колонию со множеством признаков организма, но на одну ступень выше в иерархии биологических структур. Базовыми элементами в супер-

организме являются не клетки и ткани, а тесно взаимодействующие животные»¹⁰ (перевод наш. – М. Я.). Сам Адамсон, проводя параллель между муравейником, которым управляет неведомый разум, и человеческим организмом, где все клетки «сотрудничают» и выполняют свои задачи во благо жизни организма, упоминает гораздо более ранний источник – басню Менелая из «Кориолана», в котором государство сравнивается с телом, все члены и органы которого «способствуют его непрерывной жизни и благосостоянию»¹¹.

Гибридная модель приобретает особую пластику, практически смещается в план метаморфоз во вставной сказке «Внешний вид обманчив» («*Thing Are Not What They Seem*»). Сказка основана на мифе о волшебнице Цирцее, к которой попадает Одиссей со своей командой. Однако в сказке Байетт подчеркивается, что именно животное начало в морях, выразившееся в их животном голоде, в нарушении статуса гостя, который обязывает ждать разрешения хозяев, становится причиной того, что фея Коттитоз Пан Демос превращает их в свиней. Фигуры волшебниц в сказке сосредоточивают в себе гибридные черты. Коттитоз Пан Демос является, по мысли Байетт, одной из ипостасей Афродиты Пандемос, т. е. Афродиты Народной, воплощающей земное, в своих низших формах животное начало. Другая фея, представленная как загадочная фигура за занавесом, совмещает в себе черты льва и прекрасной дамы и являет образ Госпожи Природы, великой Сфинкс, в зрачке которой отражаются все существующие формы¹².

В романе «Свистящая женщина» Байетт обращается к бихевиористским теориям 60-х гг. прошлого столетия, в частности к идеям К. Лоренца, касающимся роли инстинкта в поведении животных. Героям романа, а также читателям предлагается поразмышлять над тем, что движет людьми в их действиях и каково соотношение разумно-человеческого и инстинктивно-животного в такой чувствительной сфере, как секс и любовь. Персонажи романа – биологи Жаклин Винвор и Люк Лисгаард-Пикок – изучают популяцию улиток, модели их размножения и генетического наследования. Оптика их видения сформирована научными концепциями, и когда Люк думает о своей безответной любви к Жаклин, он почти всегда автоматически сопоставляет их взаимоотношения с поведением животных – птиц или приматов: «Он часто думал, что мог бы рассматривать себя как неудачный научный эксперимент по исследованию любви или желания. Научное объяснение его собственного поведения состояло бы в том, что самцы похожих видов – бабуины, приматы – думали только о сексе и соперничестве и стремились собирать и завоевывать. Но это не объясняло его уверенности в том, что Жаклин была для него *та самая*, не объясняло его не-

способности принять рациональное решение и найти другую, более податливую и восприимчивую женщину. Он задавался вопросом, не были ли эти механизмы подобны импринтингу. Тебя может накрыть волна феромонов и ты будешь сходить с ума от желания, но это далеко от того, чтобы пребывать год за годом в состоянии безнадежного ожидания. Он подумал о птенцах лебедя, которые, только что вылупившись, принимали гуся, утку или магазинную тележку с клаксоном за своего родителя» (перевод наш. – М. Я.)¹³.

Категория гибридности в романе тесно связана с образами птицы и улитки. «Птичья» фамилия Люка «Пикок» (Peacock), по-английски «павлин», работает как маркер глубоко заложенной в человеке гибридной структуры и всячески обыгрывается на идейно-образном уровне. Так, перед выступлением на конференции «Тело и Разум» Люк повязывает на шею шарф с рисунком павлиньих перьев. Его оживление, энергия и желание завоевать аудиторию напоминают зрителям поведение красующегося павлина. Перед свиданием с Жаклин он украшает интерьер своего холостяцкого жилища вазой с павлиньими перьями и невольно сравнивает себя с самцами шалашника (bower-bird), готовящими гнездо для самочки. Предварительно он тщательно разглаживает и скрепляет пальцами растрепанные части хвостовых перьев, как если бы он был птицей и занимался своим «туалетом». Так называемый «павлиний глаз» на хвостовом оперении несет сложную символику в романе: для Жаклин это «народная» примета несчастья; для Люка это напоминание о Дарвине, который в письме к сыну писал, что один вид «павлиньего глаза» сводит его с ума¹⁴, имея в виду, что столь одиозная окраска не вписывается в концепцию выживания и естественного отбора. Уже позже разработчик эволюционной теории придет к идее полового отбора, объясняющей вычурные наряды экзотических птиц. Намек на это дается в эпизоде свидания Жаклин и Люка, где подчеркивается, что Жаклин одета в сдержанно-коричневые тона, подобно защитной окраске самок птиц, в то время как Люк ходит в ярком фартуке с бело-синими полосами, а пышный «павлиний букет» в вазе выступает в этом эпизоде как распущенный хвост павлина-самца, стремящегося поразить самочку. Люк мысленно сравнивает свои действия – хлопоты по уборке и украшению дома, приготовление еды, собственное поведение за столом и угощение Жаклин – с брачными играми чаек и альбатросов. Сама Жаклин в контексте общения с Люком уподобляется птице: ее цепкий взгляд, поворот головы, хрупкость, скромный аппетит («Я ем, как птичка»¹⁵, – говорит Жаклин за столом), неуловимость для Люка, наконец, сновидение Люка, в котором Жаклин предстает в образе птицы, которую он пытается удержать в руках. В этот ряд птичьих аналогий как бы случайно

попадает образ улитки: во время близости с девушкой у Люка возникает неудачное воспоминание об опытах другого биолога в начале XX в. по сексуальной стимуляции гигантских римских улиток, интимные места Жаклин вызывают в воображении Люка аналогию с этими существами. В природе улитка служит для птиц едой, а для героев романа становится объектом исследования и символом спирали жизни. Более того, поскольку улитка является гермафродитом, автор рассматривает ее как метафору независимости.

Сказочной ипостасью гибрида в романе является образ женщины-свистуньи (whistler) из вставной сказки, которая в виде фрагментов повествуется на протяжении всего текста книги. Свистуньи похожи на сирен: признаки птиц – длинные лебединые шеи, удлинённые выгнутые в форме ятагана клювы, крылья, птичьи лапы и перья – причудливо смешаны с женскими чертами – лицом, длинными волосами и женским телом. Они обитают в ледяных пустынях, их свист непереносим для человеческих ушей, их окружает ореол ужаса и смерти, так как ни один человек после встречи с ними не вернулся домой. Свистуньи – это женщины, изгнанные из патриархального сообщества за свое стремление владеть знаниями и свободой мужчин. Заснеженные, открытые ветрам просторы их обитания, опасные и враждебные для людей, – это пространство их эмоциональной и интеллектуальной свободы, родственное снежному царству андерсоновской Снежной королевы¹⁶.

В романе можно встретить пародийный вариант «дарвиновской», т. е. осмысляемой в терминах науки, гибридности: речь идет об астрологических семинарах Евы Вейннобел, супруги проректора университета. В астрологии человек предстает как гибрид зодиакального знака и человеческого существа, причем свойства зодиакального знака трактуются в рамках определенного сложившегося шаблона, учитывающего не столько внешние признаки, если это, например, животное, сколько характеристики его образа жизни, поведения. Причем сами характеристики даются в своеобразном фольклорно-эзотерическом ключе, как, например, в лекции Евы Вейннобел: «Скорпионы избегают света, эти существа принадлежат темноте. Из-за ассоциации с силами тьмы Скорпион всегда выступает как особое место проявления сил зла в космосе. Он парализует свою жертву жидким ядом, он бежит гармонии других существ и жадно удерживает то, что имеет. В человеческих существах характер Скорпиона способен на большой обман и может получать удовольствие от страдания» (перевод наш. – М. Я.)¹⁷. Свойства зодиакального Скорпиона в полной мере проявлены в самой Еве, которая утверждает, что родилась под знаком Скорпиона и принадлежит древнему жреческому роду из Египта, поклоняющемуся богине скорпионов. Подобно скорпионам, она избегает

дневного света (в романе есть эпизод, где она красит гостиную в черный цвет), одевается в черное, носит длинные черные волосы по образу древнеегипетских изображений богинь. Психическое расстройство Евы тесно увязано в романе с эзотерикой и астрологией, что контрастирует с рациональным поведением и мировоззрением ее мужа, известного биолога, и других ученых, работающих в университете. Сюжетная линия Евы завершается ее приходом в манихейскую секту и самоожжением, здесь Байетт использует известное поверье, будто бы скорпионы могут сами себя смертельно ужалить.

Стоит также упомянуть в связи с категорией гибридности выводы неоднозначных статей одного из персонажей романа, биолога-бихевиориста Теобальда Эйхенбаума. В начале 40-х он занимался исследованиями стадного инстинкта и вслед за основателем евгеники Гэлтоном утверждал, что унаследованное людьми от животных предков стадное чувство помогает избегать личной ответственности. В некоторых аспектах, касающихся использования евгеники для выведения людей высшей расы, его статьи сближались с расовой теорией национал-социализма.

Таким образом, очевидно, что гибридность у Байетт не есть механическое соединение разных деталей подобно тому, как устроены бестиарные персонажи типа кентавра или единорога. Она видится как глубинная структура, сложившаяся в результате эволюции: дарвиновская концепция изначальной общности человека и животного уже задает его «гибридность» на генетическом уровне. Животный аспект гибридной конструкции вызывает у писательницы серьезный интерес и иронию, на просторах ее романов разворачивается сложная игра, которая принимает самые разные формы – от ироничных параллелей между сообществами людей и социальных насекомых в нео-викторианском романе «Ангелы и насекомые» до бихевиористского анализа человеческого поведения в «Свистящей женщине». В романе «Свистящая женщина» ставится вопрос об утилитарности всех «избыточных» наработок человеческой культуры, таких как, например, эстетика слова или живописной формы, ненужных для выживания с точки зрения дарвинизма. Герои романа сравнивают эстетическое удовольствие с оригинальными способами адаптации, не случайно павлинье перо исполняет столь важную символическую функцию в книге. Центральная героиня тетралогии об Англии 50–60-х гг., Фредерика Поттер, предполагает, что именно бессмысленность (meaninglessness) подобных структур мысли делает человека человеком. Добавим, что, возможно, данная непрактичность, отделяющая человека от животного мира, дает этому виду на земле преимущество, поскольку позволяет ему не только успешно приспособиваться, но и приспособливать среду сообразно своим желаниям.

Примечания

- 1 См.: «Гибрид, а, м. 1. Организм (растения или животного), полученный в результате гибридизации <...> 2. *Перен.* О чем-л., совмещающем признаки различных предметов, явлений и т. п. ...» (Большой академический словарь русского языка : в 23 т. Т. 4. М., СПб., 2006. С. 104) ; «Гибридизация [*лат.*; см. Гибрид] – скрещивание особей, принадлежащих к различным сортам, породам, подвидам (внутривидовая г.) или видам и родам (отдаленная г.) растений и животных» (Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 124).
- 2 *Бахтин М.* Слово в романе // *Бахтин М.* Собр. соч. : в 7 т. Т. 3. М., 2012. С. 57.
- 3 См.: *Муратова Я.* Чудесные превращения Мелюзины в квазивикторианском романе А. С. Байетт «Обладание» // *Бестиарий антитез (Res et Verba 7)* : сб. ст. Тула, 2019. С. 206–214.
- 4 «Most of her tales are called into service to develop thematic and structural aspects of her longer texts» (*Tiffin J. Ice, Glass, Snow : Fairy Tale as Art and Metafiction in the Writing of A. S. Byatt // Marvels & Tales.* 2006. Vol. 20, № 1. P. 50. DOI: 10.1353/mat.2006.0018).
- 5 См.: *Радько Е.* К вопросу о поэтике современной английской сказки А. Байетт // *Эстетика минимализма : малые жанры как форма времени : материалы XXI Всерос. науч.-практ. конф. словесников.* Екатеринбург, 2018. С. 58–67.
- 6 См.: *Байетт А.* Ангелы и насекомые. М., 2000. С. 258.
- 7 См.: *Darwin C.* The Origin of Species. Oxford, 1998.
- 8 *Байетт А.* Указ. соч. С. 18.
- 9 «I had the idea that a wonderful film could be made, using a large Victorian house, full of whisking black-clad female workers, and white soft fecund women lying in warm rooms on sofas, alternated with the visions of the interior of anthills the camera can now provide» (URL: <http://www.asbyatt.com/Onherself.aspx> (дата обращения: 28.08.2019)).
- 10 «<...> a superorganism, a colony with many of the attributes of an organism but one step up from organisms in the hierarchy of biological organization. The basic elements of the superorganism are not cells and tissues but closely cooperating animals» (*Hölldobler B., Wilson E.* The Superorganism : The Beauty, Elegance, and Strangeness of Insect Societies. N. Y., 2009. P. 4).
- 11 *Байетт А.* Указ. соч. С. 165.
- 12 См.: *Byatt A.* On Histories and Stories. Selected Essays. Harvard, 2001. P. 120–121.
- 13 «You could turn yourself, he often thought, into a kind of scientific experiment on love, or desire, gone wrong. A scientific explanation of his own behaviour would be that males of similar species – baboons, apes – thought of little but sex and competition, were driven to collect and compel. But then, that didn't explain his own certainty that Jacqueline was *the one* for him, his own inability to make a rational decision to find another, more compliant, more receptive woman. <...> He wondered if the mechanisms were akin to imprinting. You could receive a wave of a pheromone that sent you mad with desire, but it didn't put you into a state of hopeless waiting for year after year?

He thought about swan chicks emerging from the shell to suppose a goose, or a duck, or a luggage trolley with a honker, were their parent» (Byatt A. *A Whistling Woman*. L., 2002. P. 21–22).

¹⁴ «The sight of a feather in a peacock's tail, whenever I gaze at it, makes me feel sick» (Byatt A. *On Histories and Stories...* P. 357).

¹⁵ Ibid. P. 174.

¹⁶ Ibid. P. 155–156.

¹⁷ «Scorpions avoid light – they are creatures of darkness. Because of this association with the Dark Forces, the Scorpion has always been viewed as a special entry-point for the forces of evil in the cosmos. It paralysis its prey with liquid poison, it flees the harmony of the creatures and tries to hold what it has greedily to itself. The Scorpio character in human beings is capable of great malice and pleasure-in-suffering» (Byatt A. *A Whistling Woman*. P. 287).

Образец для цитирования:

Муратова Я. Ю. Проблема «гибридности» в произведениях А. С. Байетт «Ангелы и насекомые» и «Свистящая женщина» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 85–90. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-85-90>

Cite this article as:

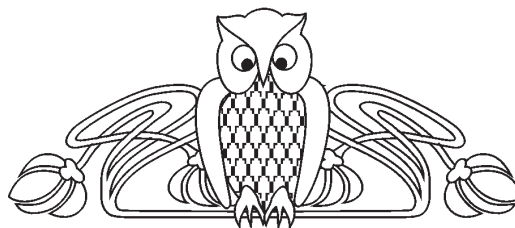
Muratova Ya. Yu. The Problem of 'Hybridity' in the Novels *Angels and Insects and A Whistling Woman* by A. S. Byatt. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 85–90 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-85-90>

УДК 821.133.1.09+929Перек

Проблема еврейской идентичности в произведениях Жоржа Перека

В. В. Кириченко

Кириченко Владислав Владимирович, аспирант кафедры истории зарубежных литератур, Санкт-Петербургский государственный университет, kirlimfaul@gmail.com

Настоящая работа посвящена анализу еврейской идентичности в творчестве французского писателя Жоржа Перека. Автор приходит к заключению, что данная проблема имеет существенное влияние на поэтику Перека, она представлена в приемах формальных ограничений и «эстетики отсутствия», имеющих целью реконструировать память и прошлое Перека с помощью игры языка.

Ключевые слова: Жорж Перек, идентификация, память, эстетика отсутствия, автобиография, еврейская идентичность, формальное ограничение.

Problem of Jewish Identity in Georges Perec's Works

V. V. Kirichenko

Vladislav V. Kirichenko, <https://orcid.org/0000-0002-9209-0554>, Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia, kirlimfaul@gmail.com

This paper covers the analysis of Jewish identity in the works of the French writer Georges Perec. The author comes to the conclusion that this problem has a significant impact on the poetics of Perec, it is presented in the techniques of formal constraints and the 'aesthetics of absence', the purpose of which is to reconstruct Perec's memory and past by means of language play.

Keywords: Georges Perec, identification, memory, aesthetics of absence, autobiography, Jewish identity, formal constraint.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-91-95>

В литературе этническое происхождение автора является немаловажным аспектом. Часто в творчестве писателей можно встретить эксплицитные или имплицитные указания на их национальные корни, с которыми нередко связана проблематика произведений. Литераторы осознанно или неосознанно оказываются под влиянием не только языка, но и культурных традиций их народа.

Цель настоящего исследования состоит в попытке установить, повлияли ли еврейские корни французского классика Жоржа Перека (1936–1982) на его творчество, и если да, то как. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть ряд более частных моментов, а именно: 1) что Перек понимает под еврейской идентичностью, что он думает о себе как о еврее? 2) как реализуется проблема еврейства в его автобиографической прозе? 3) как еврейство представлено в

его художественных произведениях? Кроме того, в связи с тем, что понятие «'תּוּרָא» («еврейство») подразумевает под собой достаточно широкий спектр явлений (религию, национальность, происхождение, этническую общность, культуру, юридический статус), стоит подчеркнуть, что в рамках настоящей работы актуальными являются все значения, кроме юридического и религиозного. Проблема еврейской идентичности кажется важной по причине автобиографической направленности большинства произведений автора, в рамках которой возникает тема утраченной и/или непознанной культуры, «эстетика отсутствия», остранение детства и собственных воспоминаний.

Жорж Перек является французским писателем и кинорежиссером. Он родился в семье еврейских иммигрантов из Польши Ицека-Юдки Переца (1909–1940) и Цыры Шулевич (1913–1943). Призванный в армию, отец писателя погиб от ранения в 1940 г. Большинство родных погибли в гитлеровских лагерях и во время депортации (мать – в Освенциме)¹, поиск их следов, усилие памяти и невозможность их вернуть стали движущей силой прозы Перека. По линии отца Перек находится в родственной связи с Ицхоком-Лейбушем Перецем, классиком еврейской литературы, однако параллели между произведениями двух писателей не встречаются. Несмотря на многочисленные еврейские знакомства, которые во многом были утрачены после Второй мировой войны, Перек все же поддерживал отношения с некоторыми евреями, в том числе родственниками. Он почти всю жизнь прожил во Франции и лично не познакомился с еврейской культурой, поэтому уже в зрелом периоде своего творчества он интересуется проблемой самоидентификации, хотя в широком смысле проблема самоопределения возникает уже в самом первом написанном, но опубликованном лишь посмертно романе автора «Кондотьер» (2012).

Исследования проблемы еврейской идентичности в творчестве Перека широко представлены лишь во французском литературоведении, причем главным образом в контексте изучения творчества еврейских писателей после событий Холокоста (Леви², Нордхольт³, Деку⁴). Одна из первых работ была написана в 1984 г., когда проходила конференция в Серизи (Франция), посвященная творчеству автора. В рамках этой конференции Марсель Бенабу представил доклад под названием «Перек и еврейство»⁵, в котором

впервые рассматривалась проблема еврейской идентичности Перека и ее влияние на его творчество. Факт этого влияния неопровержим в связи с тем количеством возникающих тут и там переплетений еврейства с другими историко-культурными темами автора. Со времен Бенабу к этой проблеме обращались не раз (Бюржелен⁶, Лежен⁷, Манье⁸, Видал-Наке⁹), но она так и осталась неразрешенной. Важно отметить, что ранний период творчества автора, как и время его литературных экспериментов в УЛИПО, видятся лишь имплицитно связанными с данной проблематикой. Однако произведения 1970-х гг. имеют вполне конкретное отношение к теме еврейских корней Перека: «W, или Воспоминание детства», «Я родился», «Эллис-Айленд» и др.

Если можно было бы условно обозначить начальную точку рассуждений автора о своем еврействе, то стоило бы указать на то, что Перек не еврей, он француз-католик, крещенный в 1943 г. Его искания своего «еврейства» связаны с поиском утраченных следов родителей и родственников, для которых еврейство было повседневной насущностью. Перек остраивает еврейство исходя из необходимости лучшего понимания себя и своего прошлого, он начинает с отсутствия своего еврейства, отсюда, видимо, частично проистекает его специфическая «эстетика отсутствия»¹⁰.

Наиболее полное представление Перека о еврействе можно встретить в его произведении «Эллис-Айленд» (1980), в котором автор пытается реконструировать один случай из истории еврейской иммиграции. Перек постоянно задается недвусмысленными вопросами о том, что значит быть евреем, что такое еврей: «Точно не знаю, что значит вообще / быть евреем, / каково мне быть евреем / это, если угодно, столь очевидно, но очевидность никчемна, она не отсылает меня ни к чему; / это не знак принадлежности, / это не связь с религией, верой, / фольклором, обычаями и языком; / это, должно быть, скорее молчание, отсутствие, вопрос, вопрошание, колебание, беспокойство»¹¹. Из отрывка видно, что этническая принадлежность объясняется Переком через сомнение и непонимание. По его мнению, осознание своей принадлежности зависит от самих колебаний самоопределения, вопрошание становится процессом установления, а беспокойство и неуверенность – лишь единственными возможными константами. Этот взгляд на еврейство схож с авторским принципом автобиографического письма, который основан на невозможности дать четкое определение, сказать полную правду. Кроме того, этот постоянный поиск себя как самоидентификация связан с утратой чего-либо в пользу чего-то иного, нового. В этом контексте можно говорить об «эстетике отсутствия» в творчестве Перека, однако за этим «отсутствием», вероятно, есть тот самый момент присутствия нового, открываемого через письмо: например, изначальное утверждение в романе «W, или Воспо-

минание детства» (1975) того, что у автора нет детских воспоминаний, является попыткой внедрения «отсутствия», начальным отрицанием, вокруг которого выстраивается немалый текст об этих воспоминаниях.

Перек сравнивает свое представление с точкой зрения французского режиссера польско-еврейского происхождения Робера Бобера (род. 1931), для которого «быть евреем значит некогда получить, чтобы в свою очередь передать, всю совокупность обычаев, кухню, танцы, песни, слова, вкусы, привычки / и, самое главное, чувствовать, что разделяешь эти занятия с другими»¹². Таким образом, Бобер понимает этническое наследие сугубо в культурном плане, в отличие от Перека, для которого попытка постепенного самоопределения восходит к «ужасу удивления»: «Уверенность в том, что я был обозначен евреем, / а раз евреем, то, значит, жертвой, / и жизнью своей обязан лишь случаю или изгнанию»¹³.

Перек был не просто знаком с Бобером, он находился с ним в приятельских отношениях, они также сняли совместный фильм «Рассказы об Эллис-Айленде. Истории скитаний и надежд» (1979), повествующий об острове Эллис, который был самым крупным пунктом приема иммигрантов в США (1892–1954). По Переку, этническая принадлежность может определяться опытом повторяемых локальных практик, интегрирующих людей и переходящих из поколения в поколение, сюда же относятся и повседневные церемониалы.

Несколько позже Бобер снял другой документальный фильм «Поднимаясь по улице Вилен» (1992), который посвящен жизни и творчеству Перека. В фильме есть интересное наблюдение или даже спекуляция, которая состоит в том, что для Перека огромную важность имели три буквы «G», «E», «W», что похоже по звучанию на английское «Jew» (еврей). Кинорежиссер связывал значения этих букв-символов с улицей Вилен, на которой Перек жил с рождения до 1942 г., причем, будучи уже взрослым, много раз возвращался на это место, пытаясь вспомнить и записать свое прошлое, описывая саму улицу. В фильме Бобер подчеркивает, что форма улицы напоминала букву идиша «v» (аналог французской «e»). Буква «G» является не только инициалом имени Перека, но и главного героя в творчестве автора – Гаспара Винклера (Gaspard Winckler), который может считаться alter ego Перека. Буква «W» имеет множество значений в романе «W, или Воспоминание детства», одним из которых является метафора острова с тоталитарной государственностью. Р. Бобер приписывал букве значения бесконечности и полиморфности. В этом произведении полиморфность «W» встречается не раз, причем она может трансформироваться и в звезду Давида, и в сочетание «SS», и обретать многие другие символические значения.

В данном контексте любопытно, что «W» – самая чужая буква в этой «троице», во французском языке она используется только в заимствованных словах («wagon», «whisky», «week-end» и т. п.). Причем появляется она естественным образом из германского суперстрата, т. е. древнефранкского языка. Многие дошедшие до современных французов слова этого языка претерпели необычные метаморфозы. Например, древнефранкское «werra» стало французским «guerre» («война»), «wrist» – «guêtre» («гетра») и т. д. Можно видеть, что есть закономерность изменения «W» в «G»¹⁴. «W» имплицитно отражает отношение Перека к самому себе как к чужаку, постороннему. Эта идея о символическом значении букв может показаться немного натянутой, однако в текстах Перека действительно встречается множество примеров подобных метатекстуальных взаимовлияний различных элементов (см. далее об «автобиографической оркестровке»).

Литературовед Максим Деку неслучайно определяет отношение Перека к своим еврейским корням как к чему-то чуждому, лакановскому Другому, с одной стороны, опасному своей инаковостью, с другой – интересному своей особенностью: «Еврейство Перека является еврейством другого, которое первоначально выступает как неизменная и проблематичная лакуна»¹⁵. Возникающая здесь травма, связанная с незнанием и непониманием, имеет антропогенное значение и относится к Переку и его родителям. Подтверждение этому встречается в «Эллис-Айленде»: «В чем-то я чужд чему-то в себе самом; / я в чем-то “иной”, но иной по отношению к “другим”, а не к “своим”: я не говорю на языке, на котором говорили мои родители, не разделяю ни одного из воспоминаний, которые они могли иметь; нечто, принадлежавшее им, делавшее их теми, кем они были, их история, их культура, их надежды, мне не передалось»¹⁶. В данном случае травматический опыт и возникновение Другого (нееврея) вызваны причиной авторского незнания своих родителей (евреев).

Наиболее известным переживанием Перека по поводу «измененной» идентичности является упоминание в романе «W, или Воспоминание детства» о неправильно записанной фамилии. Как видно из настоящего написания фамилии писателя, она должна читаться как /rɛgɛk/ (Регес), в его фамилии отсутствует диакритик (удвоенное «г» как вариант) для верного прочтения на французском, а конец оригинальной фамилии естественно модифицировался: польское /ts/ стало читаться как /k/. Таким образом изменение имени может быть прочитано как акт контингентной (случайно) трансформации идентичности (напомним, фамилия отца и матери Перека все еще была «Перец»)¹⁷. Подобный случай неверного переноса имени был достаточно рядовым для того времени, однако для творчества Пере-

ка даже это оказывается важным: с одной стороны, как проблема из области повседневности, а с другой, как автобиографический вопрос о том, кто я есть. Столь ярко переживаемое в романе изменение имени связывается с обретением другой/чужой идентичности.

Случай трансформации имени оказывается симптоматичным явлением прозы Перека и имеет ряд других вхождений. Например, он пишет о своем отце: «Ицек – это, разумеется, Исаак, а Юдко, несомненно, уменьшительная форма Иегуди. Моего отца вполне могли назвать Андре <...>. На самом деле все называли моего отца Изи (или Изы), один только я не протяжении многих лет думал, что его звали Андре»¹⁸. Этой фразой Перек показывает свою оторванность от еврейского мира в связи с незнанием реального имени отца, этот жест выступает подтверждением для Перека того, что он почти не знал своих родителей, хотя хорошо понимал, почему его отец сменил имя. Более того, образ отца встречается в романе в силуэтах других незнакомцев, фигуры которых переплетаются с буквой «W».

К еврейской теме¹⁹ также относится одно воспоминание из детства Перека. Он описывает его так: «Мне три года. Я сижу в центре комнаты <...>. Я внутри замкнутого семейного круга <...>. Все в восторге от того, что я узнал и указал букву древнееврейского алфавита <...>. Сюжетом, мягкостью, освещением все происходящее, кажется мне, похоже на сцену какой-то, возможно существующей у Рембрандта, а возможно и выдуманной, картины, которая называлась бы “Иисус перед учителями (2)”»²⁰. В этом отрывке возникает (как и позднее в книге «Я родился», 1990²¹) сравнение себя с Иисусом, скорее всего, потому что последний часто изображался ребенком на иконах. Упомянутая автором картина не существует, но в тексте он сам себя поправляет и замечает, что это скорее картина «Принесение во храм». Буква, которую узнал Перек, называется «гимел», и она могла быть инициалом его имени, так как означает звук «g», а также число 3. Некоторые исследователи указывают на особую значимость четырех чисел в этом романе автора: 1) первая пара 11 и 43 (11 февраля 1943 – смерть матери Перека); 2) 7 и 3 (07.03.1936 – дата рождения писателя)²².

В. М. Кислов, основной переводчик произведений Перека, вслед за теоретиком автобиографии Ф. Леженом отмечал особый прием прозы писателя – «автобиографическая оркестровка»²³, под которой Лежен подразумевал такое явление, когда звуки, числа, буквы и слова вступают в неосознанные отношения и переклички. Ярким примером «автобиографической оркестровки» может служить символизм цифр, описанных в предыдущем абзаце. Иной случай можно встретить в начале романа «W, или Воспоминание детства», когда одному персонажу официант предлагает купить брецели к пиву, а впослед-

ствии Перек рассказывает, что его имя связано со словом «брецель». Таким образом, с одной стороны, возникает смысловое сцепление на уровне словесной детали между вымышленной частью произведения и автобиографической, а с другой – разрыв логической ткани текста, поскольку в вымышленном отражается реальное, а в реальном вымышленное, что иногда именуют «автовымыслом»²⁴.

Перек не просто хватается за случайные детали, но, скорее, специально продумывает мельчайшие значения. Взять, к примеру, тот же анализ своего собственного имени. Перек сожалеет о своем незнании и пытается понять истоки своего имени, обращаясь к Библии и языкам: «Моя родовая фамилия – Peretz. Она упоминается в Библии. На иврите это “прореха”, а на русском – “перец”, на венгерском (точнее, в Будапеште) этим словом обозначается то, что мы называем “брецель” (“брецель” – это не что иное, как уменьшительная форма (Beretzele) от Beretz, а Beretz – как Baruk и Varek – выкован из того же корня, что и Peretz; если не на иврите, то на арабском “п” и “б” – одна и та же буква)»²⁵. Однако эта этимологическая рефлексия является не до конца верной, поскольку некоторые элементы номинативной последовательности являются несвязанными друг с другом в действительности, например, «Baruk» и «Varek» не имеют отношения к «Peretz». Несмотря на хорошую образованность Перека, вероятнее всего, он не проверял свои размышления. Такой «лингвистический» анализ может и не быть прочно связан с этническим вопросом, здесь иврит является лишь попутным случаем этимологического рассуждения, одним из звеньев многообразия имени. Тем не менее кажется, что перечисление различных вариантов значения имени является авторским способом приблизиться к лучшему пониманию себя. Важно, что один из встречаемых вариантов означает «дыра» («прореха»), что так ловко совпадает с его «эстетикой отсутствия» – еще одно доказательство «автобиографической оркестровки». Несмотря на то что это вполне возможно заранее продуманный план Перека, в этих отрывках улавливается искренность случайных наблюдений.

Случайными наблюдениями полна книга «Я помню» (1978), написанная по подобию «I remember» Джо Брейнарда, о чем Перек сам говорит в начале произведения. В этом эссе не встречается никаких воспоминаний, каким-либо образом связанных с еврейством. Учитывая, что это произведение представляет собой сборник кратких воспоминаний (их насчитывается 480) в виде заметок в основном не больше двух строк, может показаться, что проблема еврейства была не так актуальна для автора. Тем не менее форма этой книги не совсем подходила для однозначных размышлений Перека, подобие которых можно видеть в «Эллис-Айленде». Задача

«Я помню» состояла в попытке через детали и незначительные события повседневности продемонстрировать интимную и неразборчивую память обычного человека, этой форме явно не соответствовали авторские рассуждения о своем «отсутствующем еврействе». Напротив, «Я помню» ясно показывает обратное: Перек действительно мало сталкивался с еврейством в своей повседневной жизни.

В имплицитном виде еврейская тема раскрывается в романе «Исчезание» (1969). Текст романа является одной крупной липограммой, в которой ни разу не была использована одна из наиболее частых букв французского языка – «е». Как утверждает Е. Е. Дмитриева, «исчезновение буквы “е” для самого автора оказалось судьбоносным: в еврейской традиции эта буква воплощала “принцип жизненного дыхания”». И Перек это не просто знал, но сознательно использовал²⁶. Таким образом, в контексте романа обнаруживается обращение не только к погибшим родственникам посредством устранения пятой буквы французского алфавита (ср.: посвящение «E est absent» («Е отсутствует») созвучно «Eux est absent» («Они отсутствуют»)), но и к еврейской традиции, в рамках которой существовало представление о числовой символике: причем число «5» (номер буквы «е») несколько раз обыгрывается в романе. «Принцип жизненного дыхания» (еврейское «hé»), который устраняется автором из романа, не только отсылает к семейной ситуации и реализует еврейскую тему, но и мотивирует сюжетную организацию произведения – череду загадочных убийств и «исчезаний».

Кроме того, буква «е» возникает в концептуальном значении и в другом произведении автора – «Les Revenentes» (1972). В этой запутанной повести, сюжет которой также посвящен череде похищений и исчезновений, используются слова только с буквой «е». Название содержит в себе два значения: «призраки» и «возвращающиеся». Анализируя данное произведение, Филипп Зард приравнивал травму, связанную с родителями и еврейством, к концепции письма, возникающей в поэтике автора: «Для Перека это [еврейство] больше относится к борьбе с призраками и “Revenentes”, но задача становится тем труднее, чем чаще этот призрак напоминает его мать. Еврейство Перека – это призрачное наследство, заставляющее его создать полностью подконтрольные ему произведения, ошибки и недостатки которых находятся под суверенной опекой “скриптера”»²⁷. Таким образом, можно видеть, что на протяжении творчества автора буква «е» обретает множество значений, аккумулируя которые, Перек создает пространство игры с тем, что невозможно сказать напрямую (*dire indicible*).

В итоге стоит заметить, что еврейская тема и проблема еврейской идентичности раскрываются в художественных, автобиографических и эссеистических сочинениях Жоржа Перека.

Влияние данного феномена на творчество автора кажется вполне существенным и связано с языковыми экспериментами Перека и автобиографическим полем его произведений. В целом, для Перека проблема еврейской идентичности остается не решенной, а его восприятие евреев и себя как одного из них кажется амбивалентным, постоянно склоняющимся то к одной стороне, что он просто француз, то к другой – интерес к своим корням, семье, имени и т. д. Есть также и некоторое сожаление о непонятой, неузнанной культуре, которая является частью самого писателя. Тема еврейства определенно имеет отношение к концепту утраты, который у Перека получает оформление в виде приема устранения или усиления (многочисленного повторения) какой-либо детали – языковой, композиционной и проч. Итоговой кульминацией проблемы еврейской идентичности становится роман «W, или Воспоминание детства». Перека всегда стремился через письмо реконструировать свое прошлое, обрести утраченные воспоминания детства, похищенные травматизмом войны, и принять свою идентичность француза, потерявшего свои польско-еврейские корни.

Примечания

- 1 Подробнее биографию автора см.: *Bellos D. Georges Perec : a Life in Words. L., 1999.*
- 2 См.: *Lévy C. Écritures de l'identité. Les écrivains juifs après la Shoah. Paris, 1998.*
- 3 См.: *Nordholt A. Perec, Modiano, Raczymow. La génération d'après et la mémoire de la Shoah. Amsterdam ; N. Y., 2008.*
- 4 См.: *Decout M. Écrire la judéité. Enquête sur un malaise dans la littérature française. Ceyzérieu, 2015.*
- 5 См.: *Bénabou M. Perec et la judéité // Cahiers Georges Perec. № 1. T. 1. Paris, 1984. P. 15–31.*
- 6 См.: *Burgelin C. Perec et la judéité : une transmission paradoxale // Revue d'histoire de la Shoah. 2002. № 176. P. 176–182.*
- 7 См.: *Lejeune P. La Mémoire et l'Oblique : Georges Perec autobiographe. Paris, 1991.*
- 8 См.: *Magné B. Les sutures dans W ou le souvenir d'enfance // Cahiers Georges Perec. № 2. T. 1. Paris, 1988. P. 173–177.*
- 9 См.: *Vidal-Naquet P. Auschwitz et l'Atlantide. Note sur un récit de Georges Perec // Sigila. 1998. № 2. P. 17–40.*
- 10 См.: *Bénabou M. Perec : De la judéité à l'esthétique du manque. URL: <https://www.ouliipo.net/fr/perec-de-la-judeite-a-lesthetique-du-manque> (дата обращения: 04.11.2019).*
- 11 *Перека Ж. Эллис-Айленд // Перека Ж. W, или Воспоминание детства ; Эллис-Айленд ; Из книги «Я родился». СПб., 2015. С. 308. Здесь и далее при цитировании произведений Перека используется перевод В. М. Кислова, кроме отдельно указанных случаев. В цитатах из этого произведения используется «слэш», чтобы показать переход строки, поскольку в оригинале Перека прибегает к необычной для прозы форме экспрессивного написания, связанной с дроблением строки, почти как в поэзии. Местами данный прием напоминает вид письма записных книжек, черновиков.*
- 12 *Перека Ж. Эллис-Айленд. С. 310.*
- 13 Там же. С. 308.
- 14 См.: *Roche A. W, ou le souvenir d'enfance de Georges Perec. Paris, 1997. P. 219.*
- 15 *Decout M. Georges Perec : la judéité de l'autre // Roman 20–50 : Revue d'étude du roman des XXe et XXIe siècles. 2010. № 49. P. 124.*
- 16 *Перека Ж. Эллис-Айленд. С. 309.*
- 17 См.: *Burgelin C. Les Mal Nommés. Duras, Leiris, Calet, Bove, Perec, Gary et quelques autres. Paris, 2012. P. 292.*
- 18 *Перека Ж. W, или Воспоминание детства // Перека Ж. W, или Воспоминание детства ; Эллис-Айленд ; Из книги «Я родился». С. 56–57.*
- 19 Подробнее см.: *Кириченко В. Еврейская тема в романе Жоржа Перека «W, или Воспоминание детства» // Евреи России, Европы и Ближнего Востока : история, культура и словесность : материалы междунар. науч. конф. 14 апреля 2019 г. / отв. ред. В. Г. Вовина, М. О. Мельцин ; Петербургский ин-т иудаики. СПб., 2019. С. 139–144. (Труды по иудаике. Сер. «История и этнография». Вып. 15).*
- 20 *Перека Ж. W, или Воспоминание детства. С. 25–26.*
- 21 См.: *Perec G. Je suis né. Paris, 1990. P. 100.*
- 22 См.: *Кислов В. Послесловие переводчика // Перека Ж. W, или Воспоминание детства ; Эллис-Айленд ; Из книги «Я родился». С. 376.*
- 23 Там же. С. 377.
- 24 См.: *Beggar A. L'autofiction : Un Nouveau Mode D'Expression Autobiographique // www.revue-analyses.org. Revue de critique et de théorie littéraire. 2014. Vol. 9, № 2. P. 122–137. DOI: <https://doi.org/10.18192/analyses.v9i2.1003>*
- 25 *Перека Ж. W, или Воспоминание детства. С. 57.*
- 26 *Дмитриева Е. Удовольствие от ограничения : загадочный писатель Жорж Перека // НЛЮ. 2010. № 106. С. 223.*
- 27 *Zard P. Fantômes de judaïsme : Spectres juifs chez Georges Perec et Patrick Modiano // Parès : Études et culture juives. 2009. № 45. P. 136.*

Образец для цитирования:

Кириченко В. В. Проблема еврейской идентичности в произведениях Жоржа Перека // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 91–95. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-91-95>

Cite this article as:

Kirichenko V. V. Problem of Jewish Identity in Georges Perec's Works. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 91–95 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-91-95>

УДК 821.161.1.09-312.9+929Лукьяненко

Специфика хронотопа романа С. Лукьяненко «Черновик»

Е. А. Сафрон

Сафрон Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и скандинавистики, Институт филологии, Петрозаводский государственный университет, 00inane@gmail.com

Рассматривается хронотоп романа С. Лукьяненко «Черновик», специфика которого обусловлена сочетанием двух жанров – городского фэнтези и конспирологического романа. Несмотря на то, что указанные жанры содержат общие мотивы и образы, в произведении С. Лукьяненко городское фэнтези превалирует, так как в нем сам герой во многом формирует хронотоп: замедляет время, создает силой мысли новые локации (комнаты, здания и т. п.).

Ключевые слова: фантастика, городское фэнтези, конспирологический роман, хронотоп, тайна, вавилонская башня, время, Москва.

The Specifics of Chronotope of the Novel by S. Lukyanenko *Rough Draft*

E. A. Safron

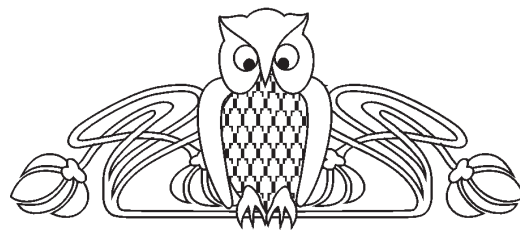
Elena A. Safron, <https://orcid.org/0000-0002-7752-3403>, Petrozavodsk State University, 33 Lenin St., Petrozavodsk 185910, Russia, 00inane@gmail.com

The article considers the chronotope of the novel *Rough Draft* by S. Lukyanenko, its special features being due to the combination of two genres – urban fantasy and conspiracy novel. Even though both genres contain some common motives and figures, in the work by Lukyanenko urban fantasy genre prevails, because the main character himself mainly forms the chronotope: slows down the time, creates new locations by the power of his mind (rooms, buildings etc.).

Keywords: fantasy, urban fantasy, conspiracy novel, chronotope, mystery, tower of Babel, time, Moscow.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-96-100>

Современная постмодернистская культура, воспринимающая, по словам Ж. Деррида, «мир как текст»¹, тяготеет к жанровой гибридизации, т. е. «процессу, благодаря которому два и более жанра сливаются, чтобы образовывать новый жанр или поджанр, или процесс, приводящий к комбинированию черт, присущих разным жанрам, в одной работе»². Данная тенденция обнаруживается и в романе «Черновик» (2005) отечественного фантаста С. Лукьяненко, чьи произведения часто сочетают черты городского фэнтези и конспирологического романа³. В городском фэнтези традиционно изображается современная читателю городская среда, немотивированно сопряженная с неким фантастическим миром, вход в который случайно обнаруживает

один из героев. В свою очередь, конспирологический роман «представляет собой повествование об обнаружении законспирированной организации и последующем ее разоблачении. Но в отличие от детективов, основным сюжетом которых является раскрытие тайны преступления, конспирологический роман выходит на мировой и даже бытийный уровень, раскрывая тайну движения истории или всего мироздания»⁴.

Городское фэнтези также претендует на раскрытие тайны устройства мироздания, причем получить доступ к этой тайне можно даже не покидая границы профанного городского пространства. Эксплуатируя оба жанра в тексте одного произведения, С. Лукьяненко, работающий в сфере массовой литературы, лишний раз демонстрирует тесную связь данной категории литературы с общественным сознанием⁵. Очевидно, что такая специфическая сопряженность жанров обусловила формирование хронотопа сложной структуры.

Цель данной статьи заключается в последовательном рассмотрении в указанном романе категории хронотопа, т. е. «временипространства»⁶, под которым мы, вслед за М. М. Бахтиным, будем понимать «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе»⁷. Особо отметим, что в случае с «Черновиком» речь идет о хронотопе фантастическом, демонстрирующем взаимообусловленность несуществующих в реальности времени и пространства, наличие которых принимается читателем на веру до тех пор, пока он сам читает роман. В качестве объекта исследования выбран только первый роман из задуманного С. Лукьяненко цикла «Работа над ошибками» (вторая часть – «Чистовик» (2007), и только планируемая – «Набело»), так как автор статьи учитывает свойственную фэнтези сериальность и полагает, что основные принципы хронотопа цикла уже отражены в первом произведении из состоявшейся на данный момент диалогии.

Разберем хронотоп произведения с учетом специфики жанровых традиций, прослеживаемых в романе (городское фэнтези, конспирологический роман). Опираясь на выделенную Д. О. Слесаревой систему мотивов и образов конспирологического романа, Т. И. Хорунженко замечает, что эта же система характерна и городскому фэнтези⁸: мотив тайны и ее разгадки, апокалипсиса, «документализма, противостояния

героя-конспиролога и темных сил, следования от незнания к знанию, сверхсилы врага и сверхзнания героя, документализма, избыточности фактов, альтернативной истории»⁹.

Хронотоп романа С. Лукьяненко «Черновик» напрямую связан с мотивом тайны: в привычном мире современной Москвы обнаруживаются проходы в другие миры, о которых известно только ограниченной группе посвященных (представителям правящей элиты и непосредственно тем, кто эти двери в иные вселенные и открывает). Главный герой, Кирилл, чудесным образом получает новую профессию таможенника на пропускном пункте в одном из таких проходов.

Новый «иной» статус Кирилла связан с мотивом потери памяти: родственники, коллеги и даже собственная собака его забывают, документы, подтверждающие личность, рассыпаются в прах, на фотографиях полностью выцветает его лицо, а «свой» дом становится «чужим»: возвращаясь однажды вечером, герой обнаруживает, что в его квартире живет незнакомая ему женщина, некая Наталья. С данным персонажем связана часто эксплуатируемая конспирологическим романом детективная линия сюжета¹⁰: угрожая ей ножом, Кирилл пытается выяснить, кто она такая, но Наталья, желая, как далее выясняется по ходу действия, ускорить процесс вычеркивания героя из привычного ему московского мира, выхватывает у него нож и сама ранит себя, имитируя убийство. Герой, скрываясь от полиции, не верящей в то, что Наталья сама могла воткнуть в себя нож, вынужден принять правила игры, навязанные неизвестными вершителями его судьбы.

Предполагается, что использование подобных сюжетных ходов также определяются традиционным для поэтики фэнтези мотивом инициации¹¹. В широком смысле под инициацией понимается серия обрядов, направленных на изменение социального статуса неопита¹². В основе такого обряда лежит идея о том, что испытуемый должен «умереть» для того общества, в котором он живет, и «возродиться», но уже в другом статусе¹³. В аналогичной ситуации оказывается и герой С. Лукьяненко: его «забывают» в своем московском мире, чтобы он стал «своим» в мире «функционалов» – людей со сверхъестественными способностями, которые, по сути дела, являются «приложением» к своей новой профессии:

«Если тебя это оскорбляет, можешь называться мастером. Но в моем понимании мастер – человек, самостоятельно добившийся успеха. У нас ситуация несколько иная. Способности нам даны. Кем – не спрашивай. Я не знаю. А история у всех одна и та же. Человека начинают забывать <...> И вот когда человек опускается до самого дна и ему некуда деваться <...> его куда-то зовут. Место, куда он приходит, становится его новым местом работы. Мы называем новое место рабо-

ты функцией <...> Ты получаешь полное здоровье и огромную способность к регенерации»¹⁴.

Перемещения самого Кирилла из одного мира в другой определяются необходимостью разгадать причину случившейся с ним катастрофы: изначально герой не знает, как он стал функционалом и кто несет ответственность за то, что его буквально вычеркнули из реальности московского мира.

Как апокалиптический мотив, так и мотив альтернативной истории связан с миром Аркан (мир Москвы-один, запаздывающий по отношению к Москве Кирилла на 30 лет. Жители Аркана проводят эксперимент над остальными и называют его «моделированием работоспособных социальных моделей»¹⁵:

«– Но в девятнадцатом году...

Это здесь был девятнадцатый [в мире Аркан]. А на нашей с вами Земле – пятьдесят четвертый. Точные учения <...> Весь удар сюда всосало <...> Уникальный эксперимент по изменению рельефа вышел. Еще, наверное, Земледвенадцать досталось. Но ее не жалко. Что этих пауков-то жалеть? – Старик захихикал»¹⁶.

При ближайшем рассмотрении Москва мира Аркан обладает антиутопическими чертами, т. е. соответствует образу города-рая, несогласие с правилами проживания в котором грозит недобрым смертию. Проиллюстрируем данный тезис конкретными примерами.

- Образ города-рая связан с мотивом *счастливого детства*: дети, которых Кирилл встретил в центре Москвы, «все босиком – у нас так беззаботно без обуви даже в деревне не походишь, быстро найдешь ржавые гвозди и битые бутылки»¹⁷.

- Город-рай – микро модель мира-семьи, место жительства разных народов: описанные выше дети – беженцы с берега Слоновой Кости – исполняют патриотическую песню о Москве:

Я хотел бы полететь на самолете
И увидеть прекрасный город Москву
Ведь только так я смогу помахать рукой
Сразу всем своим друзьям,
Всем своим друзьям¹⁸.

Проникновенная искренность юных африканских исполнителей противопоставлена бездушности коммерческой ориентированности современной песенной индустрии мира реальности: «К очередному юбилею столицы поэты-песенники на деньги мэрии и не такого насочиняют»¹⁹.

- В городе-рае обустройство улиц ориентировано на обеспечение всех потребностей человека (бесплатные подзорные трубы на смотровой площадке, свежие пирожки из печи у Кремля и т. п.), а жители отвечают бережным отношением ко всем доступным им благам (чистые улицы, целые стекла, не исписанные скамейки). Еще один штрих к «портрету» города-рая – время года: в мире Аркана в Москве царит жаркое лето, а в родной для Кирилла Москве – промозглая поздняя осень.

Вместе с тем в тот момент, когда главный герой отказывается служить властям Аркана, его сразу пытаются уничтожить: «Когда пулеметные очереди превратят тебя в фарш, никакие способности функционала тебя не спасут!»²⁰. Таким образом, Кириллу открывается скрытая изнанка мира «правильной родины», «избавленной от ошибок», «набело написанной»²¹. По сути дела, перед нами интерпретация мифологического сюжета о посещении потустороннего мира (мира смерти), когда его обитатели демонстрируют попавшему к ним человеку все прелести его потенциального места проживания и пытаются *насилу* сделать «своим», однако он отказывается остаться с ними навсегда, из-за чего они хотят лишить его жизни.

Документализм романа проявляется в систематическом указании топонимов: названий районов, улиц Москвы, количества комнат в квартирах и т. п.:

«Котя жил в просторной двухкомнатной квартире в старом сталинском доме на северо-западе»²²;

«Он по-прежнему живет в Медведково? <...> Однушка у него, верно?»²³;

«Жил знаток инопланетных чудовищ и отечественных вампиров на Кутузовском, с чистым подъездом и бравым дедком-вахтером»²⁴;

«За последние полтора рубля я доехал до “Алексеевской”. Перешел проспект Мира по переходу»²⁵.

Вместе с тем поэтика «Черновика» обладает определенной характеристикой, позволяющей сделать вывод о том, что с точки зрения жанра роман более тяготеет к городскому фэнтези, чем к конспирологическому роману – это принципиальное отличие героя с «иным» статусом, со статусом функционала, которое заключается в особом взаимовлиянии пространственно-временных характеристик и личности самого персонажа, т. е. герой сам становится модулятором хронотопа.

• Функционал может управлять пространством: при вступлении в новый статус он получает возможность открыть дверь в какое-либо количество разных миров (так, Кирилл, поселившись в башне, отведенной ему для работы, обнаруживает в ней 5 окон, каждое из которых ведет в какой-либо мир, выбор которого обусловлен подсознательными предпочтениями открывающего окна). Одновременно его сверхъестественные способности локализируются только рядом с его местом работы:

«Только учти, чем дальше ты находишься от своей функции, тем ниже твои способности! На своей территории тебя практически невозможно убить. <...> учти, что твои способности сойдут на нет, когда ты удалишься на десять–пятнадцать километров»²⁶.

Интуитивно следуя за тезисом А. Пуанкаре, согласно которому «мы знаем только относительные движения. ... Не существует абсолютного вре-

мени, ... абсолютное пространство, абсолютное время, даже сама геометрия не имеют характера вещей, обуславливающих собой механику»²⁷, С. Лукьяненко наделяет своего героя способностью управлять временем: если Кирилл подвергается нападению в зоне, где он находится под охраной своей функции, он обретает способность замедлять время, в котором живет агрессор, и тем самым получить нужные секунды на то, чтобы успешно отразить атаку. Вместе с тем время также «управляет» функционалом, так как он может открывать окно в новый мир только один раз в сутки.

Очевидно, что даже такой частичный контроль над временем ставит героя на ступень выше относительно прочих обывателей. Перед нами фантазия, воплощенная в жизнь (если под фантазией мы, вслед за авторами психоаналитического словаря, будем понимать «воображаемый сценарий, в котором исполняется – хотя и в искажённом виде – то или иное желание субъекта (в конечном счёте, бессознательное)»²⁸), так как время и пространство в романе превращаются в продукт воображения героя, и продукт этот должен удовлетворять его потребности, как явные, так и скрытые (Кирилл открывает мир-курорт, где есть только море и прекрасный пляж, открывает мир, где на него почти сразу же нападают, а он тешит свое самолюбие, с легкостью убивая врагов и демонстрируя нечеловеческую силу). Очевидно, что в данной ситуации можно говорить об одной из многих, а по мнению некоторых исследователей, главной цели фэнтези – развлечении читателя²⁹, поскольку читатель, следуя за героем, переживает его успех, принимая его частично и за свой собственный.

Однако если рассматривать и фэнтези, и конспирологический роман только как развлекательную литературу, то тогда необходимо игнорировать этический компонент жанров, а это в корне неверно. Так, автор термина *хронотоп* философ А. А. Ухтомский настаивает на его нравственной составляющей, подчеркивая, что человек интуитивно чувствует будущее, т. е. примерно видит, как тот или иной его поступок в настоящем проецируется на еще не наступившее время: «...ничто в нас не проходит бесследно. Отсюда вывод, что нам надо тщательно и бдительно работать над собой, все время дисциплинировать себя и свои мысли, держать себя все время под контролем»³⁰. Аналогичное видение проблемы демонстрирует и С. Лукьяненко, заставляя героя пожертвовать своим сверхъестественным статусом функционала, который легко управляет чужими судьбами, и жизнью в мире идеализированного прошлого, с одной стороны, ради Москвы, которую он искренне называет «Родиной», и, с другой стороны, ради возможности быть хозяином только своей судьбы и послужить будущему человечества только в соответствии с его истинным предназначением.

Местом пересечения миров и одновременно этических противоречий является башня, в которой живет и работает Кирилл: «Из темноты проступила приземистая кирпичная башня. Вдоль железки полно таких старых водонапорных башен»³¹. Здесь снова используется традиционный для городского фэнтези прием – в обычном здании внезапно обнаруживается вход в потусторонний мир, о чем иронично говорит и сам автор:

«Я подошел к башне. В крепкой стене красного кирпича была небольшая железная дверь <...> Чего только не помещали за такими дверями коллеги писателя Мельникова! Райские кущи. Миры, где трубят в боевой рог мускулистые герои, отмахиваясь тяжелой острой железкой от злых чудовищ. Сонные провинциальные городишки, оккупированные бесчувственными инопланетянами. Вход в секретные лаборатории спецслужб. Древнюю Русь разной степени сусальности – в зависимости от знания автором своей истории»³².

Одна из героинь романа по поводу этого «дома» Кирилла также высказывается с некоей долей иронии: «...как предсказуема мужская фантазия. Половина мастеров предпочитает жить в башнях»³³. Кроме намека на фрейдистскую символику (вытянутые, устремленные вверх предметы воплощают идею маскулинности³⁴), перед нами также и авторская интерпретация образа Вавилонской башни.

Из библейского мифа мы знаем, что после потопа люди выбрали себе долину и решили построить там город, а в центре – самую высокую в мире башню, чтобы оставить о себе память на все времена и «не рассеяться по лицу всей земли. И сошёл Яхве посмотреть город и башню, что строили сыны человеческие. И сказал Яхве: вот один народ, и один у всех язык; это первое, что начали они делать, и не отстанут они от того, что надумали делать. Сойдём же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Яхве оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Посему дано ему имя: Вавель (Вавилон), ибо там смешал Яхве языки всей земли, и оттуда рассеял их Яхве по всей земле» (Быт. 11, 1–9)³⁵.

Как уже было сказано ранее, башня, в которой живет главный герой романа, имеет выходы в разные миры, что и делает ее одновременно и символом единения разных народов. В свою очередь, функционалы из мира Аркан, наделившие Кирилла сверхъестественными способностями, благодаря которым он строит свою башню, пытаются управлять всеми известными мирами, что позволяет сопоставить их с фигурами вавилонян, возводящих свой зиккурат как символ превосходства над другими народами. Когда православный богослов П. Флоренский обвинял современных ему христиан в чрезмерном увлечении ритуалом, приводящим их к формированию противоречий и раздробленности, он про-

тивопоставлял Граду Божьему не сам Вавилон, но Вавилонскую башню³⁶. В ходе битвы с одним из функционалов разрушена и башня Кирилла – символ его могущества, однако герою удается не только уничтожить врага, но выступить против остальных представителей мира Аркан и даже вернуть родителям воспоминания о себе. Таким образом, композиция замыкается, и герой возвращается к тому, с чего начал, однако он уже никогда не сможет стать прежним, потому что хочет и далее бороться против тех, кто «отнимает свободу, а взамен дает золотую клетку <...> Люди для вас – фигуры, которые можно как угодно переставлять на доске, превращать одну пешку в ферзя, а другую сметать с доски, выстраивать свою партию...»³⁷, против тех, кто превратил его в функционала намеренно, чтобы не дать осуществиться его истинному предназначению.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу, что несмотря на систематические обвинения в адрес как фэнтези, так и конспирологических романов со стороны тех, кто видит в них только развлекательную литературу³⁸, нравственный посыл «Черновика» С. Лукьяненко становится очевидным. Перед нами герой, который готов пожертвовать своими новообретенными сверхъестественными способностями, готов отказаться от возможности управлять временем и пространством и пожертвовать собственной жизнью ради борьбы против тех, кто берет на себя право управлять чужими судьбами. Такой герой – достойный образец для подражания даже для тех, кто открывает книги с подобной жанровой ориентированностью только для того, чтобы нескучно провести время.

Примечания

- 1 См.: *Derrida J. Outwork // Derrida J. Dissemination. Chicago, 1981. P. 1–60.*
- 2 *Duff D. Modern Genre Theory. Harlow, 2000. P. 14.* Цит. по: *Маркова С. Языковые проявления гибридации жанра современной публичной речи // Вестн. САФУ. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 131.*
- 3 См.: *Хоруженко Т. Тайный город или город тайн: фэнтези на стыке с конспирологическим романом // Урал. филол. вестн. 2017. № 3. С. 130–137.*
- 4 *Павлова Д. Конспирологическая формула повествования // Вестн. СамГУ. 2013. № 2 (103). С. 145.*
- 5 См.: *Хлебников М. Теория заговора. Опыт социокультурного исследования. М., 2012. С. 345.*
- 6 *Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С. 234.*
- 7 Там же.
- 8 См.: *Хоруженко Т. Указ. соч. С. 132.*
- 9 *Слесарева Д. Генезис конспирологического романа // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6. С. 194.*

- ¹⁰ См.: *Амирян Т.* Конспирологическая серия // *Логос*. 2014. № 5 (101). С. 231–250.
- ¹¹ См.: *Афанасьева Е.* Эволюция сказочного героя в романе Ю. Никитина «Трое из леса» // *Новейшая русская литература рубежа XX–XXI веков : итоги и перспективы : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. (Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, филологический факультет, кафедра новейшей русской литературы, 23–24 октября 2006 г.)*. СПб., 2007. С. 196–201.
- ¹² См.: *Элиаде М.* Тайные сообщества : Обряды инициации и посвящения. Киев ; М., 2002 ; *Геннеп А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999, С. 64–107.
- ¹³ См.: *Геннеп А.* Указ. соч. С. 74–77.
- ¹⁴ *Лукьяненко С.* Черновик. М., 2006. С. 157–158.
- ¹⁵ Там же. С. 310
- ¹⁶ Там же. С. 309
- ¹⁷ Там же. С. 292.
- ¹⁸ Там же. С. 290.
- ¹⁹ Там же. С. 291.
- ²⁰ Там же. С. 315.
- ²¹ Там же. С. 313.
- ²² Там же. С. 21.
- ²³ Там же. С. 26.
- ²⁴ Там же. С. 50.
- ²⁵ Там же. С. 79.
- ²⁶ Там же. С. 158.
- ²⁷ *Пуанкаре А.* О принципе относительности пространства и движения // *Принцип относительности : Сборник работ по специальной теории относительности / сост. А. А. Тяпкин*. М., 1973. С. 23.
- ²⁸ *Лаплани Ж., Понталис Ж.* Словарь по психоанализу. М., 1996. С. 75.
- ²⁹ См.: *Хорунженко Т.* Указ. соч. С. 136 ; *Лебедев И.* Генезис современного российского фэнтези // *Вестн. КГУ*. 2015. № 3. С. 111–114.
- ³⁰ *Ухтомский А.* Доминанта души : Из гуманитарного наследия. Рыбинск, 2000. С. 380.
- ³¹ *Лукьяненко С.* Указ. соч. С. 81.
- ³² Там же. С. 81–82.
- ³³ Там же. С. 145.
- ³⁴ См.: *Фрейд З.* Толкование сновидений. М., 2008. С. 158.
- ³⁵ *Фрезер Дж.* Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985. С. 44.
- ³⁶ См.: *Флоренский П.* Записка о христианстве и культуре // *Флоренский П. А.* Христианство и культура. М. ; Харьков, 2001. С. 641.
- ³⁷ *Лукьяненко С.* Указ. соч. С. 388.
- ³⁸ См.: *Павлова Д.* Сюжетная реализация конспирологического романа // *Вестн. ВУиТ*. 2013. № 4 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/syuzhetnaya-realizatsiya-konspirologicheskogo-romana> (дата обращения: 08.08.2019).

Образец для цитирования:

Сафрон Е. А. Специфика хронотопа романа С. Лукьяненко «Черновик» // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 96–100. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-96-100>

Cite this article as:

Safron E. A. The Specifics of Chronotope of the Novel by S. Lukyanenko *Rough Draft*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 96–100 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-96-100>

УДК 821.161.1.09-31+929Улицкая

Притчевое начало в романе Л. Улицкой «Лестница Якова»

Н. С. Короткова

Короткова Наталья Сергеевна, аспирант кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора, Воронежский государственный университет, Little-Alessa@yandex.ru

В статье выявляются и анализируются элементы притчи, присутствующие роману Л. Е. Улицкой «Лестница Якова». Отмечается, что притчевое начало пронизывает как отдельные фрагменты текста, так и весь роман. Притчевое начало проявляется на уровнях содержания, философской проблематики и стилистики текста: язык произведения отличается простотой выразительных средств.

Ключевые слова: роман, притча, притчевое начало, символ, Людмила Улицкая, «Лестница Якова», жанр, семейная хроника.

Parable Elements in the Novel by L. Ulitskaya *Jacob's Ladder*

N. S. Korotkova

Natalya S. Korotkova, <https://orcid.org/0000-0001-8961-3521>, Voronezh State University, 1 Universitetskaya Pl., Voronezh 394018, Russia, Little-Alessa@yandex.ru

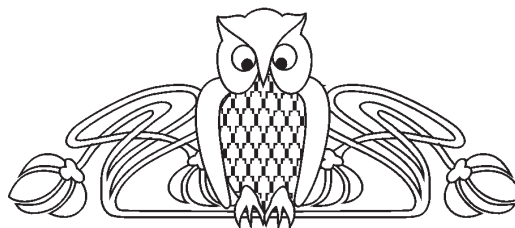
The article identifies and analyzes the elements of the parable inherent in L. E. Ulitskaya's novel *Jacob's Ladder*. It is noted that the parable spirit permeates both individual fragments of the text and the entire novel. The parable is manifested on the levels of content, range of philosophical issues and the style of the text: the language of the work is notable for the simplicity of expressive means.

Keywords: novel, parable, parable spirit, symbol, Lyudmila Ulitskaya, *Jacob's Ladder*, genre, family chronicle.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-101-103>

Притча – не просто «дидактико-аллегорический жанр литературы, в основных чертах близкий басне», это «универсальное явление мирового фольклора и литературного творчества»¹. Притча представляет собой некую историю, в которой речь идет о событиях, происходящих с людьми, о какой-то проблеме, которую они должны решить и для которой, как правило, находят оригинальное решение. При этом сама проблема и ее решение являются важными в мировоззренческом плане и имеющими философское значение с точки зрения бытия человека в мире. Притча – это мудрый наставляющий рассказ, призванный помочь читателю принять правильное решение, верно осмыслить стоящую перед ним (не связанную с притчей напрямую) проблему.

Жанр притчи получил своеобразную интерпретацию в религиозной литературе² и именно благодаря евангельским притчам приобрел широкое распространение и огромную популяр-

ность в литературе и культуре последних столетий. Притча стала содержательной и идейной составляющей музыкальных произведений³, мультипликационных фильмов⁴ и, конечно, художественного творчества разных авторов⁵. Вошла притча и в структуру жанра романа, причем сформировалась даже новая жанровая разновидность – роман-притча, к которой исследователями относятся романы «Пилигримы», «Пробуждение» Г. Газданова⁶, «Мост через вечность», «Единственная», «Бегство от безопасности» Р. Баха⁷, «Русиюния!» Т. М. Батуриной⁸ и др.

Современный роман активно развивается и обретает новые жанровые формы. Роман Л. Е. Улицкой «Лестница Якова»⁹, по мнению исследователей, «демонстрирует высокую степень эстетической новизны в жанре романа и способах реализации романного эпического повествования»¹⁰. Автор показывает здесь распад связи времен и преодоление этого распада¹¹, оригинально интерпретирует тему соотношения личности и истории¹². Своеобразной является и жанровая природа произведения, в которой явно выделяется притчевое начало.

В романе «Лестница Якова» перед читателем разворачивается более чем столетняя (с конца XIX в. до 2011 г.) история жизни семьи Осецких, родоначальником которой был киевлянин Яков. Это нелинейная семейная хроника, в которой судьбы людей, что вообще характерно для произведений Л. Е. Улицкой, тесно связаны с судьбами страны и изображаются в контексте истории. Читатель погружается в текст, в котором описана жизнь шести поколений семьи, знакомится с основными героями – Яковом и его внучкой Норой, читает переписку Якова и его жены Марии.

Притчевость выстроена в романе «Лестница Якова» несколькими способами. В первую очередь, посредством художественной условности и иносказательности. Читатель узнает о событиях жизни героев, перед ним разворачивается романное повествовательное пространство, но одновременно и параллельно открывается пространством концептуальное, претендующее на многоплановость, мировоззренческую глубину и универсальность. В какой-то момент повествования этот второй его план становится первым, т. е. универсальное начинает преобладать над конкретным, а философская, иносказательная трактовка происходящего – над описываемыми писательницей реальными событиями. Важнее становится не то, что происходит, а то, что за этим скрывается, как

может быть интерпретировано событие и чему оно способно научить читателя. Этот переход остается для читателя неявным, он по-прежнему следит за судьбами героев, углубляясь при этом в мировоззренческое пространство текста.

Притчевая составляющая романа требует от читателя размышлений, постижения внутренней сути происходящих событий. Собственно, каждая глава романа выступает как маленькая притча, а затем эти небольшие притчи сливаются в одну – большую, т. е. сам роман. Притчевый характер имеет первая глава романа, в которой рассказывается о смерти 80-летней Марии, о материнстве ее внучки Норы, о похоронах Марии. В первой главе, в соответствии с жанровой спецификой, вырисовываются портреты основных персонажей, устанавливается система отношений между членами семьи. Глубинные смыслы, составляющие здесь философское, притчевое начало, – это мысли о семейной преемственности, о том, что уход одних и рождение других членов семьи – это закономерное, вечное явление. Каждый человек в своем бытии – не только он сам, но и его родственники, живые или уже ушедшие. Нору восхищает даже внешнее семейное сходство: «Они все были в шубках – три бабушкины племянницы с двумя молодыми дочками, Нориными троюродными сестрами, у всех подбородочки книзу заостренные, прелесть»¹³, а внутреннее, ставшее основой характера, воспринимается ею как определяющее всю жизнь человека: как и бабушка, Нора «ненавидела всякую буржуазность, презирала мещанство»¹⁴. Семья трактуется как сильное объединяющее начало. Близкие родственники связаны генетически и по воспитанию, тем воздействием, которое они в течение жизни оказывают друг на друга: «Они ходили в Пушкинский музей... в театры... Как же Нора страстно любила ее тогда...»¹⁵

Притчевое начало проявляется в постепенном усилении философского смысла романа, обращении Л. Е. Улицкой к универсальным категориям добра и зла, теме смысла жизни человека. Появляется мысль о неприемлемости деления мира на полюса, на белое и черное, о невозможности увидеть в мире абсолютное добро и абсолютное зло: «...Внутренняя определенность рассыпалась, и мир делился уже не пополам, между плохими и хорошими, а каким-то иным способом»¹⁶.

Каждый сюжетный фрагмент романа становится инструментом для раскрытия перед читателем какой-то глубокой и важной мысли. Так, в описаниях отношений Норы и сына Юрика, которого она воспитывает одна, передаются глубокие мысли о необходимости тесной связи матери и ребенка и в то же время – о важности свободы в воспитании, об опасности привязать к себе ребенка настолько сильно, что он не сможет быть самостоятельным: «...Когда Юрик делал один шаг в сторону, она увеличивала это расстояние, делая еще один шаг... Так приучала его к независимости и добивалась этого увеличения рас-

стояния, хорошо понимая опасность, возникающую от взаимной замкнутости друг на друга. Он довольно быстро почувствовал вкус свободы»¹⁷.

Притчевое начало является в романе Л. Е. Улицкой сильным, но оно не вытесняет другие начала. В первую очередь, читатель видит семейную сагу – историю интеллигентной и культурной семьи, одновременно обычной и не такой, как все. Читатель втягивается в перипетии этой семейной истории, и притчевость становится менее назидательной, а дидактичность – более естественной. При этом в соответствии с законами притчи все события разворачиваются в двух планах – внешнем и внутреннем. Некоторые важные аллегорические смыслы проходят через все пространство романа, продолжаясь и получая новую интерпретацию в каждой из его глав. Такова, например, мысль о сложности межпоколенных отношений женщин в пределах одной семьи – дочери и матери, внучки и бабушки. Нора понимает, что те чувства, которые она испытывает к матери, а та испытывала к своей матери, неправильны: «...Вся женская линия, к которой она принадлежит, страдает каким-то общим дефектом, своего рода заболеванием: дочери не любят матерей, протестуют против образца поведения, предлагаемого матерью»¹⁸. Нора ничего не может с собой поделать, она пытается разобраться в этой проблеме, но осознает свое бессилие и очень радуется, когда у нее рождается не девочка, а мальчик, и появляется возможность естественным путем разорвать замкнутый круг женского непонимания и недоверия. Этот сильный сюжетный и притчевый мотив дает читательнице (а многие из читателей Л. Е. Улицкой – женщины) возможность задуматься о межпоколенных отношениях в своей собственной семье, осознать те сложности, которые существуют в общении, и попытаться с этими трудностями разобраться. Для Норы способом сблизиться с бабушкой, а затем с мамой, становится их смерть. Именно в моменты, связанные с тяжелой болезнью и смертью, ей удается, наконец, принять старших женщин семьи такими, какие они есть, и полюбить их безусловной любовью. Естественным следствием этого становится сожаление о бабушке: «С Марусей поправить ничего нельзя. Опустилась помириться, а теперь обмывает, одевает...»¹⁹ и о матери: «Как жаль, до слез жаль, что я так мало ее любила, что не прощала ей ее любви, не понимала ее дарования, ее гениальности, которая вся ушла в эту любовь, в эту вот любовь»²⁰.

Притчевый характер романа обуславливает аллегоричность его смыслов и реализуется также посредством ряда символов. Основной используемый автором символ, отраженный в названии произведения, – лестница Якова. Она выступает как связующее звено между землей и небом, как изображение жизненного пути человека, который должен всю жизнь идти снизу-вверх. Это путь от низменного к возвышенному, от быта к бытию, от эгоизма к самоотверженности. Два основные образа романа – Якова и Норы – показывают, что

этот путь может быть разным, но он должен существовать, должен достигаться человеком осознанно и быть важнейшим смыслом его жизни.

Притчевое начало проявляется также на стилистическом уровне произведения. При общей метафоричности на уровне проблематики для притчи характерен минимум образно-выразительных средств при передаче содержания. Такую стилистическую концепцию видим и в романе Л. Е. Улицкой. Текст разворачивается нарочито просто, порой состоит из коротких отрывочных фрагментов: «Генрих обожал мать, избегал отца, и всякий раз, когда Яков пытался заставить его выполнять задания, он искал защиты у матери. Маруся извелась: она снова похудела, напала бессонница, ночной кашель. Врачи говорили: нервы»²¹. Писательница скупко расходует средства выразительности, она стилистически аскетична, что полностью нацеливает восприятие читателя на анализ внутреннего смысла текста романа-притчи.

Итак, роман Л. Е. Улицкой «Лестница Якова» может быть охарактеризован как роман-притча, как произведение с сильным притчевым началом. Это проявляется в художественной условности произведения, в наличии в нем двух планов: внешнего – содержательного и внутреннего – философского, концептуального, мировоззренческого. Роман символичен, каждый его фрагмент, а также целостный текст выступают как притча и ненавязчиво призывают читателя задуматься о важнейших проблемах бытия – любви, верности, семейных узах, свободе, добре и зле, человеческом общении.

Интерпретация притчи в романе Л. Е. Улицкой «Лестница Якова» оригинальна и отличается от классического жанра притчи. Писательница и рассказываемые ею, несомненно, притчевые истории не дают готовых ответов на вопросы, не устанавливают четких границ между белым и черным, не определяют раз и навсегда, где добро, а где зло. Назидательность, дидактизм, так важные для жанра притчи, здесь звучат ослабленно. Одним из важнейших этапов восприятия притчи является ее индивидуальное осмысление читателем, которое продолжается уже после того, как притча закончилась.

Примечания

¹ Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М., 1987. С. 304.

- ² См.: Велижанина Е. Сакральное-религиозная интерпретация как лингвостилистическая парадигма евангельской притчи (на материале немецкого и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011.
- ³ См.: Левина Е. Притча в музыкальном театре Бенджамин Бриттена : автореф. дис. ... канд. искусствовед. М., 1996.
- ⁴ См.: Евтеева Е. Процесс жанрообразования в советской мультипликации 60–80-х годов от притчи – к полифоническим структурам : автореф. дис. ... канд. искусствовед. Л., 1990.
- ⁵ См.: Дашко Е. Жанр притчи в современной литературе // XII Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения : сб. науч. работ. Севастополь, 2018. С. 3–8 ; Габдуллина В. Евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2008.
- ⁶ См.: Проскурина Е. Модель «закрытого текста» в романах-притчах Г. Газданова // Сибир. филол. журнал. 2008. № 3. С. 81–89.
- ⁷ См.: Ольшванг О. Сюжетно-пространственная и рецептивная структура романов-притч Р. Баха : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009.
- ⁸ См.: Тинина З. Роман-притча «Русиюния!» как исторический источник // Евразийский союз ученых. 2015. № 5–6 (14). С. 109–112.
- ⁹ См.: Улицкая Л. Лестница Якова. М., 2015.
- ¹⁰ Тимина С. Л. Улицкая «Лестница Якова» (к дискуссии о судьбе жанра романа в современной литературе) // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2017. № 183. С. 31.
- ¹¹ См.: Бочкина М. Распад связи времен и его преодоление в романах «Письмовник» М. Шишкина, «Лестница Якова» Л. Улицкой и «Авиатор» Е. Водолазкина // Litera. 2017. № 4. С. 87–93.
- ¹² См.: Ничипоров И. Личность и история в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» // Пушкинские чтения – 2016. Художественные стратегии классической и новой литературы : жанр, автор, текст : материалы XXI Междунар. науч. конф. СПб., 2016. С. 75–80.
- ¹³ Улицкая Л. Указ. соч. С. 35.
- ¹⁴ Там же. С. 22.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 48.
- ¹⁷ Там же. С. 190.
- ¹⁸ Там же. С. 24.
- ¹⁹ Безрукавая М., Баскова Ю. Концепция человека в романах Л. Улицкой // Вестн. ОГУ. 2017. № 7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-cheloveka-v-romanaх-l-ulitskoj> (дата обращения: 03.10.2019).
- ²⁰ Улицкая Л. Указ. соч. С. 376.
- ²¹ Там же. С. 429.

Образец для цитирования:

Короткова Н. С. Притчевое начало в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 101–103. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-101-103>

Cite this article as:

Korotkova N. S. Parable Elements in the Novel by L. Ulitskaya *Jacob's Ladder*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 101–103 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-101-103>

УДК 821.161.1.09-3+929[Водолазкин+Набоков]

Борьба с амнезией: набоковские «знаки и символы» в романе Е. Водолазкина «Авиатор»

Е. Г. Трубецкова

Трубецкова Елена Геннадиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, etrubetskova@gmail.com

В статье рассматриваются интертекстуальные связи романа Водолазкина «Авиатор» с прозой В. Набокова. Особое внимание уделяется функции набоковского интертекста в раскрытии идейно-философской проблематики: в осмыслении феномена времени, креативной способности памяти. Рассматривается описанная в романе роль слова и литературы в борьбе с амнезией.

Ключевые слова: Водолазкин, Набоков, интертекстуальность, память, время, болезнь, амнезия.

The Fight against Amnesia: Nabokov's 'Signs and Symbols' in the Novel by E. Vodolazkin *The Aviator*

E. G. Trubetskova

Elena G. Trubetskova, <https://orcid.org/0000-0001-7728-2382>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, etrubetskova@gmail.com

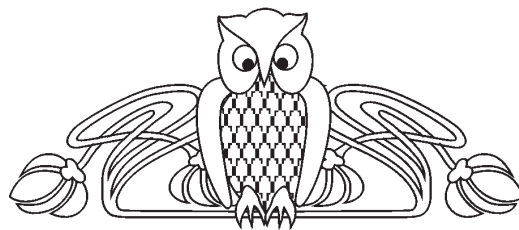
The article discusses the intertextual connections of Vodolazkin's novel *The Aviator* with V. Nabokov's prose. The article specifically focuses on the function of Nabokov's intertext in unveiling ideological and philosophical problems: comprehending the phenomenon of time and the creative ability of memory. The role of the word and literature in the struggle against amnesia is considered.

Keywords: Vodolazkin, Nabokov, intertextuality, memory, time, illness, amnesia.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-104-108>

Мотивы болезни и врачевания объединяют три последних романа Евгения Водолазкина: «Лавр», «Авиатор» и «Брисбен». Во всех текстах автор дает не только изображение конкретных недугов, но и ставит философские вопросы, связанные с отношением к болезни врача и пациента, размышляет о причинах заболеваний и методах их лечения.

Особенностью осмысления медицины в произведениях писателя становится демонстрируемая им тесная связь деятельности врача и Слова, производимого им или услышанного от больного. На первых страницах «Лавра» автор делает акцент на этимологическом родстве слов «врач» и «врати – заговаривать»: «...в процессе лечения существенную роль играло слово. <...> Говорили врачи. Произнося ритмичные, внешне лишённые смысла фразы, они заговаривали болезнь, убеждая ее покинуть тело пациента <...> Говорили больные. За отсутствием диагностиче-

ской техники им приходилось подробно описывать все, что происходило в их страдающих телах. Иногда им казалось, что вместе с тягучими, пропитанными болью словами мало-помалу из них выходила болезнь»¹. И изображая деятельность главного героя, Водолазкин показывает, что вместе с осознанием ничтожности имеющихся в его арсенале медицинских и народных средств к герою приходит уверенность в силе Слова, герой понимает, что «виной смерти была не сила болезни, а слабость его молитвы»².

В «Авиаторе» трудный и непредсказуемый процесс восстановления памяти у героя активизируется лечащим врачом с помощью подробных записей, которые он призывает делать своего пациента. Дневник Иннокентия становится медленным возвращением героя к самому себе. Сюжетная мотивировка такого приема – «размораживание» в последний год уходящего века человека, родившегося в начале столетия (в 20-е он был обвинен в участии в заговоре и убийстве, попал в соловецкий лагерь и стал объектом эксперимента по крионике: его подвергли заморозке жидким азотом).

Водолазкин прибегает к фантастике; хотя, зная нашу историю, можно говорить, что эта фантастика не так далека от реальности: по официальным данным, опыты по крионике на людях стали проводиться с конца 1960-х гг., но предпосылки создания метода сложились уже в начале XX в. (в 1900-е гг. велись активные эксперименты по замораживанию куколок бабочек физиком Порфирием Бахметьевым; в 1910-е независимо друг от друга Бенгт Лидфорс и Николай Максимов открыли свойства глицерина, ставшего первым криопротектором). А цель советского государства 20–30-х гг. – создание *нового человека* – позволяла представить вполне осуществимыми секретные опыты на заключенных (в романе это эксперименты группы академика Муромцева, попавшего на Соловки за отказ заморозить Дзержинского, в реальности это работы профессоров А. И. Абрикосова (патологоанатома) и А. А. Дешина (физиолога) по сохранению тела Ленина путем заморозки³).

Время героя «до заморозки» состоит из нескольких «слоев». Это время и пространство дореволюционной России; голодный Петроград начала 20-х и соловецкий лагерь конца 1920-х – начала 1930-х гг.

В описании деталей, атмосферы разных периодов прошлого в романе видны отсылки к

произведениям А. Блока, М. Булгакова, И. Бунина, А. Грина, Ф. Достоевского, О. Мандельштама, В. Набокова, Б. Пастернака, А. Платонова, В. Ходасевича; в соловецком «слое» – А. Солженицына, В. Шаламова. Водолазкин говорил, что для него «известные сюжеты – это способ ввести в историю читателя»⁴. «Упоминательную клавиатуру» «Авиатора» составляют не только художественные произведения, но и мемуарная литература. Писатель признавался, что, работая над романом, «прочел почти все воспоминания Серебряного века»⁵, а выбор места действия лагерного этапа жизни героя определен и тем, что Водолазкин был учеником Д. С. Лихачева, прошедшего Соловки и оставившего подробные воспоминания о лагере⁶, и тем, что в 2011 г. он сам в сотрудничестве с О. Г. Волковым выпустил большую книгу воспоминаний бывших заключенных Соловецкого лагеря⁷.

Несмотря на то, что насыщенная интертекстуальность романа играет важную роль в раскрытии авторского замысла, тесно связана с проблематикой и поэтикой заглавия текста (это отмечают практически все рецензенты «Авиатора»), специальные исследования, посвященные диалогу романа Водолазкина с традицией русской литературы, являются единичными. Редкое исключение – работа Я. В. Солдаткиной, которая прослеживает художественную рецепцию в «Авиаторе» идей А. Платонова и «Философии общего дела» Н. Федорова⁸. На наш взгляд, не менее важную роль играет в романе набоковская традиция. Обращаясь к своему любимому периоду в истории – Серебряному веку⁹, – автор настойчиво включает в текст «знаки и символы» набоковской прозы.

Набоковскую традицию можно проследить на разных уровнях текста.

Очевидны у Водолазкина набоковские топонимы. Детство главного героя связано с дачей на станции Сиверской. Этот топоним упоминается настойчиво несколько раз: «Снимали дачу в *Сиверской* (здесь и далее курсив наш. – Е. Т.)»¹⁰; «Оказавшись на перроне, я вдыхал несравненный *сиверский* воздух <...> может быть, и не воздух даже, а нечто иноприродное – густое, ароматное, не столько вдыхаемое, сколько испиваемое» (43); «А вот *Сиверская* – дорога от мельницы, начало века» (50). Вводится и название реки – Оредежь, – описываются плотина, красная глина берегов: «Дом над Оредежью. Река вьется вниз, а мы – наверху. Качаемся в гамаке, привязанном к двум соснам» (44); «Пляж на Оредежи под *красным глиняным обрывом*. В этих местах все было красным, и, кстати, красный конь Петрова-Водкина родом именно отсюда. <...> В том, как петляла река, сквозила какая-то первозданность, да и само название *Оредежь* было *первозданным*. Такие имена не даются людьми, они создаются самой природой <...> Непредсказуемость *Оредежи*, свежесть ее ветра, колыхание трав у воды

– все это принадлежало мне одному» (69–70); «ПЕРЕЕХАВ ЧЕРЕЗ *Оредежь* по *мельничной плотине*, останавливались» (43); «Был *рев водопада на плотине* и дрожание металлических перил от падения воды, и радуга в брызгах. По одну сторону – полнота и задумчивость, по другую – бурление и надрыв. И над всем этим – *огненная охра обрыва*, девонская, выражаясь научно, глина <...>» (44).

Здесь возникают очевидные параллели с описанием набоковского имения Выра в «Других берегах»: «...в шестидесяти верстах от Петербурга расположено за одним рукавом *реки Оредежь* село Рождествено, а за другим – наша Выра. Река местами подернута парчой нитчатки и водяных лилий, а дальше, по ее излучинам как бы врастают в облачно-голубую воду совершенно черные отражения еловой глуши по верхам *крутых красных берегов*, откуда вылетают из своих нор стрижи и веет черемухой; и если двигаться вниз, вдоль высокого нашего парка, достигнешь, наконец, *плотины водяной мельницы* – и тут, когда смотришь через перила на бурно текущую пену, такое бывает чувство, *точно плывешь все назад да назад, стоя на самой корме времени*»¹¹.

В тексте возникают и другие узнаваемые набоковские образы, например, поразившая воображение героя девушка на пляже в Алуште вызывает в памяти Коллет из «Других берегов». В ассоциативном восприятии героем «Авиатора» названия южного города («Я произношу слово “Алушта” и открываю совершенно новые его качества. Какое мокрое и блестящее слово – просто арбуз на солнце...» (137)) слышится обыгрывание знаменитого начала «Весны в Фиальте» Набокова: «Я этот городок люблю; потому ли, что во впадине его названия мне слышится сахаристо-сырой запах мелкого, темного, самого мятого из цветов, и не в тон, хотя внятнее, звучание Ялты...»¹²

Появляются в тексте и иронические отсылки. Так входит набоковская тема бабочек. Возлюбленная героя Водолазкина выходит замуж за «профессора-энтومолога Осипова», который позднее «скоропостижно скончался в одной из среднеазиатских экспедиций» (167). Здесь очевидны аллюзии на набоковский «Дар», где отец главного героя, знаменитый энтومолог, так и не вернулся из среднеазиатской экспедиции. Но образ специалиста по бабочкам осмысливается в романе Водолазкина иронически: «Осипов, в соответствии с предметом своих исследований, оказался человеком мелким» (167). В этом можно видеть резкий контраст с набоковской прозой, в которой образ бабочек, во-первых, разрабатывается детально¹³, во-вторых, ассоциируется с совершенством, гармонией, преодолением линейного течения времени¹⁴.

Определенное сходство с набоковской прозой проявляется в синтезе времен, присут-

ствующем в романе Водолазкина. Так, при воспоминании героя о гибели отца в «Авиаторе» счастливый дачный вечер неожиданно связывается в его сознании с другим, как бы предвещает трагическое будущее: «В белой рубашке и светлых брюках <...> Карман для часов, серебряная цепочка <...> Щелканье крышки, легкая гримаса – вроде как неудовлетворенность временем, вроде как бежит слишком быстро <...> Спасительный такой жест. А может, и не жест, может, что-то большее – предчувствие, что ли? Июльским вечером 1917 года (наш последний дачный год) мы так и не дождалась его на станции. В тот день у Варшавского вокзала его убили пьяные матросы» (52).

У Набокова в «Других берегах» запечатленная в памяти героя сцена из детства наслаивается на другой визуальный образ, как при использовании двойной экспозиции. Повествователь вспоминает, как крестьяне в порыве благодарности качают отца: «Там, за стеклом, на секунду являлась, в лежачем положении, торжественно и удобно раскинувшись на воздухе, крупная фигура моего отца, и вот в последний раз вижу его покоящимся навзничь, как бы навек, на кубовом фоне знойного полдня»¹⁵. Ассоциативно эта счастливая сцена связывается с другой, трагической: «<...> между тем как внизу одна от другой загораются в смертных руках восковые свечи, и иерей читает о покое и памяти, и лоснящиеся траурные лилии застыли лицо того, кто лежит там, среди плывучих огней, в еще не закрытом гробу»¹⁶.

Подобный синтез времен стал характерной чертой Набоковской прозы. Писатель метафорически называл это «складками» «ковра времени»: «Признаюсь, я не верю в мимолетность времени – легкого, плавного, персидского времени! Этот волшебный ковер я научился так складывать, чтобы один узор приходился на другой. Споткнется или нет дорогой посетитель, это его дело. И высшее для меня наслаждение – вне дьявольского времени, но очень даже внутри божественного пространства»¹⁷.

Подобные «складки» «ковра времени» можно видеть и во всех зрелых романах Водолазкина. А схожая с набоковской метафора появляется в последнем романе писателя «Брисбен», где герой осмысляет жизнь как раскатывание «великолепного ковра», который «вдруг <...> кончился <...> Я стою и не знаю, что делать»¹⁸. Там герой получит совет от умирающего деда: «...ты ходишь из того, что по коврам можно двигаться только вперед. Но это не так. Развитие – это разворачивание чего-то свитого. Вот он кончился, ты стоишь и смотришь вперед. А за спиной у тебя тканые узоры – ходи по ним сколько хочешь. <...> с точки зрения вечности нет ни времени, ни направления. Так что жизнь – это не момент настоящего, а все прожитые тобой моменты»¹⁹.

Воспоминание – основа сюжета «Авиатора»: «Я ведь только тем и занимаюсь, что ищу

дорогу к прошлому» (115), – говорит Иннокентий. Примечательно, что лаборатория на Соловках, где ставились опыты по крионике, называлась ЛАЗАРЬ – «лаборатория по замораживанию и регенерации». И герой размышляет, зачем ему суждено было воскреснуть. «Лазарь четверодневный свидетельствовал о всемогуществе Господнем. О чем свидетельствую я? В конечном счете, о том же. Но, помимо этого, вероятно, и о времени, в которое был помещен первоначально» (287).

Тема воскрешения связана и с возлюбленной Платонова – Анастасией (имя которой переводится с др. греч. «воскресшая»), и ее внучкой – Настей, любовь к которым и заставляет вспомнить все и сохранить свой мир.

Однако воскрешенный после заморозки герой очень быстро нагоняет свой биологический возраст, и необратимые процессы затрагивают его мозг – он понимает, что события настоящего все труднее запоминаются им. Его врач Гейгер, анализируя неутешительную картину после очередного МРТ, фиксирует необратимые разрушения связей между нейронами. И Иннокентий настойчиво борется за возможность вспоминать.

Сначала он пытается понять, кем он был раньше, а затем предпринимает усилие передать свои воспоминания, увековечить их, чтобы не дать пропасть целому миру, который умирает вместе с каждым после его ухода.

Герой «Авиатора» не просто вспоминает, а пытается воскресить прошлое. Описание летнего утра («Трава искрится каплями, тени на ней по-утреннему резки. Тихо, как в Раю. <...> В сущности, вот он, Рай. В доме спят мама, папа, бабушка» (163)) заканчивается философскими размышлениями: «Нужно только, чтобы время перестало двигаться, чтобы не нарушило того доброго, что сложилось. Я не хочу новых событий <...> Потому что, если все будет продолжаться, дорогие мне люди умрут. <...>

Рай – это отсутствие времени. Если время остановится, событий больше не будет. Останутся несобытия. Сосны вот останутся, снизу – коричневые, корявые, сверху – гладкие и янтарные <...> (здесь можно видеть аллюзию и к прозе Набокова: стволы «чешуйчатых сосен» фиксирует в памяти опустошенный смертью возлюбленной герой «Ultima Thule»²⁰; и к поэзии Пастернака, в строках которого сосны связываются с преодолением времени и бессмертием: «И вот бессмертные на время, мы к лику сосен причтены»²¹. – Е. Т.). Скрип калитки, приглушенный плач ребенка на соседней даче, первый стук дождя по крыше веранды – все то, чего не отменяют смены правительств и падения империй. То, что осуществляется поверх истории – вневременно, освобожденно» (163–164).

Остановившееся время, вечное настоящее запечатлено и в «Других берегах» Набокова: «Зеркало насыщено июльским днем. Лиственная

ть играет по белой с голубыми мельницами печке. Влетевший шмель, как шар на резинке, ударяется во все лепные углы потолка и удачно отскакивает обратно в окно. Все так, как должно быть, ничто никогда не изменится, никто никогда не умрет»²². Исследователи многократно обращали внимание на креативную роль памяти в творчестве Набокова²³. Б. В. Аверин писал, что слова писателя из романа «Ада» «genius of total recall» («гений тотального воспоминания») являются емким определением главной особенности «всего набоковского текста как целого»²⁴.

«Тотальное воспоминание» становится смыслом существования и героя «Авиатора». Он спрашивает себя, не стала ли его «разморозка» воскрешением целого поколения? Ведь любая деталь, которую я сейчас припоминаю, автоматически становится деталью эпохи» (279). И надеется, подробно описывая людей и предметы, спасти их от забвения. Вспоминается убеждение набоковского героя из «Возвращения Чорба», что «если удастся собрать все мелочи, которые они вместе заметили, если он воссоздаст это близкое прошлое, – ее образ станет бессмертным и ему заменит ее навсегда»²⁵.

При этом в романе Водолазкина воспоминание о прошлом, с одной стороны, уникально: «Один выстрел – и меня нет. Нет больше бабушкиного чтения во время болезни, нет дачи в Сиверской, Анастасии нет. Вот сколько я один за собой потащу» (89). С другой стороны, герой уверен, что память имеет и универсальный характер: «Да, у каждого человека свои воспоминания. Но есть ведь вещи, которые вспоминаются одинаково. Политика, история, литература – они воспринимаются, да, по-разному. Но шум дождя, ночной шелест листьев – и миллион других вещей – все это нас объединяет» (348).

Представление об универсальности определенных моментов прошлого отражается и в особенностях сюжета «Авиатора». Роман Водолазкина построен как дневниковые записи героев. Изначально вести дневник Иннокентию предлагает лечащий врач, чтобы интенсифицировать процесс восстановления памяти после амнезии. Подобный метод используется психологами, так как, по наблюдениям специалистов, «необходимость при воспроизведении оформить в речи смысловое содержание мобилизует мысль, по мере развертывания в речи содержания припоминается то, что казалось забытым»²⁶.

Платонов втягивается в этот процесс. Письмо становится для него своего рода арт-терапией: «Нет уже ни людей, ни событий, а слова остаются – вот они. Наверное, слова исчезают последними, особенно – записанные. Гейгер, возможно, и сам не понимает, какая это глубокая идея – писать. Может быть, именно слова окажутся той ниточкой, за которую когда-нибудь удастся вытащить всё, что было?» (26). Или: «Нет, <...> буду писать: на бумаге все крепче, надежнее. Устные

рассказы, знаешь ли, размываются в памяти, а то, что написано, – не меняется. И, что важно, это можно перечитывать» (345). Он предлагает присоединиться к описанию его «потерянного рая» Насте и Гейгеру. Иннокентий надеется, что «если бы Настя научилась находить и описывать вещи, мне соответствующие, моя жизнь могла бы продолжаться и в мое отсутствие» (372).

На первый взгляд, здесь резкое расхождение с Набоковым, его представлением об уникальности личностного опыта. Но мотив памяти, преодолевающей смерть, позволяющей продлить существование близкого человека, появляется во многих текстах писателя: «Если ты не помнишь, то я за тебя помню, память о тебе может сойти, хотя бы грамматически, за твою память и ради крашеного слова вполне могу допустить, что если после твоей смерти я и мир еще существоем, то лишь благодаря тому, что ты мир и меня вспоминаешь»²⁷.

В романе Водолазкина героиня поясняет замысел своего возлюбленного: «Он, как я понимаю, пишет какое-то важное и большое полотно. При этом набирает помощников для прорисовки фона» (347). Живописная метафора здесь возникает неслучайно. В «прошлой жизни» герой был художником.

При воссоздании картины эпохи в «Авиаторе» возникает образ мозаики: «...когда множество случайностей складывается в общую картину, это – закономерность» (235). Ассоциативно возникает образ паззлов из прозы Набокова, вспоминается и описанное им в «Других берегах» «мастерство Мнемозины», «с которым она соединяет разрозненные части основной мелодии, собирая и стягивая ландышевые стебельки нот, повисших там и сям по всей черновой партитуре былого»²⁸, или не раз появляющийся у Набокова образ собирания осколков древней чаши: «...фарфоровый иверень, – и где-то ведь непременно должны были быть остальные, дополнительные к нему части, и я воображал вечную муку, каторжное задание <...> найти и собрать все эти части, чтобы составить опять тот соусник или супницу...»²⁹

По убеждению героя Водолазкина, главное – свидетельствовать об эпохе, не дать ее чертам раствориться в безвестности: «Описываю предметы, ощущения. Людей. Я теперь каждый день пишу, надеясь спасти их от забвения» (409). При этом процесс «спасения» взаимообразный – детально прорисованная фреска времени сохранит образ и каждого из «вспоминателей».

Образ «большого полотна» эпохи важен при понимании заглавия романа Водолазкина, которое не только отражает увлечение поколения начала XX в. романтикой полета³⁰, но и имеет метафорический смысл. Образ авиатора связывается с преодолением ограниченности человеческого существования: авиатор – это тот, «чей обзор достаточно широк» (409), тот, кто сможет

запечатлеть все многообразие мира, свидетельствовать не только о «своей <...> небольшой частице» (409), но и воссоздаст всю фреску эпохи.

Всеохватность обзора берущегося за описание событий свидетеля – мотив, характерный для прозы Набокова: «Именно в один из таких дней раскрываюсь, как глаз», – начнет свое повествование рассказчик «Весны в Фиальте»³¹.

И литература – это тоже свидетельство, «убедительное доказательство», как называется английская версия Набоковской автобиографии. Поэтому в воспоминаниях героя так много отсылок к известным художественным текстам.

Очевидные, легко опознаваемые набоковские «знаки и символы» – не только игра, они становятся свидетельством о прошлом, тем необходимым голосом, который не позволяет этому миру погибнуть. Ведь, как закончит свою художественную автобиографию Набоков, «однажды увиденное не может быть возвращено в хаос никогда»³².

Примечания

- 1 Водозазкин Е. Лавр. М., 2019. С. 8.
- 2 Там же. С. 360.
- 3 См.: Мясников А., Лопухин Ю. Болезнь и смерть Ленина и Сталина. М., 2017.
- 4 Высоковская В. Евгений Водозазкин : «Я строю романы как диалог с читателем» [Интервью с Е. Водозазкиным от 13.09.2016]. URL: <https://gia.ru/20160913/1476775027.html> (дата обращения: 21.11.2019).
- 5 Там же.
- 6 См.: Лихачев Д. Соловки // Распятые : Писатели – жертвы политических репрессий. Вып. 4 : От имени живых... / авт.-сост. З. Дичаров. СПб., 1998. С. 129–137.
- 7 См.: Часть суши, окруженная небом : Соловецкие тексты и образы / отв. ред. и сост. Е. Г. Водозазкин. СПб., 2011.
- 8 См.: Солдаткина Я. Мотивы прозы А. П. Платонова в романе Е. Г. Водозазкина «Авиатор» // Rhema. Рема. 2016. № 3. С. 19–28.
- 9 См.: Водозазкин Е. Серебряный век – мой любимый период литературной истории. URL: [https://](https://evgenyvodolazkin.ru/133_evgenij-vodolazkin-serebryanuj-vek-moj-lyubimuj-period-literaturnoj-istorii/)

evgenyvodolazkin.ru/133_evgenij-vodolazkin-serebryanuj-vek-moj-lyubimuj-period-literaturnoj-istorii/ (дата обращения: 03.11. 2019).

- 10 Водозазкин Е. Авиатор. М., 2016. С. 42. Далее текст романа цитируется по данному изданию с указанием страниц в скобках.
- 11 Набоков В. Другие берега // Набоков В. Собр. соч. : в 4 т. М., 1990. Т. 4. С. 169.
- 12 Набоков В. Весна в Фиальте // Там же. С. 305.
- 13 См. всестороннее исследование соотношения описанных в «Даре» бабочек с реальными видами: Долинин А. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар». М., 2019. С. 177–184, 194, 197, 199, 208–211.
- 14 См.: Бетеа Д. Изгнание как уход в кокон : образ бабочки у Набокова и Бродского // Рус. лит. 1991. № 3. С. 160–174.
- 15 Набоков В. Другие берега. С. 144.
- 16 Там же.
- 17 Там же. С. 213.
- 18 Водозазкин Е. Брисбен. М., 2019. С. 399.
- 19 Там же.
- 20 См.: Набоков В. Ultima Thule // Набоков В. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. С. 440.
- 21 Пастернак Б. Стихотворения. Поэмы. Переводы. М., 1990. С. 338.
- 22 Набоков В. Другие берега. С. 173.
- 23 См., например: Vladimir Nabokov and the Fictions of Memoir. Warsaw, 2019.
- 24 Аверин Б. Дар Мнемозины. Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003. С. 7.
- 25 Набоков В. Возвращение Чорба // Набоков В. Собр. соч. : в 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 284–285.
- 26 Рубинштейн С. Основы общей психологии. М., 1946. С. 304.
- 27 Набоков В. Ultima Thule. С. 438–439.
- 28 Набоков В. Другие берега. С. 236.
- 29 Набоков В. Ultima Thule. С. 441.
- 30 См. об этом: Левинг Ю. Символика аэроплана : прорыв в другое измерение // Левинг Ю. Гараж – Вокзал – Ангар. СПб., 2004. С. 288–373.
- 31 Набоков В. Весна в Фиальте. С. 305.
- 32 Набоков В. Другие берега. С. 303.

Образец для цитирования:

Трубецкова Е. Г. Борьба с амнезией: набоковские «знаки и символы» в романе Е. Водозазкина «Авиатор» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 104–108. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-104-108>

Cite this article as:

Trubetskova E. G. The Fight against Amnesia: Nabokov's 'Signs and Symbols' in the Novel by E. Vodolazkin *The Aviator*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 104–108 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-104-108>

УДК 316.7

Социокультурный смысл чтения как предмет эмпирического изучения: реальность и возможности

О. Я. Гусакова

Гусакова Ольга Яковлевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры начального языкового и литературного образования, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, gusakova@mail.ru

В статье актуализируется проблема теоретического и практического осмысления трансформации читательской деятельности на современном этапе, обосновывается необходимость углубленной разработки содержательной стороны опросных методов изучения чтения в связи с его социокультурной ценностью и актуальными задачами современного литературного образования.

Ключевые слова: социологический опрос, художественная литература, читательская деятельность, литературное образование, модели чтения, методы анализа читателя.

Social and Cultural Significance of Reading as the Subject of Empirical Study: Reality and Possibilities

O. Ya. Gusakova

Olga Ya. Gusakova, <https://orcid.org/0000-0002-4041-0528>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, gusakova@mail.ru

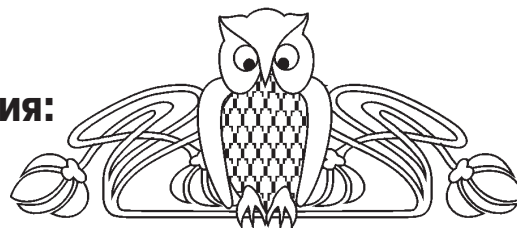
The article updates the issue of theoretical and practical understanding of how the reading activity is transforming these days. The author proves the necessity of developing an in-depth content of the questionnaire technique in order to study reading due to its social and cultural value and the current agenda of modern literary education.

Keywords: survey, fiction, readers' activity, literary education, models of reading, methods of reader's analysis.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-109-113>

В настоящее время на основании анализа работ А. И. Рейтблата¹, Б. В. Дубина², Л. Д. Гудкова³, Н. А. Стефановской⁴, В. Д. Стельмах⁵ можно говорить о том, что сложились методология и определенная методика эмпирического изучения чтения взрослых, варьируемая в зависимости от цели исследования. Они могут быть применены и применяются при изучении читателя-ребенка.

Анализ новейших исследований позволяет выделить два подхода к изучению чтения: *социологический*, дающий достоверные знания о количественной характеристике чтения, и *психологический*, в основу которого положены качественные характеристики читательской деятельности. Наиболее интегральным понятием при психологическом подходе является уровень культуры чтения, учитывающий не только мо-

тив и цели чтения, но и умение личности глубоко воспринимать и оценивать прочитанное. В области детского и подросткового чтения оба подхода реализуются в многочисленных регулярных публикациях социологов и психологов – В. П. Чудиновой, Е. И. Голубевой, И. А. Бутенко, В. С. Собкина, Н. Г. Малаховой, Л. И. Беленькой, Н. Н. Сметанниковой, М. М. Самохиной.

Глобальные системные изменения в жизни России на рубеже XX–XXI вв. определили социокультурный контекст детского чтения, привели к значительному изменению круга реального чтения, а также характера его воздействия на личность читателя-ребенка. Наблюдаемая трансформация отражает как позитивные, так и негативные тенденции в этих направлениях. К последним следует отнести общее стремление книжного рынка, системы образования ограничить многофункциональную природу художественной книги информационно-познавательными и досугово-развлекательными аспектами.

Одна из самых острых проблем изучения чтения связана с тем, что статистические данные, в наибольшей степени доступные исследователю, слабо отражают его реальное значение.

Широко распространенным вариантом социологического подхода являются исследования, основанные на традиционных опросных методах. Очевидно, что анализ документации библиотек и книжных магазинов, тестирование читателей, основанные на количественных показателях, являются «мейнстримом» современных исследований чтения.

Как образец такого подхода приведем содержание анкетных опросов юных российских читателей, опубликованных сотрудниками Центра чтения Российской национальной библиотеки в серийном издании «Чтение в библиотеках России» в период с 1995 по 2017 г. Основное внимание в них уделяется анализу чтения художественной литературы, главной целью которого является выявление тематических и жанровых читательских предпочтений в различных возрастных и гендерных группах как в столичных, так и в провинциальных городах. Опросные листы издания охватывают следующие темы: Любят ли школьники читать? Читают ли они регулярно? Читают ли в свое свободное время? Если да, то что и почему они читают? Обязательно ли в наше время читать книги, если все, что нужно, можно найти в других источниках? Можно

ли без книг воспитать культурного человека? Назовите лучшую книгу, прочитанную вами в этом году.

Методологическая ограниченность подобного подхода, как нам кажется, очевидна. Так, например, исследование круга чтения старшеклассников показывают, что произведения русских классиков постоянно встречаются при ответе на вопрос «Какая Ваша любимая книга?». Вместе с тем в тех же исследованиях справедливо утверждается, что доверять этим ответам не следует, так как они чаще всего оказываются результатом влияния на чтение подростков практически не изменяющейся, а значит, не соответствующей их собственным интересам школьной программы, устаревших фондов школьных библиотек и плохой информированности педагогов в области современной литературы⁶.

В условиях образовавшегося в массовом сознании негативного имиджа отечественной литературы более объективным результатом изучения читательских предпочтений скорее будет зафиксированный специалистами довольно высокий интерес молодежи к литературе зарубежной. Большинство читателей от 16 до 25 лет, как показывают, например, исследования кафедры юношеского абонементу Тарской ЦРБ (Омская область), уверены, что «современные российские авторы пишут либо что-то заумное, сложное и непонятное, либо трэш. А зарубежная литература – это просто литература, поскольку ее не особенно изучают в школе, она легка для восприятия и в ней есть много произведений о подростках»⁷.

В еще большей степени о несоответствии ответов и реального положения дел в области чтения можно говорить, когда речь идет о несформировавшихся читателях – например, о младших школьниках. Так, в ходе исследования читательских мотиваций учащихся четырех начальных классов школ г. Саратова нами были обнаружены следующие изъяны количественного подхода к изучению чтения⁸. Во-первых, дети хорошо знают, что хотят услышать от них взрослые, и стараются называть те произведения, которые они же, взрослые, им посоветовали. Иначе откуда в круге досугового чтения младших школьников оказались, например, «Кондуит и Швамбрания» Л. Кассиля или «Тимур и его команда» А. Гайдара. Самостоятельно, без подсказки учителя или родителей они вряд ли сделали бы выбор в пользу этих замечательных, но все же в содержательном отношении далеких от реалий жизни современных детей произведений. Во-вторых, приходится отмечать категорическое несоответствие ответов на вопрос о читательских предпочтениях при открытом и закрытом анкетировании, что определенно говорит об отставании круга детского чтения, определяемого списком произведений, рекомендованных учителем, от реальных запросов современных школьников.

Помимо сказанного, приведенные факты демонстрируют необходимость дополнения изучения (фиксации) читательской направленности посредством анкет методами непосредственного долгосрочного изучения читателей (беседы с читателем, читательские автобиографии и дневники, диспуты и коллективные обсуждения прочитанных книг). Только в этом случае можно говорить о полноте собираемых сведений и точности выводов.

Последние десятилетия в области изучения чтения отмечены появлением большого числа работ, демонстрирующих стремление уйти от количественного подхода и рассмотреть феномен чтения во всем многообразии его социально-психологических, демографических, семейно-дружеских, материальных, образовательных и прочих культурных значений.

С конца XX в. в российской науке все более утверждается мысль Дж. Равена о том, что реакция читателей на тексты определяется не столько самими текстами, сколько социальными факторами⁹. По мнению многих современных ученых, история читателей и чтения последних лет определяются исследованиями, направленными не столько на установление количества и типов читателей, или на подсчет уровня грамотности, или на выявление наиболее читаемых произведений, сколько на изучение характера чтения и опыта индивидуального читателя. Иначе говоря, исследования по истории чтения «стараются ответить на вопросы не просто о том, кто читал (какие социальные группы?) и что читал, но – *когда* люди читали (в каких социальных ситуациях?), *где* они читали, *почему* и, самое главное, *как* они читали – молча и в одиночестве или вслух, собираясь группами; небрежно, чтобы развлечься, или осмысленно и сосредоточенно в поисках совершенства»¹⁰.

Современные подходы к изучению чтения связаны, прежде всего, со становлением новых теоретических трактовок самого чтения на основе различных исходных позиций – творческой, коммуникативной, социализационной, кибернетической и др. Для образования исключительное значение имеют креативная (творческая) и коммуникативная модели чтения.

Основное направление научного анализа при креативной модели связано с выявлением соотношения между креативным и репродуктивным аспектами чтения. Положительным является соотношение, при котором талантливый читатель с помощью воображения и на основе своего собственного жизненного опыта, а также определенных внутренних установок воссоздает и дорисовывает художественный образ или картину. Таким образом происходит осмысление прочитанного и трансформация результатов читательской деятельности в практику («модель чтения, ведущая к жизни»¹¹).

Преобладание креативной стороны чтения позволяет определять уровень духовного разви-

тия личности, поскольку в этом случае чтение используется как «фундамент для полета собственной мысли»¹². Как атрибут духовного развития личности чтение представлено и в коммуникативной теории, основанной в начале XX в. Н. А. Рубакиным, М. Н. Куфаемым и развитой в социологическом очерке «Читательская культура России» Н. С. Плотникова.

Согласно основным положениям философии чтения, выдвинутым Н. С. Плотниковым, чтение на современном этапе рассматривается как социокультурный феномен человеческого бытия, как восприятие тестов природы в широком семиотическом смысле, как «диалог человека с природой» («грамотное умение жить в сфере своего обитания»), с другими людьми («умение читать другого как текст»), с самим собой («умение читать себя как текст»)¹³.

Последний тип чтения – углубленное чтение в диалоге с самим собой – С. Н. Плотников считает самым сложным, так как он связан с определением своей жизненной позиции, с осознанием своих представлений об идеалах, о нравственном и безнравственном.

В свете сказанного обнаруживается острая проблема эмпирического изучения чтения. Она связана с тем, что социология изучает литературу «без человека»¹⁴, т. е., интересуясь вопросами, что и как читают, например, школьники, она не стремится узнать, кто их любимый герой.

Между тем такая задача диктуется и спецификой предмета изображения в искусстве слова, и такими его (искусства) функциями, как познавательная и воспитательная. Ведь художественное произведение, согласно терминологии М. М. Бахтина, – это сказанное писателем «слово о мире» («мысль о мире»¹⁵). И главным в этом, изображенном писателем мире является человек. Следовательно, читающий художественное произведение получает опосредованный жизненный опыт, через психологию персонажа познает людей, самого себя. Идентификация – узнавание себя в герое, в его поступках и характере – ведет читателя к самопознанию, а сравнение себя с ним, обнаружение преимуществ, т. е. разотождествление может стать «сильнейшим стимулом к совершенствованию»¹⁶.

Эффект узнавания, как известно, во многом зависит от воспитания и возраста читателя. Чем старше читатель, тем ярче проявляется у него способность смотреть на жизнь и себя сквозь призму прочитанного произведения. Однако довольно глубокие ассоциации могут быть сформированы уже в дошкольном и младшем школьном возрасте, часто идентификация и вовсе является едва ли не важнейшим аргументом при выборе книги для чтения.

Таким образом, есть все теоретические основания и в связи с этим необходимость рассматривать чтение художественной литературы как способ воспитания психологической гра-

мотности. В целом разработана и методика эмпирического исследования способности глубоко проникать во внутренний мир персонажа литературного произведения, крайне важной для нравственного развития читателя-ребенка, для превращения чтения в жизненно необходимую для него деятельность. Проблема заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев в ходе статистического изучения детского чтения предпочтение отдается важным, но все же менее значимым аспектам.

У исследователей есть некоторые, хотя и не бесспорные, основания находить причину этого обстоятельства в школьном образовании. Лучше других они определены одним из ведущих специалистов в области педагогики детского чтения И. И. Тихомировой в злободневной, полемической публикации «Отпереть психологическую дверь, или Как стать человеком»¹⁷ и могут быть интерпретированы в целом следующим образом.

«Созидающая терапия» – процесс неизбежного сопоставления читательских переживаний с переживаниями литературного героя при чтении произведения – еще совсем недавно была обязательной составляющей школьного литературного образования. Таким образом, «в сердцах школьников оставались положительные и отрицательные персонажи, они подавали о себе весть в дни сомнений и поиска идеала»¹⁸. Сегодня многое изменилось. В современной концепции школьного литературного образования «литературные персонажи отсутствуют». На уроках литературы «готовят литературоведов». Показателем высокой читательской квалификации стало знание названия произведений, входящих в школьную программу, запоминание авторов; анализ содержания ограничивается поиском ключевых слов, составлением сюжетного плана, определением темы произведения; больше внимания уделяется характеристике его образительно-выразительных средств и композиции, жанровой атрибутике, но не человеку, изображенному писателем¹⁹.

Тревога И. И. Тихомировой по поводу того, что литература в школе сегодня может стать только предметом образования и окажется выключенной из процесса воспитания, понятна, но и не может быть оставлена без комментария.

В случае механического, т. е. не направленного на целостное восприятие авторского замысла, выделения отдельных компонентов художественной формы произведения (пейзаж, вещная деталь, художественная речь, композиция и проч.), действительно, не акцентируется внимание на сложности человеческих характеров, изображенных в нем, не ставится цель вызвать в читателях эмоциональный отклик на прочитанное, не развивается их понимание внутреннего мира и мотивов поведения литературных героев. Но,

как известно, в искусстве форма неотделима от содержания. Иначе говоря, она всегда содержательна. И поэтому анализ даже самого простого содержательного слоя произведения – темы – невозможен без анализа определенного компонента его формы. В эпосе и драме таким компонентом как раз и является система персонажей с воплощенными в них характерами. Другое дело, что далеко не всегда учитель сам осознает это единство, находит методическую концепцию для его растолкования и может успешно вместе со своими учениками подняться на уровень постижения проблематики и идейного мира произведения. Все это, конечно же, мешает школе решать важнейшую задачу современного образовательного процесса по литературе – задачу воспитания *творческого читателя*. Но она озабочена этим фактом не менее, чем социология, накапливает в этом плане и успешный опыт, и значит, речь должна идти, прежде всего, о поиске путей взаимодействия между двумя заинтересованными сторонами.

Все сказанное выше позволяет сделать следующие выводы.

За последние десятилетия в периодических изданиях, а также в профессиональной печати библиотечного сообщества накоплено большое количество статистических данных, связанных с изучением массового чтения. Контекст их обсуждений исключительно разнообразен и продолжает расширяться. Однако данные о чтении молодежи и школьников в настоящее время считается наиболее перспективным рассматривать с точки зрения социально-педагогического подхода к феномену чтения, который предполагает его осмысление как целостного явления, находящегося во взаимосвязи с другими социально-педагогическими явлениями: с образованием, воспитанием, обучением. При таком подходе в полной мере учитывается гуманитарный, духовно развивающий смысл чтения художественной литературы как явления культуры, состоящий в передаче социального, эмоционального, нравственного, мировоззренческого опыта языковыми средствами. Ценности чтения, как известно, становятся таковыми в зависимости от качества читаемой литературы и от уровня ее восприятия читателем.

Вместе с тем большая часть социологических опросов еще недостаточно ориентирована на то, чтобы способствовать достижению главной цели образования на современном этапе – пробуждению нравственного сознания, развитию личности, способной не только потреблять, но и создавать культурные ценности. Не случайно такие структурные элементы программ по литературе, как цель и принципы построения, сегодня все чаще соотносятся с базовыми читательскими и литературно-творческими умениями школьников. Актуальность исследований подобного рода обусловлена и высокой

функциональной значимостью постоянного изучения читательских мотиваций и видов читательской деятельности в системе школьного литературного образования, т. к. своевременное фиксирование качественных и количественных показателей, характеризующих изменения в детском чтении, является одним из эффективных видов взаимодействия участников образовательного процесса, позволяющих успешно решать его основные задачи.

Применение опросного метода (анкета, интервью), иногда сочетаемого с наблюдением и экспериментом, в области изучения чтения школьников в числе прочего требует от специалистов (социологов, психологов, педагогов) знания и понимания детской и подростковой психологии и связанных с ней возрастных особенностей восприятия художественных произведений разных жанров; механизмов возрастной социализации, а также умения создавать методики, соответствующие особенностям читателей разного возраста. Однако общая, не зависящая от возраста читателя, проблемная ситуация в сфере чтения связана с комплексом взаимосвязанных вопросов, которые сводятся к трем основным: а) зачем читать? б) что читать? в) как читать? Решение всего комплекса вопросов позволяет читателю получить нужную информацию и/или достигнуть желаемого психологического состояния.

Контроль за первыми двумя аспектами давно и достаточно успешно осуществляется в ходе социологических исследований разных лет в России и за рубежом. Что же касается третьего аспекта (как читать), то очевидно, что здесь исследовательская активность еще только набирает силу.

Основная линия изучения чтения в этом направлении связана с выявлением соотношения между взаимосвязанными аспектами в нем – креативными и репродуктивными, учет которого позволяет выявить специфику духовно-практической потребности человека в чтении. Это означает, что наиболее плодотворный исследовательский путь предлагают социологи, которые сегодня понимают острую необходимость вводить в опросные листы новые объекты анализа – вопросы, позволяющие вести анализ читательского самосознания, т. е. помогающие установить: 1) в какой мере детям открыта ценность идентификации как элемента творческого чтения, ведущего к самопознанию и саморазвитию; 2) включают ли они читаемое в контекст своей собственной жизни (в прошлом, настоящем и будущем); 3) умеют ли переносить черты персонажа целиком или частично на людей, знакомых им по жизни, или самих себя по принципу сходства/различия; 3) способны ли они переходить от идентификации внешних черт человека к идентификации внутреннего мира.

Примечания

- ¹ См.: Рейтблат А. От Бовы к Бальмонту. Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М., 1991.
- ² См.: Дубин Б. Книга – чтение – библиотека. Тенденции недавних лет и проблемы нынешнего дня (по материалам статистики и массовых опросов) // Как разорвать замкнутый круг. Поддержка и развитие чтения : проблемы и возможности : науч.-практ. сб. М., 2007. С. 14–37 ; *Его же*. Интеллектуальные группы и символические формы. Очерки социологии современной культуры. М., 2004 ; *Его же*. Слово – письмо – литература. Очерки по социологии современной культуры. М., 2001 ; *Его же*. Есть мнение! Итоги социологического опроса. М., 1990.
- ³ См.: Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Массовая литература как социальный феномен // Литература и общество : введение в социологию литературы. М., 1998. URL: <http://www.iek.edu.ru/publish/pusl5.htm> (дата обращения: 03.10.2019) ; Гудков Л. Массовая литература как проблема. Для кого? // НЛО. 1997. № 22. С. 78–101. URL: magazines.russ.ru/nlo/1997/22/gudkovp-pr.html (дата обращения: 16.10.2019).
- ⁴ См.: Стефановская Н. Социологические исследования чтения : теория, методика, практика : науч.-практ. пособие. М., 2013 ; *Ее же*. Экзистенциальные основы чтения. Тамбов, 2008.
- ⁵ См.: Стельмах В. Книга и чтение в зеркале социологии. М., 1990.
- ⁶ См.: Кургаева Ю. Пан или пропал? Круг чтения старших подростков : основные тенденции // Библиотечное дело. 2018. № 9. С. 37–39 ; Собкин В., Плоткин Д. Подросток и художественная литература : динамика изменений читательских интересов // Вестн. практической психологии образования. 2006. № 2. С. 36–43 ; Собкин В., Калашникова Е. Позитивные и негативные личностные образцы учащихся основной и старшей школы // Педагогика. 2018. № 12. С. 23–37.
- ⁷ Кривчикова Е. Мой личный Букер. Что читает нынешняя молодежь // Библиополе. 2018. № 6. С. 59.
- ⁸ См.: Гусакова О. Мотивы читательской деятельности младших школьников // Проблемы филологического образования : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6. Саратов, 2014. С. 14–20 ; *Ее же*. Круг чтения младших школьников // Проблемы филологического образования : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7. Саратов, 2015. С. 15–19.
- ⁹ См.: Raven J. New Reading Histories, Print Culture and the Identification of Change // Social History. 1998. Vol. 23, № 3. P. 268–287.
- ¹⁰ Равинский Д. История чтения : раздвигая границы исследовательского пространства // НЛО. 2010. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/istoriya-chteniya-razdvigaya-granicy-issledovatel'skogo-prostranstva.html> (дата обращения: 17.10.2019).
- ¹¹ Тихомирова И. О модели чтения, ведущей к жизни // Школьная библиотека. 2017. № 4. С. 15.
- ¹² Стефановская Н. Социологические исследования – проблемы теории и методологии // Чтение в библиотеках России. Информ. изд. Вып. 7. Исследовательские проекты библиотек по чтению. СПб., 2007. С. 30.
- ¹³ Плотников С. Философия чтения. Тезисы выступления // Номо Legens : Памяти Сергея Николаевича Плотникова (1929–1995). М., 1999. С. 67–68.
- ¹⁴ Тихомирова И. Отпереть психологическую дверь, или Как стать человеком // Библиотечное дело. 2018. № 12. С. 23.
- ¹⁵ Бахтин М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 364.
- ¹⁶ Тихомирова И. Узнавание себя в герое. Образы прошлого и оживление пережитого // Библиотечное дело. 2017. № 9. С. 3.
- ¹⁷ См.: Тихомирова И. Отпереть психологическую дверь, или Как стать человеком. С. 19–24.
- ¹⁸ Там же. С. 22–23.
- ¹⁹ Там же.

Образец для цитирования:

Гусакова О. Я. Социокультурный смысл чтения как предмет эмпирического изучения: реальность и возможности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 109–113. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-109-113>

Cite this article as:

Gusakova O. Ya. Social and Cultural Significance of Reading as the Subject of Empirical Study: Reality and Possibilities. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 109–113 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-109-113>

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

УДК 821.161.1.09-3(049.32)

Художественный текст как диагноз

(Трубецкова Е. Г. «Новое зрение»: болезнь как прием остранения в русской литературе XX века. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 304 с. : ил. (Серия «Очерки визуальности»))

Е. Г. Елина

Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, elinaeg@info.sgu.ru

Рецензируемая монография Е. Г. Трубецковой является продолжением исследований автора в области визуальной поэтики русской литературы. Предложенная в книге «оптика» позволяет по-новому увидеть медицинские сюжеты художественных текстов, осмыслить эстетический и экзистенциальный опыт болезни.

Ключевые слова: визуальная поэтика, болезнь, Набоков, Алданов, Кржижановский, Солженицын, Водолазкин.

Literary Text as a Diagnosis

(Trubetskova E. G. "New Vision": a disease as a method of estrangement in the Russian literature of the 20th century. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 304 p.: ill. (Series "Visual Sketches"))

E. G. Elina

Elena G. Elina, <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, elinaeg@info.sgu.ru

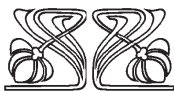
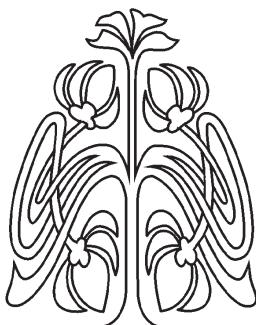
The monograph under review is a continuation of the author's research in the field of visual poetics of the Russian literature. The 'optics' proposed in the book allows to see the medical plots of literary texts in a new way, to comprehend aesthetic and existential experience of the disease.

Keywords: visual poetics, disease, Nabokov, Aldanov, Krzhizhanovsky, Solzhenitsyn, Vodolazkin.

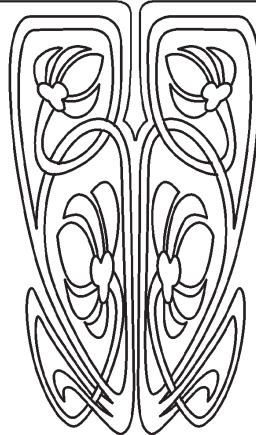
DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-114-115>

Книга Елены Трубецковой – это действительно новое зрение, новый взгляд на хорошо известные (а иногда и не очень хорошо) произведения русской словесности. Структура книги стилизована под историю болезни – от анамнеза до эпикриза. Суть рассказанного дается в двух измерениях: взгляд пациента и интерпретация врача. Болеют в книге герои Набокова и Хармса, Солженицына и Алданова, Ремизова и Каверина, Пастернака и Дины Рубиной. От легкой простуды до тяжелого гриппа и неизлечимых душевных болезней – различны состояния и чувства литературных героев.

Отдельная тема – ослабление или потеря зрения. Восприятие мира героем с врожденной слепотой прочитано автором чувствительно и деликатно. Для автора книги, по-особому внимательного читателя, важно показать, как на фоне болезни происходит аберрация зрения, которая приводит к неизбежной аберрации сознания, к его сдвигам и деформациям. Вообще тема зрения, воззрения, мировоззрения оказывается в монографии Е. Г. Трубецковой темой центральной. Уже предисловие названо автором «Смена визуальных кодов», и здесь через понимание писателей, художников, философов не только представлено одно из важнейших физиологических свойств человека,

КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ

но прочерчивается абрис магистральной для искусства XX в. проблемы, связанной с презентацией и художественным воплощением визуальных кодов. Для автора книги зрение оказывается сущностной категорией: зрение и сновидение, зрение и подсознание, зрение и психическое здоровье или нездоровье. Вот почему появление рецензируемой работы в серии «Очерки визуальности» вполне органично.

Книга приоткрывает и еще одну тему, о которой не принято говорить, – тему взаимоотношений врача и пациента. Речь идет о неистребимой вере больного и о всевластии доктора над ним, об экзистенциальном одиночестве человека, примерившего на себя роль пациента.

В книге Е. Г. Трубецковой использована мозаичная композиция. Здесь нет ярко выраженной линейной историко-литературной последовательности изложения. В такой нелинейности видится еще одна, дополнительная возможность визуализировать всю структуру повествования, сделать его не только научно достоверным и состоятельным, но и занимательным, позволяющим адресовать его не только профессиональным литературоведам, но широкому кругу читателей. Автор книги, написавший немало статей о высоких образцах русской словесности минувшего века, с интересом пишет о разномасштабных и порой мелкокалиберных текстах современных книг о медиках и болезнях – книг-однодневок, которые Е. Г. Трубецкова справедливо называет «проектами на медицинскую тематику». Однако и миновать это живучее поле, породившее множество сюжетов, невозможно.

Монография исследует болезнь и всех к ней причастных в нескольких аспектах одновременно: здесь мы видим и скрупулезный анализ целого ряда литературных произведений, и обращение к болезни как к устойчивой социально-политической метафоре. Исключительно важными кажутся здесь размышления о противопоставлении культа телесного здоровья в первые десятилетия советской власти и различных социальных недугов.

В работе рассыпана масса точных и, кажется, впервые подмеченных деталей, наблюдений над врачами и пациентами русской литературы. В книге предстает и врач Евгений Базаров, и

умирающий Иван Ильич, и чеховские доктора. Однако совершенно отдельными героями книги становятся В. Набоков, С. Кржижановский и Б. Пастернак. Е. Г. Трубецкова снова и снова возвращается к их героям даже тогда, когда пишет о других прекрасных наших писателях. Возникающие параллели между персонажами и творческой манерой Набокова и Водолазкина, Набокова и Пастернака, Набокова и Ремизова, Набокова и Кржижановского добавляют в книгу объемное видение, двуплановость смыслов, необходимых для уточнения эстетической позиции каждого писателя. Показано, как медицинский диагноз самым прямым и неметафорическим образом ведет к пониманию литературного героя и объясняет многое, если не все, в его действиях и мыслях.

Пользуясь терминологией, принятой в книге, любая проведенная в ней параллель позволяет уточнить диагноз и определить течение болезни каждого пишущего и каждого (ставшего объектом медицинского наблюдения) литературного героя. Е. Г. Трубецкова невольно убеждает своего читателя в удивительной близости медицины и литературы. Уместно вспомнить знаменитое письмо М. Е. Салтыкова к доктору Белооголовому (28 апреля 1882 г.): «Вчера был боткинский юбилей, и я был на обеде, о чем Вас и уведомляю. Обедало около 400 человек <...> Торжество было шумное; читали речи; сначала можно было разобрать, а потом – нельзя <...> И вдруг, среди гама и шума, встает Сеченов и предлагает тост за Вашего покорнейшего слугу. Можете себе представить мое волнение и даже испуг. И начал коварно так, что и ожидать было нельзя. Боткин, дескать, знаменит как диагност, а между нами есть еще и другой диагност... Клянусь Вам, меня почти паралич хватил. Разумеется, я как дурак, кланялся во все стороны. Хорошо, что еще кашель не захватил, а то картина была бы полная».

Писатель как диагност, литературный герой как пациент – вот новые грани литературы и аналитического ее понимания, каким оно является себя в «Новом зрении». У Е. Г. Трубецковой получилась замечательная книга – про литературу, про писателей, про медицину, а значит, и про каждого из нас.

Образец для цитирования:

Елина Е. Г. Художественный текст как диагноз // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 114–115. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-114-115>

Cite this article as:

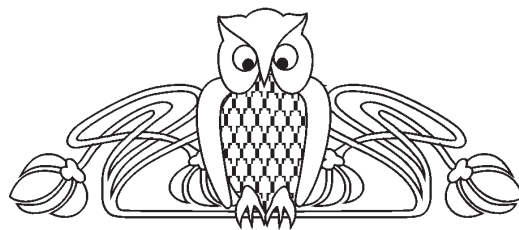
Elina E. G. Literary Text as a Diagnosis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 114–115 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-114-115>

УДК 821.133.1.09-91(049.32)

Необыкновенные приключения французского популярного романа

(Чекалов К. А. Популярно о популярной литературе. Гастон Леру и массовое чтение во Франции в период «прекрасной эпохи». М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 288 с.)

С. Ю. Павлова

Павлова Светлана Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, pavlovasy@info.sgu.ru

В статье рецензируется монография К. А. Чекалова, посвященная французской массовой литературе конца XIX – начала XX в. Автор исследует жанровые, тематические и стилистические изменения в произведениях популярного характера на примере творчества Гастона Леру, а также других известных романистов «прекрасной эпохи» (Леблана, Сувестра, Аллена и др.).

Ключевые слова: массовая литература, «прекрасная эпоха», детектив, хоррор, романский цикл, русская тема, Гастон Леру.

Remarkable Adventures of a Popular French Novel

(Chekalov K. A. In a popular way about popular literature. Gaston Leroux and mass reading in France during the 'Belle Epoque'. Moscow, Publishing house "Delo" RANEP, 2018. 288 p.)

S. Yu. Pavlova

Svetlana Yu. Pavlova, <http://orcid.org/0000-0001-7870-2772>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, pavlovasy@info.sgu.ru

The article presents a review of K. A. Chekalov's monograph on mass French literature of the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries. The author studies the genre, thematic and stylistic changes in popular works on the example of the oeuvre of Gaston Leroux and other famous novelists of the 'Belle Epoque' (Leblanc, Souvestre, Allain etc.).

Keywords: mass literature, 'Belle Epoque', detective, horror, novel cycle, Russian theme, Gaston Leroux.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-116-118>

Повышенный интерес современных гуманитариев к феномену массовой литературы и – шире – культуры, который вызван необходимостью осмысления целого спектра вопросов, связанных с созданием и рецепцией текстов, жанровыми трансформациями, взаимодействием серьезной и популярной литературы, определяет актуальность книги К. А. Чекалова, одного из ведущих отечественных специалистов в этой области. Рецензируемая монография продолжает его исследования массовой беллетристики во Франции. Этой теме посвящены статьи ученого о творчестве Эжена Сю¹, Поля Феваля², Жюля

Верна³, Пьера Сувестра, Марселя Аллена⁴ и других, монография «Формирование массовой литературы во Франции. XVII – первая треть XVIII века» (2008)⁵, выпущенный под его редакцией (совместно с М. Р. Ненароковой) коллективный сборник научных трудов «Генезис зарубежной массовой литературы и ее судьба в России» (2015)⁶.

Новая книга К. А. Чекалова «Популярно о популярной литературе. Гастон Леру и массовое чтение во Франции в период “прекрасной эпохи”» связана с периодом рубежа XIX–XX вв., когда на волне индустриального подъема, развития рыночных отношений и роста грамотности населения феномен массовости проявился в западноевропейской культуре в высшей степени отчетливо. Во Франции этот период получил название «прекрасной эпохи», характеристика которой предваряет анализ творчества популярных в широкой читательской среде литераторов. Автор монографии констатирует, что именно в эти годы происходит «интенсивный всплеск массовой литературы <...>, ее системная модернизация, обновление ее жанровой системы» (с. 60).

Этот процесс он убедительно иллюстрирует на примере «романа-фельетона» от первых его образцов середины 1830-х гг. до текстов собственно «прекрасной эпохи» (1890–1914). Несомненным достоинством книги является значительный охват анализируемого материала, позволяющий увидеть динамику жанровых, тематических и стилистических особенностей в литературе массового типа. Особенно ценно то, что К. А. Чекалов предлагает панораму творчества мало или вовсе не известных современному российскому читателю французских романистов (Понсона де Террайля, Поля Феваля, Эмиля Габорио, Ксавье де Монтепена и др.), чьи произведения имели огромный успех у публики в XIX в. и отчасти продолжают сохранять свою притягательность и сегодня. Представление о характере массовой литературной продукции на рубеже XIX–XX вв. углубляют рассуждения исследователя об изменении читательской аудитории, о деятельности издателей и политике журналов, о смене жанровых парадигм, о роли рекламы и кинематографа в популяризации беллетристики.

В центре внимания автора книги оказывается творчество Гастона Леру (1868–1927), одного из наиболее популярных писателей «прекрасной эпохи». Важно подчеркнуть, что рецензируемый труд является первым российским монографиче-

ским исследованием, посвященным французскому романисту. В этой связи представляется значимым открывающий монографию детальный, хронологически выстроенный, основательно документированный биографический очерк, в котором Г. Леру предстает типичным литератором XIX – начала XX в., реализовавшим себя в качестве журналиста и писателя (глава 1), а также заключение, описывающее последние годы его жизни и профессиональной деятельности.

На примере этой репрезентативной фигуры французской популярной словесности, чье творчество отличают жанровое разнообразие и новаторство в использовании моделей массовой литературы, К. А. Чекалов затрагивает целый ряд значимых литературоведческих и общекультурных проблем. Так, вписав произведения Г. Леру в контекст массовой литературы «прекрасной эпохи» (глава 2), исследователь рассматривает своеобразие его детективных романов о Рультабийле в сравнении с повестями Конан Дойла о знаменитом сыщике Шерлоке Холмсе и с произведениями Мориса Леблана о французском «джентльмене-взломщике» Арсене Люпене (глава 3). Проведенный в монографии анализ образа молодого репортера и одновременно сыщика-любителя из романов Г. Леру «Тайна Желтой комнаты» («Le Mystère de la chambre jaune», 1907) и «Аромат дамы в черном» («Le Parfum de la dame en noir», 1908) содержит ценные комментарии к тексту (например, о значениях имени героя или автобиографических чертах) и позволяет К. А. Чекалову продемонстрировать особенности формирования детективного жанра во Франции.

Несомненный интерес с точки зрения русско-французских культурных связей представляет описание нескольких путешествий Г. Леру в Россию, совершенных в период с 1897 по 1906 г. (глава 4). Автор книги, привлекая материалы прессы и эпистолярные свидетельства, дает обзор репортажей молодого журналиста из Петербурга и Москвы, среди которых особый интерес представляют статьи о событиях русской революции 1905 г. В этой главе К. А. Чекалов особенно наглядно демонстрирует взаимосвязь публицистики и художественного творчества Г. Леру, показывая, как реальные эпизоды отразились в его очерках, а затем трансформировались в романах. Специальное внимание уделено трактовке русской темы в художественной прозе французского писателя, главным образом, в историко-приключенческом романе «Рультабийль у царя» («Rouletabille chez le Tsar», 1913) с его образами заговорщиков-нигилистов, представлениями о русской душе, петербургскими топосами.

Актуальный характер носит анализ самого известного романа Г. Леру «Призрак оперы» («Le Fantôme de l'Opéra», 1909) и других его произведений с «франкенштейновскими» и «вампирическими» мотивами, которые современная

литературоведческая наука относит к жанру хоррора (глава 5). К. А. Чекалов показывает истоки образа Призрака в культурной традиции, начиная с ярмарочных представлений и заканчивая современными романисту беллетристическими сочинениями, освещает значение научных экспериментов рубежа XIX–XX вв. в развитии темы «ваяния человеческой плоти».

На выявлении значимых для массовой литературы тем и мотивов строится характеристика романов циклов Г. Леру, публикация которых завершилась в 1920-е гг., т. е. уже за пределами «прекрасной эпохи» (глава 6). Она дается на фоне знаменитого образца романа-реки в популярной литературе периода «Фантомасианы» П. Сувестра и М. Аллена. Обращение к творчеству современников автора «Рультабийлианы» позволяет ученому осмыслить причины популярности и живучести одного из топовых образов массовой культуры, а также сопоставить киноверсии историй о Фантомасе, тем самым обозначив еще одно важное направление исследований внутри осмысляемого корпуса проблем – экранизации французской популярной литературы и массовой кинематограф.

Книга К. А. Чекалова рассчитана на широкую читательскую аудиторию, что подчеркнуто в ее названии – «Популярно о популярной литературе». Такая адресация отвечает природе рассматриваемых литературных явлений, а многообразие затронутых аспектов изучаемой темы и живой стиль изложения позволяют читателю с интересом следить за развитием авторской мысли. Однако все это отнюдь не исключает научной глубины и основательности рецензируемой монографии. Напротив, в ней представлен богатейший материал, связанный с творчеством романистов «прекрасной эпохи», дан широкий журнальный контекст и культурный фон, привлечены редкие био-, библио- и фотоматериалы, скорректированы отдельные переводы, использованы исследования современных специалистов по массовой литературе.

Ученым-филологам остается пожалеть лишь об отсутствии сносок, что объясняется популярным характером издания, но отчасти компенсируется автором в конце книги. Завершающий ее список литературы, состоящий по преимуществу из работ зарубежных ученых, демонстрирует пока еще недостаточное внимание российских филологов к феномену массового чтения во Франции и в других западных странах. Хочется выразить надежду, что монография К. А. Чекалова усилит интерес отечественных исследователей к необыкновенным приключениям французского популярного романа.

Примечания

¹ См.: Чекалов К. Эжен Сю и его творчество в зеркале французской словесности и периодике конца XIX – на-

- чала XX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2017. № 1. С. 71–87.
- ² См.: Чекалов К. Авторефлексивность и метатекстуальность в романах Поля Феваля // Вестн. КГУ. 2018. Т. 24, № 4. С. 74–81.
- ³ См.: Чекалов К. Жанровая и тематическая диверсификация поздних романов Жюль Верна // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 432–437. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-432-437>
- ⁴ См.: Чекалов К., Пахсарьян Н. Архитектоника романного цикла П. Сувестра и М. Аллена о Фантомасе и проблема серийности в массовой литературе // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2, № 4. С. 114–133. DOI: [10.22455/2500-4247-2017-2-4-114-133](https://doi.org/10.22455/2500-4247-2017-2-4-114-133)
- ⁵ См.: Чекалов К. Формирование массовой литературы во Франции. XVII – первая треть XVIII века. М., 2008.
- ⁶ См.: Генезис зарубежной массовой литературы и ее судьба в России : сб. науч. тр. / отв. ред. М. Р. Ненарокова, К. А. Чекалов. М., 2015.

Образец для цитирования:

Павлова С. Ю. Необыкновенные приключения французского популярного романа // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 116–118. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-116-118>

Cite this article as:

Pavlova S. Yu. Remarkable Adventures of a Popular French Novel. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 116–118 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2020-20-1-116-118>

Подписка на 2020 год

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36011,
раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

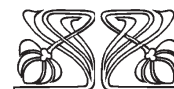
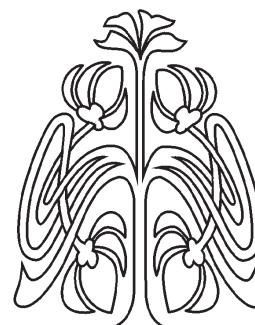
Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес редакции:

410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89
Факс: +7(845-2) 27-85-29
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83
СГУ имени Н. Г. Чернышевского
Институт филологии и журналистики
Тел./факс: +7(845-2) 21-06-48
E-mail: iyu@mail.ru
Website: <http://bonjour.sgu.ru/>

ПОДПИСКА

